

международная медиа группа Интеллигент

Интеллигент

проза
поэзия
очерки и эссе

NEW-YORK

музыка
живопись
люди искусства

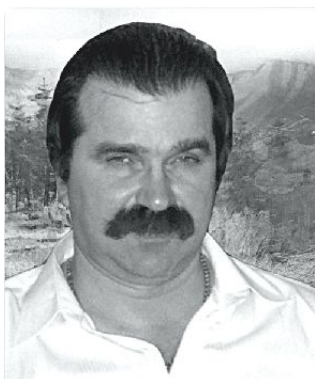
литературно-публицистический журнал №8 2020 г.

Учредители:
Founders:

Сергей Пашков
Sergey Pashkov

Сергей Малашко
Sergey Malashko

Главный редактор выпуска, верстка: Юлия Рудомазина
Editor-in-chief, layout: Yulia Rudomazina

Спонсор: Андрей Медведев Sponsored by:
Andrey Medvedev

Медийная группа «Интеллигент» © 2020
Media Group «Intelligent» © 2020

В выпуске номера участвовали:

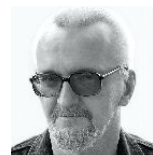
Светлана Савицкая
(Москва)

Ирина Анастасиади
(Греция)

Наталья Крофтс
(Австралия)

Михаил Смирнов
(Башкортостан)

Виталий Лозович
(Воркута)

Юрий Тубольцев
(Германия)

Татьяна Леухина
(Астраханская обл.)

Светлана Дион
(Испания)

Дина Лебедева
(Карелия)

Александр Ралот
(Краснодар)

Эльдар Ахадов
(Красноярск)

Марина Гарбер
(Люксембург)

Петр Цветков
(Магадан)

Зинаида Кокорина
(Москва)

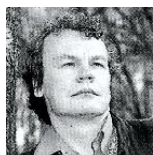
Виктор Шмелев
(Нижний Новгород)

Григорий Яропольский
(Нальчик)

Михаил Ярохович
(Новороссийск)

Юрий Беликов
(Пермь)

Виктор Криницкий
(Санкт-Петербург)

Андрей Корчевский
(США)

Ольга Ильницкая
(Украина)

Андрей Карпин
(Финляндия)

Виталий Амурский
(Франция)

Ирина Аргутина
(Челябинск)

Лариса Шарова
(Эстония)

Ирина Фетисова-Мюллерсон
(Эстония)

Евгений Шепеленко
(Самара)

Михаил Тарковский
(Красноярск)

Наталья Теренкова
(Сергиев Посад)

Александр Матусевич
(Москва)

Анна Русских
(Москва)

Мария Сидлер
(Москва)

В номере напечатаны произведения Майи Шварцман, Марка Луцкого и Андрея Сунгурова. Разрешение на публикацию данных материалов было предоставлено медиа-группе «Интеллигент» авторами прижизненно.

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •

Интеллигент

Мы ищем новое, но выполняем наши обязательства

Сейчас, когда вы впервые держите в руках этот номер журнала, я верю, что жизнь уже пришла или приходит в прежнее русло, все потрясения закончились, вы и ваши близкие в добром здравии и благополучии. Ведь, по большому счёту, всё, что в этом мире есть у нас, — мы сами и наши родные, близкие, ближние. Давайте беречь друг друга.

В новом номере мы представили много произведений, уже печатавшихся в наших газетах, так как их авторы ждут перепечатки в журнал, и мы не можем отказать хорошим материалам, нуждающимся в как можно более широкой аудитории. Тем более, что журналы создавались отчасти и для перепечатки газетных материалов, и у нас есть такое обязательство.

Но, как водится, здесь вы сможете познакомиться и с новыми произведениями, и с новыми авторами. После долгих раздумий мы склоняемся, всё же, к тому, чтобы в последующих номерах отдать предпочтение свежим произведениям уже печатавшихся у нас авторов и ранее неизвестным нам авторам, коих множество.

Обзор номера я хочу начать того, что вы видите уже на соседней странице — представление фестиваля «Визит к музам», где наши издания также отметили премией «Гомер-2019». И в первую очередь хочется рассказать о статье, подобной которой, по моему мнению, не хватает в наших журналах. Таких статей хотелось бы видеть больше на наших страницах (это вам, уважаемые авторы на заметку). Речь идёт об исследовании Евгения Слезова, посвященном «Одиссее» в исполнении Гомера, Джеймса Джойса и Никоса Казандзакиса. И именно о последнем, как самом малоизвестном и малоизвестном за пределами Греции, автор в основном и рассказывает. О Гомере и о Джойсе написано огромное количество работ (о Джойсе, может статья, даже больше, чем о Гомере), а о Казандзакисе, тем более, на русском языке, как говорится, немногим больше нуля. Это делает представленную здесь работу особенно ценной и информативной.

Особого внимания стоит статья Абая Каиржанова, доктора филологических наук из Казахстана. Это работа из «высшей лиги» — научный труд, посвященный «Хроникам» Георгия Арматоло, нелёгкий, честно говоря, для прочтения, но невероятно интересный и познавательный.

Текст Дмитрия Ивашинцова вызвал у меня некоторые сомнения в уместности его присутствия именно в номинации «научная работа» (интроспекция, насколько я знаю, научным методом не является), но организаторам фестиваля, безо всяких претензий и колебаний, виднее. Одно только ясно абсолютно — работа достойна гран-при в какой бы то ни было номинации. Это великолепное поэтическое-аналитическое эссе я прочитала, как поэму. Bravo!

Одним словом, я крайне рекомендую как можно внимательнее ознакомиться с материалами фестиваля «Визит к музам», поверьте!

Что у нас ещё есть нового? Хорошо забытое старое. Мы возобновляем рубрику «Произведения для детей». Здесь вы познакомитесь, если ещё не знакомы, со стихами Андрея Сунгурова, к сожалению, уже ушедшего из жизни. Знакомый нам по недав-

нему номеру журнала «Интеллигент — Избранное», где он представил «взрослые» стихи, Евгений Шепелев раскроется нам как хороший детский поэт. А читая интервью, какие-то работы, да и просто глядя на сурового мужчину, смотрящего с фотографий Михаила Тарковского, сложно представить, что из-под его пера выходят великолепные стихи для детей. Мы полностью печатаем его книгу «Сказка о коте и Саше». К сожалению, прекрасные иллюстрации Евгении Аблязовой мы в полном объёме напечатать не можем, но в книге вы их найдёте. Я считаю, что произведения для детей хороши тогда, когда их интересно читать и взрослым. Наши «детские страницы» мне читать было интересно.

Я полюбила поэзию и захотела создать что-то своё именно в детстве, благодаря великим: Ирине Токмаковой, Юнне Мориц, Сергею Михалкову, Агнии Барто, и это я молчу о Чуковском и Маршаке... Очень важно, невероятно необходимо делать литературу для детей и позволять детям творить. И, когда Сергей написал мне «давай сделаем раздел для детей», я была категорически согласна. Хотелось бы, чтобы эта рубрика была и развивалась в наших журналах (это, опять-таки, намёк для вас, авторы).

А ещё у нас новый обозреватель и член редакционного совета — Анна Русских. Благодаря ей, мы можем посмотреть на балет изнутри, глазами балерины. Сказать, что это интересно — не сказать ничего. Её материалы я исключительно рекомендую к прочтению, даже если вы далеки от классического балета, вообще от балета и от театра, как такового.

Традиционно свою работу представил Александр Матусевич. Это обширная статья об Ирине Архиповой, блистательной оперной певице, и о концертах, посвящённых её 95-тилетию. Для меня опера — что-то весьма отдалённое, но работы Александра, я хочу читать, я жду их, начиная работать над журналом. Это человек увлечённый и компетентный, при прочтении его обзоров создаётся иллюзия и собственной компетенции, и причастности.

Таким же автором, компетентным, любящим, горящим и умеющим увлечь, была Майя Шварцман. По всей видимости, мы публикуем рецензию Майи в последний раз. Она готовилась к одному из прошлых номеров, но по техническим причинам выходит только сейчас. В процессе работы пришло осознание того, что мы потеряли не только большого поэта, но и музыкального критика, которым можно зачитываться, даже не очень понимая, про что он пишет.

Напечатаны ли ваши работы в журнале, дали вам его друзья, или он попал к вам, вообще, случайно — вы должны прочитать наш театрально-музыкальный раздел. В конце концов, не зря же при просмотре картин Марка Шагала (а именно его я хотела на обложку этого номера) мой взгляд упал именно на «Триумф музыки».

А, в остальном, вы всё знаете — читайте, прочитывайте, перечитывайте и находите для себя что-то новое, что позволит вам двигаться дальше по творческому пути. Счастья вам!

Юлия Рудомазина

Фестивали

ИРИНА АНАСТАСИАДИ О МЕЖДУНАРОДНОМ ТВОРЧЕСКОМ ФЕСТИВАЛЕ В ГРЕЦИИ «ВИЗИТ К МУЗАМ» И ФОРУМЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Ирина Анастасиади (Ирина Константиновна Цотадзе) – писатель, переводчик, публицист, учредитель и главный редактор журнала «9 Муз», член Международного Сообщества Писательских Союзов и др. союзов писателей. Учредитель и президент Международного Творческого фестиваля в Греции «Визит к Музам», учредитель и организатор Международного форума писателей и Международного форума скульпторов.

Награждена орденом Адмирала Ф.Ф. Ушакова 2019 г. (решением комиссии по общественным наградам при комитете по национальной морской политике Совета Федерации РФ). Обладатель медалей: «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» «Золотого пера Руси 2015», «За верное служение художественному слову, великому и светлому» Международной премии «Литературный Олимп» 2015 г., «За вклад в литературу» Международной литературной премии имени Николая Гоголя» или Премия «Триумф» и др.

На свете существует множество писательских форумов. И каждый из них преследует свою цель. И все они нужны. Коль скоро существует их великое множество.

Как известно, у всего есть начало и есть конец. Для меня всё когда-то началось с идеи создать свой, не похожий ни на один из уже имеющихся, журнал. Долгие годы я шла к своей мечте о своём журнале и о своём форуме писателей.

Журнал «9 Муз» я начала издавать с 2012 года. Сегодня журнал объединил около 500 авторов из 30 стран мира. Европа и Азия. Юг и даже Крайний Север – так представлены в Международном литературном журнале «9 Муз» его авторы и читатели.

Первый Международный форум писателей в рамках Международного творческого фестиваля в Греции «Визит к Музам» первый раз прошёл всё в том же 2012 году на острове Тинос (Киклады, Греция). Как пришло такое решение? Мне всегда казалось важным иметь на Земле место, где бы писатели смогли свободно общаться, задавать вопросы и пытались найти на них ответы. Международный творческий фестиваль «Визит к Музам» собрал вокруг себя авторов разных взглядов. Среди них – множество писателей, поэтов, историков, археологов, философов, краеведов, переводчиков, публицистов, сценаристов архитекторов, учёных.

Делиться своими мыслями. Давать пищу уму. Искать новые идеи для творчества. Пополнять свои знания о прошлом и настоящем. Вот задачи нашего форума и фестиваля.

Первые форумы писателей на Тиносе уделяли большое значение русскому культурному наследию в Греции. Но мне также казалось важным познакомить кол-

лег с традициями античной и современной Греции и её творческим и научным наследием, сводить с писателями и учёными Греции.

Ещё одной задачей фестиваля было проведение симпозиума скульпторов. И в 2016 году был проведён первый Международный рабочий форум скульпторов, который возглавил Янис Струпулис, известный скульптор Латвии и академик Академии науки и искусства Латвии. С ним бок о бок работали выдающиеся скульпторы: Станислав Нечволодов (Эстония), Алгирдас Боссас (Литва) и Поль Хьюбрехт (Бельгия). Надо сказать, что Алгирдас Боссас считается одним из трёх значимых скульпторов-монументалистов мира. А вот Поль Хьюбрехт является организатором Международного симпозиума скульпторов в Бельгии.

Скульпторы работали в мастерских тиносских скульпторов: Ламброса Диамантополуса, Антониоса и Янниса Хондроянниса и Макиса Тригониса.

Идея симпозиума скульпторов давно занимала мой ум. Дело в том, что Тинос с античных времён занимает в истории Греции особое место. Кроме того, что он более трёх тысяч лет является Священным островом, островом очищения и просвещения. Он так же является родиной всех самых гениальных художников и скульпторов Греции. Знаменитейшие художники и скульпторы Греции ведут своё происхождение именно с Тиноса. Яннулис Халепас, Николаос Гизис, Никифорос Литрас, и Яннис Гаитис – великие скульпторы и художники Греции и мира – дети Тиноса.

И в том же 2016 году ЮНЕСКО объявил Тинос музеем под открытым небом.

С годами пришли новые идеи. И форум стал уде-

лять огромное значение Знанию древнего мира. Мы задаёмся извечными загадками человечества. Пытаемся найти им своё объяснение. Изучаем историю человечества. Но не отстранённо, а анализируя древние тексты и исследуя древние артефакты. Огромным достижением был фестиваль и форум 2018 г. «По следам Аргонавтов», которые прошли в Тбилиси (Грузии) при содействии Ассоциации «Диалог Культур–XXI» (президент – Валерий Асатиани, бывший Министр Культуры Грузии, профессор, доктор классической филологии и византистики Тбилисского Государственного Университета им. Иванэ Джавахишвили, заместитель президента ассоциации – Теймураз Беришвили). Анализируя фрагменты из поэмы Орфея «Аргонавтика», а также восстановленный её вариант Аполлония Родосского, мы прошли по следам Аргонавтов, посетили античные города Древней Колхиды, изучили различные переводы «Аргонавтики» и артефакты, непосредственно связанные с этим историческим событием.

Весь ежегодник «9 Муз» (2018 года) как раз посвящён этой теме. Мы представили в нём всевозможные догадки о походе Аргонавтов в Колхиду. Установили, на примерах из текста Аполлония Родосского, написавшего «Аргонавтика», а также из документов Малой Азии и Египта, что греки во время постройки «Арго» давно уже были знакомы с судоходством и плавали по морям в дальние путешествия. А посетив город-святилище (наподобие известного Парфенона в Афинах), мы своими глазами смогли убедиться и в том, что Древняя Колхида строила потрясающие города в эллинистическом стиле и поклонялась тем же богам, что и Древняя Греция. Узнали, что в Колхиде и в других странах существовали даже древние храмы, посвящённые Ясону, а в Греции нашли Иолк, город, где правил отец Ясона.

Участники фестиваля посетили город-святилище в Вани (это Древняя Колхида), на выставке «Златообильная Колхида» в Государственном музее Грузии (при сотрудничестве с Давидом Лордкипанидзе, генеральным директором Национального музея Грузии, член-корреспондентом Академии наук Грузии, членом Национальной академии США и членом Европейской академии наук) имели возможность познакомиться с сокровищами, найденными при раскопках Колхиды. Посетили Уплисхихе (Замок Господа) – пещерный город, сооружённый неизвестной цивилизацией, но сыгравший позднее огромную роль в истории Грузии. Большинство сооружений Уплисхихе имели культовое предназначение, что сформировало его религиозный характер, как главного культового центра Иберии. Таким образом, роль Уплисхихе можно сравнить с древнегреческими Дельфами или древним Вани в Колхиде. В древней столице Картли Мцхета мы посетили Светицховели – кафедральный патриарший храм Грузинской православной церкви в честь двенадцати Апостолов, являющийся главным собором всей Грузии уже на протяжении тысячелетия. Одним из устоев храма служит кедр, обозначавший место захоронения ризы Христовой («нешвенного хитона»). Посетили так же Музей-

заповедник Дманиси. Район, где были обнаружены останки первых европейцев, древнейших людей в мире Их прозвали их Зезва и Мзиа. Открытие этих hominin окаменелостей, сначала названных Homo georgicus, но позже реклассифицированных, как Человек Прямоходящий, вызвало в своё время революцию в научном мире в представлении о том, когда и где появился первый человек.

Ну а в этом, 2019 году мы пошли ещё дальше. В сотрудничестве с Дмитрисом Михалевским, членом-корреспондентом РАЕН, доктором философии Российского Государственного социального университета, писателем и философом, мы предложили участникам нашего форума **революционный проект: собрать информацию научного, исторического, археологического, литературного и философского подхода к проблеме лабиринта, а также разработать совместную культурную развивающую и обучающую программу, которая должна стать своеобразным трансформатором личности.**

И получили множество разработок, способствующих возвращению человечества в лоно культуры на основе знаний, аккумулированных Древней Грецией и составивших основу развития европейской цивилизации. Мы убеждены **в необходимости выработки новой мировоззренческой парадигмы, как альтернативы разрушительной идеологии современности. Основу этой программы составит синтез: опыт воспитания человека в Древней Греции с современным. В этом году мы практически сформировали критическую массу творческих людей и идей, способную запустить подобный процесс.**

Участники форума посетили Кносский дворец – лабиринт по своей сущности. Изучили его историю, увидели следы построек более древней, чем Миносская, цивилизации. Несколько раз побывали в Археологическом музее Ираклиона, где собраны в огромном количестве загадочные артефакты разных периодов, как известных нам, так и теряющихся на шкале Времени. Изучили другие древние города Критской цивилизации: Гортина и Фест. Изучили переводы загадочного Фестского Диска. Разобрались с архитектурой и предназначением Кносского лабиринта. Посетили знаменитую пещеру Зевса и пещерный комплекс Матала.

Но, рассказывая о фестивале, нельзя обойтись без того, чтобы не рассказать о тех, на которых держится и наш фестиваль, и журнал и творческий конкурс «Гомер», который уже пять лет сопровождает наш форум.

Директором-организатором фестиваля является Тасос Анастасиадис. Международным творческим конкурсом «Гомер» занимаются редакторы журнала «9 Муз» и члены жюри во главе с Николаем Черкашиным: редакторы журнала «9 Муз» Наталия Морозова-Мавроди, Владимир Спектор, Владимир Эйсер, Людмила (Ника) Черкашина, Микола Тютюнник и Ольга Цотадзе.

Они – не только редакторы, они – душа моих начинаний. Они отдают всю свою энергию, талант на благо журнала. Вот несколько слов о каждом из них:

Николай Черкашин

Журналист и писатель-маринист, автор исторических исследований, советский офицер-подводник. Председатель международного фонда «Родословие Пушкина». Член редколлегии журнала «9 Муз», председатель жюри Международного творческого конкурса «Гомер».

Награды и премии:

Орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени,

Орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» II степени,

Международная премия Андрея Первозванного (1992) – за совокупную литературную деятельность во благо Российского государства,

Премия Ленинского комсомола (1982)

Премия имени Г. К. Жукова – за выдающийся вклад в развитие и укрепление обороноспособности Российской Федерации.

Владимир Иванович Эйсер

Писатель. Полярник. Участник экспедиций в российском секторе Арктики. Автор сотни рассказов, повестей, эссе, заметок и публицистических статей. Член редколлегии журнала «9 Муз», член жюри Международного творческого конкурса «Гомер».

Людмила Константиновна Черкашина

Заслуженный работник культуры Украины. Член Национального союза журналистов Украины, член Регионального союза писателей Приднепровья, член Межрегионального союза писателей Украины и Международного сообщества писательских союзов. Член редколлегии журнала «9 Муз», член жюри Международного творческого конкурса «Гомер».

Лауреат премии имени Владимира Даля (Межрегиональный союз писателей Украины).

Владимир Давыдович Спектор

Поэт, публицист, Заслуженный работник культуры Украины. Член исполкома Международного сообщества писательских союзов (Москва) и Президиума Международного Литфонда (Москва). Председатель правления Межрегионального союза писателей и сопредседатель Конгресса литераторов Украины (Киев), главный редактор альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш», член-корреспондент Транспортной академии Украины, лауреат международных литературных премий имени Юрия Долгорукого (2008 г.), «Облака» имени Сергея Михалкова (2010 г.), имени Арсения Тарковского (2011 г.). Член редколлегии газеты «Литература и жизнь» (Киев) и журнала «Отражение» (Донецк). Член редколлегии журнала «9 Муз», член жюри Международного творческого конкурса «Гомер».

Награждён медалями:

«За заслуги перед Луганщиной»,

«За заслуги перед Луганском».

имени Владимира Даля

Николай Тютюнник

Поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей СССР, член Национального и Регионального союзов писателей Украины. Член редколлегии журнала «9 Муз», член жюри Международного творческого конкурса «Гомер». Бывший горняк. Полный кавалер «Шахтерской славы». Основатель и бессменный руководитель Межгородского литературного объединения имени Бориса Гorbатова.

Автор более тридцати книг стихов, рассказов, повестей, романов и поэтических переводов.

Лауреат Всеукраинской литературной премии «БЛАГОВЕСТ», Всеукраинской литературной премии имени Василя Симоненко, Международной литературной премии имени Николая Гоголя «ТРИ-УМФ», Литературной премии имени Владимира Даля, Литературной премии Воляныкив-Швабинских Свободного Украинского университета (Нью-Йорк, США), премий им. Бориса Гринченко, им. Бориса Горбатова, им. Никиты Чернявского, им. А. Стаханова, лауреат Первого Международного поэтического конкурса «Козацька балачка» (Киев) и Международного поэтического конкурса «Звезда полей» им. Николая Рубцова (Москва), отмечен Почетным дипломом «Золото переводов. Мастерство переводчика».

Наталья Морозова-Мавроди

Писатель. Сопредседатель Правления Межрегионального союза писателей Украины (МСПС), заместитель сопредседателя Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», шеф-редактор альманаха МСПУ и КЛУ «Свой вариант». Лауреат литературных премий имени Олега Бишарева и имени Михаила Матусовского. Член редколлегии журнала «9 Муз», член жюри Международного творческого конкурса «Гомер».

Ольга Цотадзе

Поэт, генеральный секретарь Международного Творческого Фестиваля «Визит к Музам», член редколлегии журнала «9 Муз», член жюри Международного творческого конкурса «Гомер».

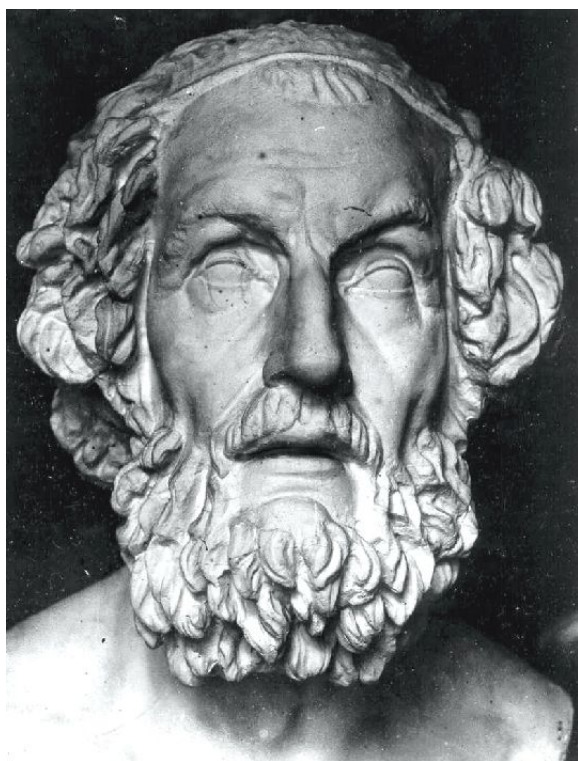
Я свято верю в предназначение каждого человека в этом мире. И если наша миссия состоит в том, чтобы нести культуру, значит, надо её нести с честью. И делать то, во что веришь.

Никогда не могла согласиться с коллегами, утверждавшими, что «люди желают пошлости, потому мы эту пошлость им и даём». С таким подходом согласиться не могу.

Когда-то в Древней Греции мыслящие люди собирались на священном холме, под Парфеноном, на площади, которая называется Агора, спорили, произносили пламенные речи, искали истину.

И мы идём по их стопам.

ЗАДАЧА Международного творческого фестиваля «Визит к Музам» и Международного форума писателей: собрать информацию по максимально широкому спектру в рамках научного, исторического, археологического, литературного и философского подходов к проблеме лабиринта.

В работе Международного творческого фестиваля «Визит к Музам» принимают участие неординарно мыслящие специалисты: писатели, поэты, историки, археологи, философы, краеведы, переводчиков, публицисты, учёные и сценаристы. Многоплановый проект «Визит к Музам» предоставляет участникам возможность разработать совместную культурную развивающую и обучающую программу в противовес повальному бескультурию. Эта программа должна стать своеобразным трансформатором личности.

Организаторы проекта ждут от его участников разработок, способствующих возвращению человечества в лоно культуры на основе знаний, аккумулированных Древней Грецией и составивших основу развития европейской цивилизации. Мы убеждены в необходимости выработки новой

мировоззренческой парадигмы как альтернативы разрушительной современной идеологии. Её основу составит опыт воспитания человека в Древней Греции – т.е. синтез древнего знания с современным знанием. И станет базой для решения текущих проблем. Мы постепенно формируем коллектив творческих людей и идей, способных запустить подобный процесс.

Несправедливо сказать, что культуры нет вообще. Она, безусловно, есть, но изменилось её качество. И одной из целей нашего журнала «9 Муз» и форума писателей – это поиск прогрессоров культуры по всему миру. Настало время соединить усилия, чтобы противостоять безликости, бескультурию и пошлости. Но надо не только объединиться, но и внести свою конструктивную лепту в создание новой позитивной линии культуры. В этом мы всегда видели предназначение нашего фестиваля.

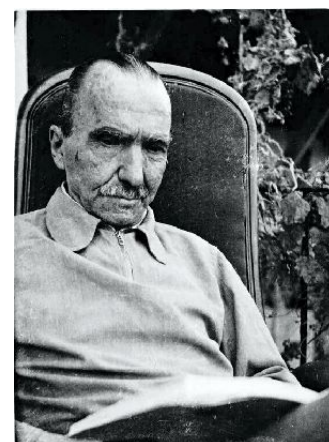
Поиск новых идей для творчества, пополнение знаний о прошлом и настоящем, изучение истории человечества, анализируя древние тексты и артефакты. Собрать информацию по максимально широкому спектру в рамках научного, исторического, археологического, литературного и философского подходов к проблеме древнегреческих мистерий.

Многоплановый проект «Визит к Музам» предоставляет возможность проникнуть в прошлое человечества. Представить на рассмотрение свои версии о внутреннем мире людей эпохи античности. Оценить античную идею гуманизма. Рассмотреть, как идеи античного гуманизма проникли в современную науку.

Гомер, Джойс и Казандзакис: Одиссея и Одиссеи

Евгений Слезов

Гран При Международного творческого конкурса «Гомер» 2019 года в номинации «Научная работа»

Не найти в мировой литературе больших антиподов, чем Казандзакис и Джойс: первый – классицист, презирующий стилистические игры, автор романов и пьес о «рыцарях духа», т.е. самых известных персонажах мировой истории, всякий раз придававших новый толчок развитию человечества; второй – модернист, одержимый созданием нового языка, разложивший буквально на молекулы все современные ему литературные стили, во всех своих работах воспевавший простого обывателя, полностью игнорируя, а то и высмеивая, вышеупомянутых «двигателей истории». Однако в мировой литературе нашёлся-таки сюжет, одинаково увлечший обоих антиподов, и на его основе они-то и возвели самые свои масштабные произведения. Настоящая работа посвящена двум поистине монументальным трактовкам монументальной же гомеровской «Одиссеи», предпринятым в XX веке двумя крупнейшими и диаметрально противоположными в выборе изобразительных средств писателями.

Для начала попробую обозначить связь между Джойсом и Казандзакисом. Понятно, первый наверняка даже и не слышал о втором, поскольку европейская известность пришла к Казандзакису после Второй Мировой войны, когда Джойс уже умер. А вот насколько Джойс мог повлиять на Казандзакиса – вопрос любопытный. С одной стороны, Казандзакис нигде и словом не обмолвливается о Джойсе, ни в одной из своих публицистических заметок, ни в письмах. С другой, «Улисс» в законченном виде выходит в 1922-м году, принеся его автору все-

европейскую славу – имеются свидетельства о поклонниках, что просят у Джойса разрешения поцеловать руку, написавшую «Улисса» (и знаменитый ответ: «Нет-нет, она делала не только это»); а уже в 1924-м году Казандзакис приступает к написанию продолжения гомеровской эпопеи. Мог ли греческий интеллигент, подрабатывающий литературными переводами западноевропейских классиков (т.е. глубоко погруженный в литературную атмосферу своей эпохи), не прочесть крупнейший роман XX века, структура которого вольно обыгрывает национальное греческое достояние «Одиссею» Гомера? Мог ли не попытаться дать ответ дерзкому ирландцу, который низвёл странствия современного Одиссея до походов по пабам и борделям? Что если этот «одиссеевский» Ренессанс и подтолкнул его к написанию своей эпопеи, более верной и подобающей, с его точки зрения? Здесь остается только гадать, поскольку, как я уже отмечал, Казандзакис нигде не упоминает об «Улиссе», однако лично я склоняюсь к наличию такой невидимой связи между двумя этими произведениями.

Об «Улиссе», его композиции, тематических планах, связи с Гомером и т.д. и т.п. написано целое море литературы, в том числе и русскоязычными исследователями, потому подробно останавливаться на произведении Джойса я не вижу большого смысла и сразу же перейду к практически неизвестной в России «Одиссее» Казандзакиса. Но сначала попробую кратко систематизировать основные моменты трёх этих литературных шедевров.

«Одиссея» Гомера	«Улисс» Джойса	«Одиссея» Казандзакиса
Дата написания		
VIII век до н. э.	1914-1921	1924-1938
Язык и структура		
Написана гекзаметром (шестистопным дактилем), состоит из 12 110 стихов. Позднее разделена на 24 песни, по числу букв греческого алфавита.	Вершина литературы модернизма; пожалуй, лучший образец потока сознания в современной литературе; разделен на 18 эпизодов.	33 333 строк, написанных крайне непривычным для того времени семнадцатисложным нерифмованным восьмистопным ямбом; разделена на 24 песни, по числу букв греческого алфавита.
Лексика		
Употребление сложных эпитетов («быстроногий», «розовошерстая») и т.д.	Джойс использует метафоры, символы, двусмысленные выражения и скрытые намёки, которые постепенно переплетаются между собой и образуют сеть, связывающую всё произведение.	Использование обширного лексикона народных слов и просторечий, собранного со всей Греции и непонятного афинским интеллигентам. Употребление сложных самоизобретенных прилагательных.

«Одиссея» Гомера	«Улисс» Джойса	«Одиссея» Казандзакиса
Авторский замысел		
Нелинейное повествование: есть центральный эпизод, вокруг которого и строится сюжет, – пир у феаков. Все приключения Одиссея до момента его возвращения на Итаку, а также полноценная и чрезвычайно детализированная картина эпохи, приводятся в ходе рассказа героя на этом пиру.	Рассказ об одном дне, прожитом самым ординарным обывателем ничем не примечательного европейского городка. При этом этот день символизирует любой другой день на Земле, главные герои (Блум и Стивен) символизируют мужчину как такового, а жена Блума воплощает в себе образ всех женщин. Поэтика произведения вмещает в себя всю литературу со всеми её стилями и техниками письма.	По мнению автора, наиболее полный итог его жизни и размышлений. В отличие от «Улисса» литературный стиль неизменен. Однако в 24 песнях поэмы перечисляются все политические, философские и этические концепции в истории человечества. Одиссей в своих странствиях встречает египетских фараонов и революционных лидеров (списанных с Ленина, Троцкого и Сталина), а также Фауста и Дон Кихота, Будду и Христа. С каждым он ведёт беседы, каждого сравнивает с собой, но каждого и покидает, всякий раз продолжая свой собственный путь.
Структура		
Структура поэмы: телемахия, приключения Одиссея, ностос.	Сохранена гомеровская структура: телемахия, приключения Одиссея, ностос. Каждый из 18 эпизодов символизирует отдельный вид искусства, цвет (и даже орган человеческого тела), а также написан в соответствующем такому отдельному виду искусства литературном стиле.	Сохранена гомеровская структура: телемахия, приключения Одиссея, ностос. Каждому из трёх блоков присуща отдельная философия. 1) Телемахия. Уровень самосознания: эго. Доминирующий характер: животность, сладострастие. Отношение к добру и злу: противники. 2) Приключения. Уровень самосознания: нация, затем человечество и вся земля. Доминирующий характер: деятельность, подвиги, интеллект. Отношение к добру и злу: союзники. 3) Ностос. Уровень самосознания: всё сущее. Доминирующий характер: печаль, спокойствие, пламя. Отношение к добру и злу: они суть одно. И по сути их даже не существует.
Образ Одиссея		
Настоящий эпический герой: храбрый воин и умный военачальник, отважный мореход, искусный плотник, охотник, торговец, рачительный хозяин, сказитель. Он любящий сын, супруг и отец, но он же и любовник нимф Кирки и Калипсо. Характер героя повсеместно противоречив: он искренне переживает гибель друзей, страдания, жаждет вернуться домой, но при этом и наслаждается каждым мигом переменчивой жизни.	«Улисс» – масштабный и мощный гимн среднему человеку, исполненный подлинного гуманизма. Добродушный, чудаковатый Блум одерживает в повседневной жизни свои маленькие победы, которые автором возносятся до подлинно эпических высот – эти победы даются ему нелегко, и здесь на помощь приходят качества Улисса: ум, изобретательность, человечность. Блум – обыватель, но без вульгарности. Он обаятелен, дружелюбен, порою, даже смешон; у него множество странностей: от гастрономических пристрастий до сексуальных appetitов (к тому же бедняга – рогоносец), а также необычных интересов и влечений. Но он обладает и удивительной душевной глубиной.	«Одиссей, – сказал писатель однажды в газетном интервью, – это человек, который освободился от всего – от религий, философий, политических систем – который оборвал все связи. Он хочет испытать все проявления жизни, свободный от всяких планов и систем и держа в уме мысль о смерти в качестве стимула. Не делать всякое удовольствие ещё более острым, а всякий преходящий миг ещё более приятным в своей быстротечности, но возбудить свой аппетит к жизни, дабы в большей степени объять и исчерпать все вещи, чтобы когда, наконец, настала смерть, ей нечего было бы отнять у него, чтобы она нашла лишь полностью растратившего себя Одиссея».
Восприятие произведения современниками		
Энциклопедия древнегреческой жизни во всех её аспектах.	Энциклопедия литературных стилей и приёмов. Произведение, продиктованное абсолютным нигилизмом, отчуждением, невозможностью подлинного контакта между людьми. Эстетическое произведение анархиста.	Энциклопедия культурологических и цивилизационных вех в истории человечества. Произведение, продиктованное отчаянием и абсолютным нигилизмом. Политическое произведение анархиста.

Когда зимой 1938-го года, в возрасте пятидесяти пяти лет, Никос Казандзакис впервые опубликовал свою «Одиссею» в Афинах, она принята была со смешанными чувствами. Писалась она с 1925-го года, двенадцать лет, за которые автор переработал семь полных вариантов того, что, как он надеялся, станет полным итогом его жизни и размышлений. Хотя позднее Казандзакис и осуществил перевод на современный греческий язык «Илиады» и «Одиссеи», сейчас он осмелился бросить вызов самому священному из всех поэтов – не только тем, что фактически нарастил свой собственный эпос непосредственно на поэму Гомера, но и дал ему точно такое же название, а объем такого «сиквела» в три раза превысил объем оригинала. Казандзакис осмелился совершить эту попытку в эпоху, когда все филологи были единодушны во мнении, что невозможно более написать длинную эпическую поэму, основанную на мифе. Критиков теперь ожидал огромный том из 835 страниц, 24 песен (по числу букв в греческом алфавите) и 33 333 строк, написанных крайне непривычным для греческой традиции тех лет семнадцатисложным нерифмованным восьмистопным ямбом. Как и «Улисс», поэма решительно порывала с традициями и содержала немало лингвистических новшеств – конечно, касательно греческого языка. Самым обескураживающим для всех афинских интеллектуалов было столкнуться с лексиконом из почти 2 тысяч слов, с которыми они были незнакомы, хотя эти слова и фразы находились в повседневном обиходе у пастухов и рыбаков из самых разных греческих регионов и островов или же содержались в народных песнях и легендах.

Тут необходимо сделать небольшое уточнение. Русскоязычному читателю может показаться странным эта шумиха вокруг языка литературного произведения – дескать, ну, написано и написано; даже если и есть какие-то лингвистические странности, то что с того? Однако в контексте греческих реалий вплоть до второй половины XX века то был совсем не праздный вопрос. Сразу после обретения Грецией независимости встал вопрос о том, какой язык должен стать в стране официальным. Повседневная речь за годы владычества Османской империи была, по мнению греческих интеллектуалов патриотического толка, безнадежно испорчена тюркизмами, но и вернуться к древнегреческому языку представлялось чересчур радикальным. В результате появился «очищенный» язык (т.н. «кафаревуса», что собственно и означает «очищенный») – некая промежуточная форма между разговорным языком широких масс (т.н. «димотико») и языком славных предков. Сей пуризм породил проблему двуязычия, когда широкие массы продолжали говорить на привычном для себя языке, а вот основным языком делопроизводства, образования, журналистики, научных работ и большей части литературы стала кафаревуса. Нация фактически оказалась разделенной по языковому признаку – шутка ли, перевод Библии на димотико в первой половине XX века вызвал огромные демонстрации и столкновения сторонников и противников пуризма, с людскими жертвами (!!!). Вот такие нешуточные страсти кипели некогда в Греции касательно лингвистических проблем. Ныне димотико всё-таки стала официальным языком страны, но в эпоху казандзакисовской «Одиссеи» вольные лингвистические эксперименты воспринимались элитой крайне неблагоприятно.

Тем не менее, даже тогда нашлось немало тех, кто превозносил книгу за то, чем она и являлась – величайшей из современных греческих поэм и шедевром современной литературы. Однако большинство критиков, столкнувшись с работой такого масштаба, неизбежно уклонялись от обсуждения её смысла и поэтического достоинства, сосредоточившись в основном на внешних проявлениях – на странной орфографии, незнакомом поэтическом языке, отсутствии акцентуальных знаков, необычном размере и, главным образом, на её «антиклассическом» стиле и структуре.

Вкратце, появление «Одиссеи» Казандзакиса вызвало в греческих кругах такой же фурор, какой вызвала в англоязычных кругах публикация другого эпоса схожего размера и замысла – «Улисса» Джеймса Джойса. Оба этих произведения посвящены современному человеку в поисках души и оба в качестве отправной точки используют «Одиссею» Гомера, хотя и совершенно по-разному. Пожалуй, единственное, что объединяет Джойса и Казандзакиса – одержимость обоих писателей образом Одиссея; однако образ этот понят им совершенно по-разному, чуть ли не диаметрально противоположно: если у Казандзакиса Одиссей – прежде всего, титан духа и воли, то у Джойса – первый в истории человечества гуманист.

В «Отчете перед Эль-Греко» Казандзакис так описывает процесс работы над своей «Одиссеей»: «Катились чередой, ложась на бумагу, шумные, морские семнадцатисложники, и, в неподвижности пребывая, жил я подвигами и страстями Одиссея, отправившегося в великое странствие без возврата, потому как тесно стало ему на крохотном островке подле заурядной женушки и славного, добронравного сына... Каждая эпоха обладает своим собственным лицом. Лицо нашей эпохи свирепо: изнеженные души не смеют глянуть ей в глаза. Одиссей, плывущий по создаваемым мной семнадцатисложникам, должен смотреть в бездну именно таким взглядом – без надежды и страха, но и чуждым бесстыдству: поднявшись во весь рост на краю пропасти».

Здесь явственно слышится никогда так и не изжитое Казандзакисом нищестанство, переключка со знаменитыми строками Ницше: «Стройте свои города у Везувия! Посылайте свои корабли в неизведанные моря! Живите, воюя с равными вам и с самими собой! Будьте разбойниками и завоевателям и, покуда вы не можете быть повелителями и владетелями, вы, познающие!»

Одержимый своим героем автор изо дня в день бродит по берегу моря, бормоча стихи – и вот, наконец, герой является ему будто наяву: «Справа послышался скрежет камней. Кто-то шёл ко мне быстрым, размашистым шагом по прибрежной гальке. Я повернул голову. В лиловом сумраке блеснула островерхая шапка, в воздухе резко пахло человеческим потом. Я подвинулся, освобождая место рядом с собой на каменном выступе дома, и сказал:

– Добро пожаловать! Я ждал тебя.

Он нагнулся, поднял выброшенную морем водоросль, протатил её между губами и ответил:

– Я пришёл. Здравствуй.

... Грозное путешествие всколыхнулось в мыслях моих, море загремело в пространстве между висками, память взмыла, и я увидел, – снова увидел и снова возрадовался, – как покинули мы сына, жену, благоустроенность и родину, оставили позади добродетель и правду, как прошли, не разбив корабля, между Скиллой и Харибдой Божьими, гордо подняли парус на вольном море и отважно повернули к бездне».

Но если Одиссей Казандзакиса рвется в огромный внешний мир – подальше от семьи и родной Итаки, то, по Джойсу, порывы Улисса направлены прямо противоположно: из огромного, враждебного, холодного мира – домой, в теплоту личных отношений. При этом Джойс одержим Одиссеем не меньше Казандзакиса: ещё «Дублинцев» он вначале собирался назвать «Улисс в Дублине», и, утверждая, что «Одиссея» грандиознее и глубже «Гамлета», «Дон Кихота», «Фауста», «Божественной комедии», считал Улисса самым человечным персонажем всей мировой литературы.

Джойс постоянно «душит» друзей и просто знакомых рассуждениями о Гомере и его поэмах, сравнивает любим-

шийся образ с другими, великими: Фауст? – да это же не человек! Кто он такой? «Старик это или юноша? Где его семья и дом? Никто не знает. Он неполон, потому что не бывает один, вокруг него вечно вьётся Мефистофель». Гамлет? – но он «только сын», сын – и больше ничего. Улисс же многогранен, он реализует себя во всех ипостасях, во всех аспектах жизни, социальной, семейной: он и сын Лаэрта, но и отец Телемаху, муж Пенелопы, любовник Калипсо, товарищ по оружию, царь Итаки. «Пройдя через множество испытаний, он преодолевает их все благодаря мужеству и мудрости. Он никогда не поднял бы оружия против Трои, но греческий мобилизационный чиновник оказался хитрее и, когда Одиссей, притворяясь безумным, пахал бесплодные пески, уложил перед плугом его младенца-сына. Но, взяв оружие, сознательный противник войны идёт до конца. Когда остальные хотят снять осаду, он настаивает продолжать её, пока Троя не падёт. Однако история Одиссея не кончается с концом Троянской войны. Она лишь начинается, когда другие греческие герои могут до конца жизни пребывать в покое и благоденствии. И вообще он был первым джентльменом Европы, – шутит Джойс. – Вынужденный выйти навстречу юной царице нагишом, он прикрыл водорослями некоторые части своего просоленного, искусанного крабами тела. Он был изобретателем. Танк – его изобретение. Деревянный конь или железный ящик – неважно; это всё равно оболочка, скрывающая вооружённых солдат».

Однако на одержимости Одиссеем, эпическом размахе и литературном новаторстве сходство между эпосами Джойса и Казандзакиса заканчивается. И если Казандзакис следует традиции Гомера, то Джойс её профанирует, если критянин поддерживает «градус» гомеровской патетики, пафос античной «Одиссеи», то дублинец, со свойственной ему иронией, всячески его снижает. И тогда верная Пенелопа оборачивается блудливой Молли, Цирцея – бандершей, Циклоп – тупым и пошлым Гражданином, примеры можно приводить бесконечно.

Стоит обратить внимание и на ещё одно существенное отличие: как много значит женщина у Джойса (вся внутренняя жизнь Блума-Улисса, весь поток его сознания вихрится вокруг неё) – и как мало у Казандзакиса: а вот это уже не европейская, но восточная традиция, обусловленная, верно, происхождением последнего с отуреченного Крита. Ну, и, разумеется, было бы непросительно не отметить главную особенность джойсова «Улисса» – невероятное обилие аллюзий, к сожалению, подчас понятных лишь носителю языка, глубоко посвященному в тонкости англоязычной литературы и культуры в целом.

В своей работе «The Ulysses Theme» доктор У. Б. Стэнфорд, профессор кафедры греческого языка в университете Дублина отслеживает, как образ Одиссея менялся в литературе на протяжении почти трёх тысяч лет – с древнегреческой эпохи, эпохи эллинизма, александрийской, римской и средневековой до эпохи Возрождения и Нового времени, а последнюю главу посвящает рассмотрению «Одиссеи» Казандзакиса и «Улисса» Джойса как «наиболее проработанных портретов Одиссея во всей пост-гомеровской традиции», как «необычайно многогранных символов современных чаяний и дилемм», делая вывод, что «Одиссея» Казандзакиса предлагает не меньше этических, теологических и художественных споров, что и «Улисс» Джойса.

Казандзакис, продолжает доктор Стэнфорд, нашёл множество новых способов осмысления образа Одиссея в контексте современной мысли и представил «всеобъемлющий портрет героя – странника и политика, разрушителя и консерватора, сластолюбца и аскета, воина и философа, прагматика и идеа-

листа, законодателя и весельчака», объединив массу элементов, разбросанных как в античной, так и в современной традиции. Немало черт своего героя и его приключений Казандзакис несомненно почерпнул из древнегреческого эпоса, но по сути, как считает доктор Стэнфорд, «его Одиссей есть олицетворение главного героя Данте и происходит из традиции, ведущей от Данте». В XXVI песне дантовского «Ада» Одиссей говорит из раздвоенного огненного снопа:

*Ни нежность к сыну, ни перед отцом
Священный страх, ни долг любви спокойный
Близ Пенелопы с радостным челом
Не возмogli смирить мой голод знойный
Изведать мира дальний кругозор
И всё, чем дурны люди и достойны.
И я в морской отважился простор,
На малом судне выйдя одиноко
С моей дружиной, верной с давних пор.*

*... «О братья, – так сказал я, – на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока ещё не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:*

Доктор Стэнфорд считает, что первоочередной мотив героя – освободиться от домашней обстановки на Итаке. Это схоже с мыслью великого новогреческого поэта Константиноса Кавафиса, который в своем стихотворении «Итака» писал:

*Пусть в помыслах твоих Итака будет
конечной целью длинного пути.
И не старайся сократить его, напротив,
на много лет дорогу растяни,
чтоб к острову причалить старцем –
обогащённым тем, что приобрёл в пути,
богатств, не ожидая от Итаки,
какое плаванье она тебе дала!
Не будь Итаки, ты не двинулся бы в путь.
Других даров она уже не даст.
И если ты найдешь её убогой,
обманутым себя не почитай.
Теперь ты мудр, ты много повидал
и верно понял, что Итаки означают.*

А в XVI песне поэмы Казандзакиса Одиссей восклицает: «Душа моя, странствия стали твоей родной землёй!»

Любопытный момент: идея продолжений странствий Одиссея уже после его возвращения на Итаку не является авторским вымыслом Казандзакиса. Несмотря на то, что поэма Гомера завершается избиением Одиссеем женихов и примирением с жителями Итаки, в песне XI Тиресий в Аиде, куда Одиссей спускается, дабы вывести у слепого прорицателя путь к своему дому, среди прочего говорит следующее:

*Ты, воротившись домой, за насилие отомстишь им.
После того как в дому у себя женихов перебежишь ты
Гибельной медью, – открыто иль хитростью, – снова отправься
Странствовать, выбрав весло по руке, и странствуй, доколе
В край не прибудешь к мужам, которые моря не знают,
Пищи своей никогда не солят, никогда не выдали
Пурпурнощёких судов, не выдали и сделанных прочно
Вёсел, которые в море судам нашим крыльями служат.
Признак тебе сообщу я надёжнейший, он не обманет:
Если путник другой, с тобой повстречавшийся, скажет,
Что на блестящем плече ты лопату для ваянья держишь, –*

*Тут же в землю воткну весло своё прочной работы,
И кабана, что свиней покрывает, быка и барана
Жертвой прекрасной принеси колебателью недр Посейдону, –
И возвращайся домой, и святые сверши гекатомбы
Вечно живущим богам, владеющим небом широким,
Всем по порядку. Тогда не средь волн разъярённого моря
Тихо смерть на тебя низойдёт. И, достигнутый ею,
В старости светлой спокойно умрёшь, окружённый всеобщим
Счастьем народов твоих. Всё сбудется так, как сказал я.*

Незадолго до начала работы над «Одиссеей» Казандзакис написал эссе, получившее при переводе на английский название «Спасители Божьи» (в моём переводе – «Аскетика») и впитавшее в себя всю жизненную и творческую философию Казандзакиса. Фактически, «Аскетика» представляет собой беспрецедентный случай в литературе, когда автор сначала составляет некий концентрат всех своих идей и лишь затем, дозированно, по частям воплощает их в других произведениях. С точки зрения анализа «Одиссеи» Казандзакиса это эссе трудно переоценить – Питер Бин (Peter Bien), переводчик и исследователь творчества Казандзакиса, даже иронизирует, что на самом деле замысел «Одиссеи» это заставить-таки публику, проигнорировавшую «Аскетику», ознакомиться с философией Казандзакиса, на этот раз облачённой в одежды эпоса.

Философские взгляды Казандзакиса являлись передовыми для его эпохи и во многом остаются таковыми даже сегодня. В их основе лежало желание понять устройство мира, т.е. по сути их можно назвать космологическими. Этими вопросами традиционно занималась религия, но предлагаемые ею ответы не удовлетворяли Казандзакиса, который прежде всего желал привести религиозные доктрины в соответствие с современными научными постулатами. В начале 20-х годов, а именно, в 1923-м, когда был написан первый вариант «Аскетики» – писателем была предпринята новаторская и весьма оригинальная попытка привести к общему знаменателю постоянную изменчивость, непредсказуемость и хаотичность окружающего мира со статичным, совершенным и неизменным божеством. И, несмотря на то, что это эссе с тех пор неоднократно перерабатывалось Казандзакисом, в целом оно сохраняло свою основную суть.

У человека, пишет Казандзакис в «Аскетике» (да и в самой «Одиссее»), три долга. Первый долг – перед разумом, который упорядочивает хаос, формулирует законы, наводит мосты над непостижимой бездной и устанавливает рациональные границы, за пределы которых человек не осмеливается зайти. Но его второй долг – перед сердцем, которое не признаёт никаких границ, которое жаждет проникнуть за пределы видимых глаз явлений и слиться с чем-то, что находится за пределами разума и материи. Третий долг – в том, чтобы освободиться и от разума, и от сердца – от великого соблазна надежды, что они дают. Человек должен тогда объять бездну, безо всякой надежды он должен сказать себе, что не существует ничего, – ни жизни, ни смерти, – и принять эту неизбежность мужественно, с ликованием и песней. Он должен выйти за пределы разума, сердца и надежды, за пределы своего «я», своей нации и даже человечества, за пределы всех явлений и далее погрузиться в созерцание Незримого, пронизывающего все вещи и совершающего вечное восхождение. Сущностью Незримого является мучительный подъем ко всё большей чистоте духа, к свету. Целью же является сама борьба, поскольку это восхождение бесконечно.

Проанализировав образ Одиссея в различных народных ска-

заниях, песнях, романах и дидактических текстах, доктор Стэнфорд приходит к выводу, что прозаическое произведение Джойса и поэма Казандзакиса теснее всего связаны именно с жанром героического эпоса. Однако для Казандзакиса вопрос о том, является ли его поэма эпической или нет, не представлял большой важности. «По правде говоря, нет ничего более поверхностного или более бесплодного, – написал он, отвечая одному молодому греческому филологу, – чем дискуссия о том, является ли нет «Одиссея» эпической поэмой и является ли эпос современным видом искусства. Работа для историков литературы начинается только по окончании работы художника; они берут линейки, проводят измерения и создают полезные законы для своей науки, которые, однако, бесполезны для творца, ибо он обладает правом и силой – именно это и означает творчество – нарушать эти законы, создавая новые. Когда полная жизни душа ощущает, без предварительных эстетических теорий, необходимость творить, то какую бы форму не принимали её творения, они неизбежно выйдут живыми. Форма и Содержание едины. Насколько мне видится, более эпической эпохи, чем наша, просто не существовало. Именно в такие эпохи, приходящиеся на стык двух культур – когда один Миф рорастворяется, а другой силится родиться – создаются эпические поэмы. Для меня «Одиссея» является новой эпически-драматической попыткой современного человека обрести избавление посредством прохождения через все этапы современных тревог, преследуя при этом самые смелые надежды. Какое избавление? Отправляясь в путь, он этого не знает, но он постоянно творит это избавление своими радостями и горестями, крупными успехами и неудачами, своими разочарованиями, всегда сражаясь. Это, я уверен, мучительная борьба, сознательная или подсознательная, истинного современного человека. В такие промежуточные эпохи духовный поиск может либо устремляться назад, чтобы оправдать и дать оценку старой цивилизации, которая ныне разлагается, или смотреть вперед и попытаться предсказать и обозначить контуры цивилизации новой. Одиссей в своей борьбе неустанно смотрит вперёд, вытягивая шею, словно вожак перелётных птиц».

В намерения Казандзакиса также никогда не входило соперничать или подражать Гомеру. Хотя он и нарастил свою поэму непосредственно на основной пласт «Одиссеи» Гомера, отрезав последние её две главы и втиснув начало своей поэмы в гомеровскую песнь XXII, его произведение не продолжает прежнюю линию, но почти сразу же сворачивает в своём собственном направлении, в направлении современного мира и его проблем, безжалостно отказываясь от ненужных акцентов. Одиссей оказывается совершенно равнодушным к Пенелопе; между ним, его сыном, его отцом и его народом формируются совершенно иные отношения; Олимпийские боги сходят со сцены, уступая место нарождающемуся новому и жестокому божеству, – с первых же страниц поэмы начинаются бурные поиски современным человеком новых ответов на новые вопросы.

P.S. Исследователь творчества Казандзакиса Питер Бин (Peter Bien) в своей работе «Politics of the Spirit» предлагает схематичную структуру «Одиссеи» явно по аналогии со знаменитыми схемами «Улисса». Я со своей стороны несколько дополнил эту схему. Обратим внимание на повторяющиеся мотивы и ретроспекции, что позволяют сделать вывод о структуре поэмы как о не вполне линейной, в чём-то по-своему родственной «Улиссе», когда каждая часть не изолирована, а тесно связана с любой другой частью произведения. А пролог и эпилог намекают, что всё действие происходит в голове поэта, воспевающего солнце.

Песнь	Место действия	Лик бога согласно семиглавому тотему, полученному Одиссеем в пятой песне	5-уровневая резьба на гробнице в одиннадцатой песне	Размышления Одиссея на горе в Африке в четырнадцатой песне	Акцент от автора	Обрамление
Пролог						
						Бездна; восход
I. Телемахия						Наполненный светом промежуток
1 2	Итака (прибытие Одиссея и его последующее бегство)	Животность; сладострастие	Силы природы	Пещерный человек; эго	Люди действия; добро и зло суть противники	
II. Приключения Одиссея						
3 4	Спарта (второе похищение Елены)	Свирепая воинственность	Сельское хозяйство	Сладострастие		
5 6 8	Крит (упадочная цивилизация минойцев, восстание)		Нега и искусство	Свирепая воинственность; преодоление эго, нация		
9 10 11	Египет (неудачная попытка революции; явные параллели с лидерами Советского Октября)					
12	Пустыня					
13	Джунгли; исток Нила	Интеллект		Преодоление нации, человечество. Преодоление человечества; природа. Преодоление всех границ, бог. Возвращение к активной деятельности	Люди теорий; добро и зло суть союзники. Возвращение к активной деятельности	
14	Гора (Одиссей беседует с Богом)					
15	Одиссей строит идеальный город					
III. Ностос						
16 17	Край бездны	Печаль; безмятежность	Боги		Мистицизм; добро и зло суть одно	
18 19 20	Путешествие к южной оконечности Африки (встреча с Фаустом, Дон Кихотом и Буддой)					
21	Южный океан (встреча с Христом)					
22	Плавучая льдина					
23 24	Айсберг (смерть Одиссея)	Бесплотное пламя	Бесплотное пламя		Восточный мистицизм	
Эпилог						
					Не существует даже и этого	Закат; бездна

Мифология Подсознания

Дмитрий Ивашинов

Профессор кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога
(Санкт-Петербург – Москва)

Гран При Международного творческого конкурса «Гомер» 2019 года в номинации «Научная работа»

Мне было 13 лет, когда в нашей домашней библиотеке появилась замечательная книга Николая Альбертовича Куна «Легенды и мифы древней Греции». Конечно, я и раньше сталкивался с героями Эллады, однако такой развёрнутой полной картины мифологической вселенной перед моим внутренним взором не было. С тех пор прошло более 60-ти лет, на протяжении которых я постоянно возвращался к этим символическим существам и сюжетам.

Сквозной темой стихотворного творчества стал миф об Орфее и Эвридике. При этом он проецировался не во внешний, а во внутренний мир. Мне представлялось, что Эвридика – это моя нетленная душа, стремящаяся к любви, свету, музыке. Орфей же – моё подсознание – с его тёмными страстями и фантазиями, желанием отдаться во власть дионисийского безумия.

Итак, он, Орфей любит Эвридику, но тяготится её чистотой. Она, Эвридика, как полуночная звезда, пробуждающая в поэте песенное начало. Но она же и пронзительный взгляд совести, от которого хочется освободиться. Поэтому по пути из царства Аида, Орфей оглядывается, страдая и предавая свою Эвридику. Оглядывается, не смотря на предупреждение самого Аида не делать этого.

*Ты струны перебираешь,
и мстят тебе струны болью,
как мстят мне слова за правду,
как ветер мстит за неволю.
Ты струны перебираешь,
так струи река ласкает,
так воздух проносит птицу
и бережно опускает.
Но плачут от ласки струны...
О! Как бы хотел я плакать
под ласковыми руками,
и петь, и плакать от счастья.
Но воеет ветер над нами,
но гонится ветра стая
за сердцем моим,
за словами, которые мы скрываем.
И ты, подчиняясь ритму
погони или побега,
прошепчешь:
– Прости, любимый
за то, что мало любила;
за то, что травой росистой*

*лицо твое не обмыла.
А ветер скалит ухмылку
афиш, наклеенных косо,
и брызги света вплетает
в свои разъятые космы.
И низко лики склоняя,
раздумья отбросив, как ересь,
фонари-чернецы стояли
на преображенье надеясь.
Но мне – рабу,
и тебе – рабыне
даже образ Христа не подарит рассвет.
Где глаза мои?
Где!?
... Я безумен, Россия!
Мне, как ветру ночному, пристанища нет.*

что привело тебя к ОРФЕЮ
стремление понять себя, стремление преодолеть
творческий кризис
или понимание того, что «орфеизм» стал нашей
религией

*руки мои
отбивают ритм зачем-то
руки мои
выбивают пыль из неба
это птицы опять прилетели
это на гору катит Сизиф свой камень
это камень летит, нагревая мокрый асфальт*

ты пытаешься забраться в своё нутро
чтобы выяснить, как мы можем существовать на
границе тяжелейшего противоречия
на границе поворота головы, делящего нашу жизнь
на две зоны
правды и лжи
духовного и бездуховного
что привело тебя к ОРФЕЮ
– АРИЭЛЬ, ЗЕРКАЛА, МОСТ.... вот ступени твоего
пути
и ещё ХЛЕБ

так просто выразить прозой ту, в общем-то, немуд-
рёную
мысль, что ХЛЕБ является обобщённым образом
жизни
но цикл стихов ХЛЕБ задуман тобой не только из-за
красоты
и поэтичности этого слова

это продление поиска смысла жизни
поиска философского камня
сначала был СЛЕПОЙ АРИЭЛЬ – полное противопоставление
поэзии и жизни
поэт слеп, но он птица, он музыка
а разве нужны музыке глаза!

*над миром простёрты руки
все реки полны слезами
я крест свой в тоске и муке
другому Христу оставил
над миром метель и слякоть
над миром разливы крови
и хлещут тоску ветвями
хмельные от крови клёны
над миром во мгле всплывает
душа, простёртая в крике
она как слепая птица
она как слепая птица
о, Господи суждено ей
о камень любви разбиться*

и в тоже время он обречён
ведь он слеп и каждая сточная канава его последний рубеж
тебе удалось избежать этого
появилось зрение
но ты видел только себя
только себя в декорациях безжизненного застывшего мира
душа твоя была столь неистова
что не замечала движения
хотелось зафиксировать взгляд на себе
разглядеть своё лицо
но зеркала вращались, дробились, опадали дождём
и снегом
и опять пустота
отчаянье

*я найду себе друга
вон сколько зеркал
сколько лиц отразилось
скорее бежим
по пустым переулкам
по улицам шатким
искажённым осеннего дня
лихорадкой
я найду себе друга
вон сколько зеркал
камнем острым свободу
их образам дам
пусть их руки в крови
сквозь бумажные стены
сквозь тени
по глазам мостовых
я с толпою бегу отражений
сквозь бумажные стены
прорывая рукой и плечом*

сквозь эти стены
сквозь ЗЕРКАЛА окровавленным и израненным
выбежал ты к МОСТУ
МОСТ это уже дорога к людям

но в то время ты думал, что это дорога к самому себе
к себе земному и простому
к себе – не выдуманному
там на вершине МОСТА ты найдёшь своё предназначенье
свою причастность вечности
долго искал ты свой МОСТ и теперь на его вершине
в твои раскрытые ладони опустилась звезда
звезда ВЕРЫ, ЛЮБВИ и НАДЕЖДЫ
чистая как родниковая вода и прозрачная как кристалл поэзии

потом ты пошёл вниз
к людям
к добру
к ХЛЕБУ и встретил по дороге ОРФЕЯ
ОРФЕЯ предавшего свою ЭВРИДИКУ.

Уже в этих поисках пути стали проявляться элементы ЛАБИРИНТА. Ещё предметнее сочетая несочетаемое: поиск пути к свету и безвыходность из лабиринта Ид.

*Так трудно вымолить пощаду.
Защитник сам перед судом.
И тянет совестью и смрадом,
виной, раскаяньем, стыдом.*

*И тянет биться головою
о прутья клетки. Но куда
бежать отсюда Навсегда
приговорен ты быть собою.*

Эта самость встроена в тебя, как мифологический Лабиринт, в котором живёт Минотавр нашего подсознания. Борьба с ним, может быть, заканчивается с нашей смертью. Кто знает...

*Стою у входа в лабиринт
судьбы, пытаюсь выбрать время,
когда во тьму её вступив
ярмо привычно укрепив
мой Минотавр подставит стремя.*

*Скачу, не ведая преград,
из пепелища в пепелище.
Под сводом, крылья распластав,
потомки гарпий крови ищут.*

*Где обрету предел пути,
в каком из тёмных переулков
мой конь, ударив в землю гулко,
вперёд откажется идти?..*

Лабиринты античной мысли в контексте «Хроники» Георгия Амартола

Абай Каиржанов

2-е место Международного творческого конкурса «Гомер» 2019 года в номинации «Научная работа»

Введение

В древнейшую эпоху абстрактного понимания времени не существовало. Человек воспринимал себя, как соучастник божественного творения, то есть представлял себя как некоего соавтора богов. И его главная задача заключалась в том, чтобы всеми силами поддерживать деяния богов на земле. Для этого ему необходимо было строго соблюдать соответствующие ритуалы, прописанные обычным правом ритуального общества. Взор человека был, буквально, повернут в прошлое. Такое понимание времени было присуще и для античной эпохи. Так, у древних греков время расщеплялось на три составляющие части: во-первых, Хронос (χρόνος) – сегментированное время, обладающее циклической структурой. Во-вторых, время понималось и осмысливалось как Кайрос (καιρός) – это такое время, наполненное событиями, то есть это было событийным временем. И наконец, в-третьих, время понималось как Эйн (εἰν) – это время, понимаемое и представляющее собой некую матрицу, служащую для обозначения определенного квазипространства с локативным значением, идентичное определенному сегментированному времени, протекающему в определенном месте и в определенное время.

Теперь рассмотрим, как трансформировалось такое эллинское понимание времени, бытия и логоса в «Хронике» Георгия Амартола.

Бытие, Логос и Хронос в контексте «Хроники» Георгия Амартола

Язык «Хроники» Георгия Амартола [1] обращает на себя внимание примечательной особенностью: существует определенная связь между ходом рассуждений и ходом усвоения соответствующих знаний, которыми владеет субъект, в своем предшествовавшем опыте. Эта связь носит характер промежуточного процесса, и этот процесс может быть существенно различным в зависимости от способов приобретения знания. Успешность усвоения зависит от особенностей осознания этих промежуточных процессов (Л. Секей) [2].

Георгий Амартол изучал эллинскую философию, в том числе и Платона, делая многочисленные отсылки на его взгляды и рассуждения [1, сс.28, 67, 70, 74-76, 78, 80, 144, 198, 247-249, 301]. Ср., например, следующее рассуждение Георгия Амартола, близкое к пониманию оппозиции Платона и Аристотеля: *«И одни называли (мельчайшие частицы) не рассекаемыми и неделимыми телами – за нечувствительность /или/ очень малые (размеры), так что они ни рассекаются, ни разделения принять не могут. Ибо так называют те тончайшие и мельчайшие тела, которые солнце, /вбрасывая/ через прозрачное, показывает, как они всюду /перемеща-*

ются/» [1, с. 73-74]. Это близкое рассуждение о Сущем (ὄν). Ср., καλούμενα 'именуемые'. Получилось, что «мельчайшие частицы всюду обозначаются», то есть появляются, поскольку для древности именоваться значит быть. Эта мысль имплицитно выражает о *Бытии*. Кроме того, Георгий Амартол не разделяет мысли Аристотеля, ему ближе идеи и рассуждения Платона. В другом месте текста Георгий Амартол приводит мысль Платона, что это Сущее распадается на две части, образуя дуалистическую оппозицию: *«А другие тихие, то есть участь, называя имарменьей принудительную силу, которая движет веществом принудительно, а тихие Платон называет причину стечения, или совпадения, естественного или преднамеренного»* [1, с. 74]. Для понимания этого текста эксплицируем значение слова ἰμεράμην 'желать, стремиться, жажда' [13,1, с.823].

Давайте, более подробно рассмотрим это явление у Платона и Аристотеля. Бытие как Сущее (ὄν), распадается на две составные части – на «НЕЧТО», которое существует само по себе – καὶ ἄυτό, и на другое, являющееся приходящим, эфемерным по совпадению – κατὰ συμβεβηκός. Платон в «Пармениде» считает, что эйдосы существуют как καὶ ἄυτό, то есть существуют так же сами по себе, самостоятельно, они и есть Сущее, имеющие образы в многообразии мира, космоса. А вот, как это отразить в языке, для этого Георгий Амартол понимает, что нужны способы, при помощи которых мы высказываем о Сущности (οὐσία), в которой и есть различные категории, роды и виды, то есть вторые сущности, но в них имеется обязательный рефлекс первых сущностей. Кроме того, к первым сущностям относятся только естественные природные космические явления. Поэтому возникает дуализм между этими явлениями – οὐσία ~ ὄν, которые понимаются так: οὐσία – это искусственные явления, антропогенные, которые могут подвергнуться аннигиляции. А ὄν относится к естественным явлениям, это вечные сущности. В современной философии известно положение, что антропогенные явления подвергаются необратимым процессам, а естественные – обладают обратимым потенциалом. Такое различие существенно для Аристотеля. Так, Аристотель разделяет Бытие как порядок космический и как порядок Логос. Сущность в Бытие понимается как τὸ τί ἦν εἶναι, то есть сущность здесь существует само по себе в естественном состоянии. А в Логосе сущность понимается как «НЕЧТО», определенное, зафиксированное и схваченное языком – ὁ λόγος. Но в то же время в языке всегда присутствует сущее, оно выступает как фоновое явление, как «горизонт ожидания». И это «НЕЧТО» определяется Аристотелем как ὁ ὁρισμός, то есть существуют какие-то родо-видовые отношения в вещах, предметах окружающей действительности. У Аристотеля сущность в Бытии становится чем-то определяемым, а в Логосе как чем-то опре-

деляющим. Имануил Кант, отталкиваясь от метафизики Аристотеля, писал, что Бытие не является предикатом. Платон этого не различает. Ср., у Аристотеля – ὅν = «Бытие», μὴ ὅν «НЕБЫТИЕ», ὅν «СУЩЕЕ». Так, Сущность – οὐσία, может быть, представлена как непосредственно, так опосредованно, например, в чувственном восприятии человека – τὸ τὶ ἦν εἶναι. В языке сущность репрезентируется как определенная при помощи средств языка [9;10;11].

Далее рассмотрим вторую составляющую Сущего, то есть, как это проявляется в Логосе «Хроники» Георгия Амартола.

Георгий Амартол пытается соединить синтаксическими средствами существующую идею и уже «схватить» эту идею как исчезающее явление, последнее всегда превращается в становление понятий, противоречащее себе «внутри самого себя» (Гегель). Ведь становление всегда является исчезающим явлением [3].

Чтобы «отодвинуть» или хотя бы приостановить неуловимый процесс исчезновения, византийский автор использует такие синтаксические конструкции, которые способны продлевать во временном отношении (здесь можно было бы говорить о проблемности исторического или художественного времени) связь между ходом рассуждения и ходом усвоения какой-либо идеи, информации, понятий и т.п.

В сакральных текстах автор повествует о времени прошлом и настоящем, будущее в структуре текста исключается. Это будущее зависит от божественного промысла – «пути господни неисповедимы» для смертных, «чтобы добраться через языковые выражения к самим предметам (к консептуму), мы должны показать, как это «дано» дает себя увидеть и испытать. Путь туда будет таковым, что мы должны разобраться, что же дается в этом «дано», что означает *бытие*, которое дано, что означает *время*, которое также дано. Соответственно, мы попытаемся взглянуть на это *Es*, которое дает нам «бытие и время». [4].

Благодаря такому построению сложной синтаксической конструкции, автор добивается (на уровне денотата или коннотата (Л. Витгенштейн) [5]) усвоения и закрепления знаний в памяти человека. Перед взором человека возникает противоречивая ситуация, которая снимается, разрешается буквально на его глазах, то есть процесс исчезновения как бы «отодвигается», задерживается с целью не только лучшего запоминания, фиксации целенаправленной идеи, но и осуществляется функция демонстрации решения: снимается противоречивая ситуация, которая во многих случаях сопровождается дополнительной суггестией при помощи определенных идиом. Только в этом случае субъект незаметно для себя может осознать структурные соотношения в обобщенном виде, не выходя за рамки данного контекста, то есть оказывается способным усвоить генерализированные понятия. В таких конструкциях отражается отечаненное бытие как сущее, которое можно обозначать при помощи слова присутствие. Позволение присутствовать выводится в эксплицитное, то есть раскрывается сокрытое (имплицитное) в открытое, а это интенция *Es* дает присут-

ствие бытия в настоящем через рефлексию прошлого опыта [4, с.81-86]. И это бытие воспринимается как дар, которого нельзя «откалывать» от интенции *Es* (Бытие). В этих текстах и бытие, и присутствие сущего преобразуется только в раскрытии этого сущего. Преобразование становится яснее, когда автор древнего текста обращается к текучести семантического субстрата бытия, и это бытие снимается в конкретной действительности божественного озарения при помощи исихазма. Такое осмысление обнаруживаем и в гегелевской диалектике, и в его «Науке логики» [6].

Современной науке известно, что человеческое мышление принято изучать как мышление продуктивное, творческое и как мышление репродуктивное, воспроизводящее. Эти типы мышления в «Хронике» Георгия Амартола рассматриваются как единое целое при помощи таких сочетаний лексем, которые отражают денотативные или коннотативные сущности (М.М. Копыленко, Попова З.Д. [7]), которые в свою очередь оформляются в специальные семантико-стилистические единицы языка, измеряемые определенным контекстом. В подобных текстах, очевидно, что самая новая и непривычная идея, понятие могут быть раскрыты при одном условии, если в последующих его членах даются такие знания, которые знакомы в прошлом опыте человека, то есть возникает в каком-то смысле переходная область между продуктивным мышлением и применением знаний в опыте как таковым.

Итак, проблемность в «Хронике» Георгия Амартола является механизмом раскрытия истины, последняя состоит в том, что понятие, идея, информация не переходит, а перешло в исчезновение, определяющееся в становлении христологических знаний. Истина их не есть их неразличённость, она состоит в том, что они не одно и то же, что они абсолютно различны, но также неразделимы, и что каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности. Их истина есть движение непосредственного исчезновения одного в другом: становления, которое и является исчезающим.

Эквиполентные явления нами рассмотрены при исследовании происхождения рунического письма и при анализе текста, например, одного древнетюркского рунического памятника письменности X века [14, с. 69-76, 15, с.100-109].

Заключение

Автор «Хроники», используя данный механизм проблемности, пытается внушить субъекту религию в истинном смысле слова: способствует христианскому совершенству и укрепляет его в христианской истине, с одной стороны, как бы «продлевая» процесс восприятия, с другой, показывая, раскрывая обобщенные понятия генерализованного типа.

Георгий Амартол жил и описывал конфессиональную ситуацию в империи своего времени, когда шла ожесточенная борьба, с одной стороны, монофиситами и диафиситами, с другой, зарождающейся католической церковью с различными еретическими популизмами внутри самого христианства, с расколом церковью на западную и восточную, и влиянием со стороны, на-

пример, манихейства как антисистемы и с другими еретическими сектами на умы и сердца жителей империи. Приходилось вести дискуссию на Вселенских соборах с теми, кто пытался примирить диафиситов с монофиситами, так называемыми монофелитами. Кроме того, споры с теми выдающимися известными философами и епископами, которые своими вольнодумиями в проповедях, и к тому же, великолепными произведениями давали повод для расшатывания основных догматов католической веры.

Кроме того, шла перманентная дискуссия между представителями христианства и ислама. Если христианство впитало в себя идеи неоплатонизма, то учение ислама протекало и развивалось в недрах пяти школ: фальсафа (представители этой школы переводили и изучали античное наследие: философию Платона, Аристотеля и др.), калам (апологеты этой школы создали концепцию недостижимости Сущего – Аллаха), суфизм (человеческое преображение возможно, например, при помощи «зикра», которое помогает постичь божественную суть, но без посредников), шиитский гнозис (или исмаилизм, сторонники которого развивали идею, что при помощи посредников можно помочь верующим постичь основополагающие идеи ислама), и наконец, ширакизм (представители этой школы развивали учение о свете и внедряли символическое понимание окружающего мира. Они утверждали, что мир не хаотичен, он структурирован особым образом). Все эти школы опирались на основные постулаты философии Аристотеля.

Что касается языка, то в исследуемом средневековом хронографе, и вообще в любом другом хорошем тексте независимо от места написания и религиозно-этнической привязанности того или иного автора, фиксируется общечеловеческая синергетическая универсальность языка, которая получит первое научное обоснование только во второй половине XX века (1977 г.) И.Р. Пригожиным [8], а развитие этой синергетической универсальности наблюдаем сегодня в разработках ученых конца XX - начала XXI века [12].

Литература

1. Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славно-русском переводе. - Т.1. – Петроград, 1920. *Boor de Carolus*. Georgii monachi chronicon. – Lipsiae, 1904. Матвеев В.А., Щеголева Л.И. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М.: Богородский печатник, 2000. – 544с.
2. Ярошевский М.Г. История психологии, 3-е переработанное изд. – М., 1985. – 575с.
3. Гегель Г.В.Ф. Учение о сущности // Гегель. Наука логики. - Т.2. М., 1971. – С.29-69.
4. Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991. – С.81-86.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – Перевод с немецкого. – М., 1958. – Р.39.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. - Т.1-3. – М., 1970-1972.
7. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Учебное пособие по спецкурсу для филологов. – Воронеж, 1972. – 124с.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 1986.
9. Platonis dialogi, post G.Fr. Hermannii recogn. M. Wohlrab. Vol. I-VI. Ed. Stereot. Leipzig, 1936.
10. Аристотель. Метафизика. – Москва, 2006. – 608с.
11. Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля. – Москва, 1929.
12. Каиржанов А.К. Принципы исследования: синергетическая сущность языковой системы // Абай Каиржанов. Palaeoslavica: Византизм и славянство. – Ростов-на-Дону, 2018. – С.48-66. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. У истоков синергетического видения мира. – М., 1994. Чернавский Д.С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. – М., 2004. – С.78.
13. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – Москва, 1959. – Т.1-2. – 1905с.
14. Abay K. Kairzhanov et al. Hypotheses about the Origin of the Turkic Runic Alphabet // Analele Universitatii din Craiova, seria stiinte filologice Lingvistica. – ANUL XL, Nr.1-2, 2018. – PP. 69-76.
15. Abay Kairzhanov, Gulbagira Ayupova, Azhar Shaldarbekova. The Ancient Turkic Book of Reasoning and Revelations “İrq bitig” of X Century / El antiguo libro turco de razonamiento y revelación “İrq bitig” del siglo X. // Utopia y Praxis Latinoamericana, ANO23, №82. – PP.100-109.

Об авторе: Каиржанов Абай Каиржанович

Доктор филологических наук, профессор. В 1991г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Денотативные и коннотативные фразеосочетания в переводных памятниках древнерусской письменности XI века» (КазГУ имени С.М.Кирова). В 1995г. – докторскую диссертацию на тему «Исследование в области фразеологии памятников древнерусской письменности XI – начала XII в.» (КазГУ имени Аль-Фараби).

Работает в Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилева, заведовал кафедрой русской филологии (1995–2005), профессор кафедры тюркологии факультета международных отношений (с 2011). Автор более двухсот научных и научно-популярных работ, шести монографий, посвященных проблемам языка и культуры Византии, Киевской Руси и Великой степи

ГЕОРГИЙ АМАРТОЛ, Георгий Монах (Γεώργιος Μοναχός "Амартолос" букв. – Грешник) – византийский летописец IXв., монах.

«Хроника» (Хроника Георгия Амартола, Хроника Георгия Мниха) – историческая летопись, охватывающая период от «сотворения мира» до 842 г. В славянских переводах (дополненная другими авторами до 948 г.) известна также как «Временник» и «Летовник». Ряд фрагментов из «Хроники» вошёл в «Повесть временных лет».

(прим. ред)

Минос-Крит-Колхида-Евразия-Грузия

Валерий Асатиани
(Грузия, ТГУ)

*Доктор филологических наук, профессор, Президент ассоциации Диалог культур-21
Обладатель международной медали мира им. Альберта Швейцера*

Лауреат Особой награды президента «За вклад в культуру» Международного творческого конкурса «Гомер» 2019 года

Сегодня мы на легендарном Крите и как же здесь не вспомнить, что Минос в греческой мифологии, наряду с Сарпедоном и Радамантом, один из трёх сыновей Зевса и Европы, рождённых на Крите. Вспомним и то, что женой Миноса была Пасифая, дочь Гелиоса, сестра царя Колхиды – Ээта. Следовательно, жена царя Крита Миноса – Пасифая приходилась Медее тёткой, так же и как Кирка. Это возвращает нас к теме прошлогоднего фестиваля «По следам Аргонавтов» и поясняет логическую связь прошлогоднего фестиваля «Визит к Музам» с нынешним.

Тут же вспомним Фрикса, сына Атаманта и Нефелы, брата Геллы. Как мы помним, Фрикс и Гелла бежали от преследования своей мачехи Ино на золотом баране. Гелла упала со спины барана в пролив, отделяющий Азию от Европы и утонула. Таким образом, миф объясняет название пролива Геллеспонт (то есть море Геллы) совр. Дарданеллы. Между тем, Фрикс добирался до Колхиды, где приносит волшебного барана в жертву Зевсу. А вот Золотое Руно охраняется драконом.

Известно, что с точки зрения физической географии Европа и Азия являются Евразией и представляют собой общий континент. Их деление условно и обусловлено геополитическими факторами, основано на культурно-исторических традициях.

Европа (древнее догреческое божество) и Азия (океанида, жена титана Япета, отца Прометея) – античные мифологические имена.

Европа была дочерью финикийского царя Агенора, которой явился Зевс в виде быка, в то время, когда она играла с подругами на берегу моря, похитил её и доставил на Крит. От их продолжительной связи Европа родила Зевсу Миноса и Радаманта (а по Гесиоду и Сарпедона).

Впоследствии Европа стала женой критского царя Астерия (Астериона), после которого царский трон унаследовал её сын Минос. Именно при Миносе и был построен Кносский лабиринт.

Отметим, что слова Европа и Азия семитского происхождения и означают – Вечер, Закат, Восход

солнца.... А Европа была дочерью финикийского, т.е. семитского царя.

И вот хочу обратить Ваше внимание на следующий факт:

Для древних греков граница между южной Европой и Азией проходит через реку Фасис (современные Риони и Чорохи). Т.е. южной границей Европы признан Риони и линия границы между Европой и Азией проходит не вдоль Кавказского хребта, а по течению Фасиса к Юго-Западу Грузии. Исходя из этого и Колхида и Колхидское царство для греков располагалось в Европе и относилось к европейской части евразийского континента.

Теперь вопрос языка.

Учёные (акад. Акакий Шанидзе, Тамаз Гамкрелидзе и др.) предполагают, что в древней Колхиде общались на занском языке. Это диалект западно-картвельского языка – предок современного мингрельско-лазского диалекта. Предположительно это и был язык древней Колхиды – Эи царя Ээта и Медеи. Этот язык именуется сегодня Колхским.

В последние годы высказано мнение (Т. Гамкрелидзе), что именно из занского языка и заимствовали колхское слово ღუოზ - ღოზოზ (ლბ. ღობგზ. ღოჯოზო, лазское – tkebi) называя Золотое Руно (греч.Ков) из-за которого Аргонавты и прибыли в Колхиду.

Согласно современным исследованиям, существование Колхидского царства восходит к 15 веку до н.э. Обращаю внимание на то, что в греческих надписях микенской эпохи (15-14 вв. до н.э.) документально подтверждаются многие имена из мифа об Аргонавтах – Айа (Эя), Колхида, Ээт, Ясон, Медея и др.

Учёные отмечают, что большая часть Грузии и в общем, большая часть южного Кавказа, по древнейшим представлениям, находятся в европейской части Евразии, в отличие от регионов, находящихся южнее Риони и Чорохи. Например Анатолия, Иранский хребет, Месопотамия. Их относят к азиатской части континента и в современной географической номенклатуре известны как Передняя Азия или

Юго-Западная Азия (South-West Asia). Этот же ареал часто именуют Ближним Востоком (англ. Near East).

Следовательно, Грузия и Южный Кавказ – этот регион европейской части Евразии соответствует названию – Юго-Восточная Европа, англ. South-East Europe, по аналогии Юго-Восточной Азии, South-East-Asia.

Потому-то и являются грузины древнейшими европейцам в отличие от западных европейцев, которых в этой эпохе ещё не видно на исторической Арене.

(В данном случае я подробно не останавливаюсь на результатах археологических раскопок 2005 года на территории Дманиси, где были обнаружены останки первых европейцев (их условные имена Зезва и Мзия). Эти останки датируемы почти двумя миллионами лет... Проведённый совместной группой исследователей из Грузии, Израиля, США и Швейцарии анализ данного артефакта подтвердило сочетание в нём множества признаков, которые раньше обнаруживали у различных представителей рода человеческого. Причём эти гоминиды до этого были известны только лишь из африканских находок).

Следовательно, европейская часть евразийского континента состоит из Западной Европы, Восточной Европы (с границей вдоль Уральских гор и побережья Каспийского моря), а также Юго-Восточной Европы, в которую входят Грузия и другие страны Южного Кавказа, т.е. Закавказья. Между тем сегодня в научной литературе уже чаще применяется термин Южный Кавказ.

Должен отметить, что на одной из древних европейских карт 1570 года, составленной известным фламандским картографом Авраамом Ортелиусом (1527-1598) Грузия признана именно частью Европы и расположена в том регионе континента, которую сегодня мы называем Юго-Восточной Европой. Книга Ортелиуса это географический атлас мира, содержащий 70 карт и статей к ним страноведческого характера носила название *Theatrum Orbis Terrarum* – Зрелище круга земного.

Теперь вопрос – Всё же к какому миру относится Грузия культурно-исторически, к Западнему или Восточному, какие связи выявлены за 3.000 лет грузинской государственности?

Так как Грузия находится на краю Юго-Восточной части Европы и граничит с азиатской частью континента, естественно, грузинская культура и цивилизация представляют собой синтез, симбиоз западной и восточной культур, возникший в результате

слияния и смешения этих культур.

Известно, что неповторимая Эллада – античная Греция, являясь колыбелью европейской цивилизации, своими корнями теснейшим образом связана с восточным миром. Эпоха Александра Македонского – эллинистическая культура (термин введён немецким учёным Дройзеном), явилась слиянием эллинской культуры с восточными традициями. А значит, неоспоримы восточные импульсы и влияния на западную культуру.

Вспомним известную латинскую сентенцию: *Ex Oriente Lux* – Свет идёт с Востока!

Далее происходит слияние эллинистической культуры с восточным христианством и создание больших византийских традиций. Тут среди восточноевропейских стран и Грузия. Создаются важнейшие очаги духовной культуры на Афоне, Синае, Иерусалиме, Бачково-Петрицони и т.д. со своей национальной письменностью. Рождаются литературно-переводческие школы и пр.

Великий шёлковый путь проходил и через Грузию. Сегодня прокладывается новый шёлковый путь...восстанавливаются традиции...

Ещё Гёте писал, что мы не должны отделять друг от друга Восток и Запад.

А грузинский поэт Тициан Табидзе, вспоминая имена знаменитого средневекового персидского поэта Саади (12 в.) и французского мыслителя 19 века – Пьера Прудона образно восхваляет «Розу Саади в вазе Прудона».

Этим многое сказано.

Литература

1. Тамаз Гамкрелидзе, Избранные статьи, выступления, Тб., 2014 (на груз. яз.)
2. Отар Лордкипанидзе, Древняя Грузия (Колхида и Иверия) в «Географии» Страбона, Тб., 2010 (на груз. яз.)
3. Акакий Урушадзе, Древняя Колхида в сказании об Аргонавтах, исследование, греч. тексты с груз. переводом и примечаниями, Тб., 1964, 2018
4. Рисмаг Гордезиани, Греческая цивилизация, 1-2, Тб., 1988-1997 (на груз. яз.)
5. Валерий Асатиани, Античные и византийские традиции в древнегрузинской литературе, Тб., 1996 (на груз. яз.)
6. History of Georgia, Kartlis tskhovreba, Тб., 2014

Семен Климовицкий

Москвич, живет в Австралии с 1980г.; до этого долго жил в Италии и Новой Зеландии. Пишет стихи и прозу; автор публикаций в ряде периодических изданий («Литературная газета», «Литературная Россия», «Русская мысль», «Дети Ра» и др.). Победитель конкурса «Золотое перо России», лауреат ряда других литературных конкурсов. Работает врачом-дантистом.

Прочь, рецидивы зимы

1.

Прочь, рецидивы зимы!
В дебрях Вселенския тьмы
Хлад да колючая наледь.
Сколько смертей, дуралей,
Плачут по жизни твоей?
Снег налетает с полей.
Не заметёт, так завалит
В дебрях Вселенския тьмы
Только и толку, что мы
Крохотны волей Господней.
Зябко нам, страшно, темно.
Ночь залезает в окно,
Завтра приставив к сегодня
Что же – опять холода
К нам долетели сюда?
Хрупко убежище лета.
Свет, что в низине застрял,
Бьётся в сетях октября.
Надо ли думать об этом?
Зимно – как скажет поляк.
Ветер в опухших полях
Не остановит разбоя.
Век нам с тобой не заснуть,
Плакать да глаз не сомкнуть...
Что же мне делать с тобою?
Тщетно томление рук.
Утром спасательный круг
Солнце на шею набросит.
Руку прости в пустоте
К затридесятой версте.
В ссылке, как скорбный Иосиф
В холоде этом смурном
Жизнь перекрутит вверх дном.
В ангельском этом тумане
Думаешь всё об одном –
... тёплую чарку с вином...
с книгой возлечь на диване...
Прочь, перепады страстей!
Этих заморских гостей
Как приютить-приглубить?
Девять кошачьих смертей
Плачут и ждут новостей.
Ночью десятая сгубит...

2.

Весь тараканий мирок
Взглядом косит за порог,
Нечисть густа и прелестна.
Что ж, незабвенный Фома
Спятим тихонько с ума,
Жизнь промотав безвозмездно
В дебрях Вселенския тьмы
Жалки и трепетны мы,
Богом забыты и плохи.
Дети эпохи и проч.,
В голую черную ночь
Брошены лаской эпохи
Всей ли Вселенной в предел
Мир эту кожу надел?
Чтобы ни писка, ни всхлипа
Не доносилось отсель.
Ночь – это гроб да постель
Замыслов наших великих
Но изо дна, изо дна
Тонкая нотка одна
Пискнет про то и про это.
Ночью душой рождена,
Впрок никому не нужна,
Ах, но надеждой согрета...
Вот и промчит карусель
Лет, и для нас, карасей –
(прочь, говорю, рецидивы) –
лет и наверное – дней,
Где впереди всё верней
Точка в конце перспективы
Весело нам и светло.
Ветер стучится в стекло.
В спальне сугроб намело.
Прыгнуть да спать поскорее
Много ли проку с того,
Что на дворе Рождество?
Да на душе – ничего
Ночью, в начале апреля.

Геннадий Казакевич

Родился в Москве. Окончил экономический факультет и аспирантуру МГУ. Живёт в Мельбурне и преподаёт университете имени Монаша. Как экономист известен академическими работами и статьями в австралийских газетах. Литературные публикации: «Зазеркалье», Мельбурн, «Russian Link», 2003; «Голоса», Новосибирск, Серия «Свеча», 2005; подборка в Новой Антологии Поэзии «Земляки», Москва, серия «Мир говорит по-русски», 2009; постоянный автор альманаха «Австралийская мозаика».

Что тебе, Боженька, стоит?..

Господи, лучше меня знаешь, что скоро состарюсь.
Что тебе, Боженька, стоит? – Дай мне ума, наконец,

И удержи от соблазна – дай мне по-прежнему думать,
Но не давай поучать – хватит зануд без меня.

Рот мне заткни, если стану ныть о болезнях другим –
Будет болезней всё больше, слаще беседы о них.

Главное, силы мне дай, чтобы признаться скорее –
Больше ошибок своих в жизни моей, чем твоих.

Когда умру...

Когда умру, мою любовь, свернув,
В чулане спрячут в дальний нижний ящик,
И будет там она лежать как мячик,
За шкафом потерявшийся в углу.
Но вот однажды дом перетряхнут,
И мой потомок – умный добрый мальчик –
Найдёт случайно старый пыльный ларчик,
Увидит в нем не тлеющий лоскут
И спросит: «Мама, разве в прошлом веке
В таком ходили взрослые и дети?»

Авраам

Чей голос слышал ты во сне, глупец?! –
Для жертвы этой время не настало.
Тебе ли знать, кто – жертва, кто – отец.

Вокруг пасутся сонмища овец.
Кому приплода их недоставало?
Ты что затеял, выскочка, глупец?!

Подумал ты, что сын твой – образец,
Что агнец непорочный он – тот самый?
Тебе ли знать, кто – жертва, кто – отец.

Вот горлица, вот овен, вот телец,
Вот праведников хор поёт осанну...
Твой дар нужнее, думаешь, глупец?

Смотри! Что ни властитель, то – подлец –
В строй под ружьё юнцов отряды ставит,
Не думая, кто – жертва, кто – отец.

Что от ножа, что на кресте конец –
Адамову отродью дела мало.
Не важно вам, кто – жертва, кто – отец.
Всё это зря. Ступай с горы, глупец.

В духе Ницше

*«Погляди на стадо, пасущееся возле тебя...»
Фридрих Ницше*

Вот стадо на лугу. А вот трава,
подростая, чтоб стать скотине кормом.
Скотина счастлива. Забыто, что вчера
всё также было. Хорошо – сегодня!

А вот пастух. Перед скотиной он
гордится тем, что выше интеллектом,
способностями думать наделён
и помнить жизни прошлые моменты.

Но завистью пылает он в душе
к счастливому беспамятству скотины,
пасущейся на матушке-земле,
не думая о бытия причине,
не ведая пресыщенности, боли
и неизбежности последней доли.

ТРИОЛЕТЫ

Обмен

По мотивам стихотворения сэра Ф. Сидни

Моя любовь моим владеет сердцем.
Её – дано мне в вечный сладкий плен.
Открыта в нас всегда друг другу дверца.
Моя любовь моим владеет сердцем.
Достался нам превыгодный обмен.
Два сердца вместе, остальное – тлен.
Моя любовь моим владеет сердцем.
Её – дано мне в вечный сладкий плен.

Акварель

Старания художника напрасны –
Не скрыть шероховатостей листа
Мазками нежных акварельных красок.
Старания художника напрасны –
Лишь тем, кто видит всё издали,
Мир на картине кажется прекрасным.
Старания художника напрасны –
Не скрыть шероховатостей листа.

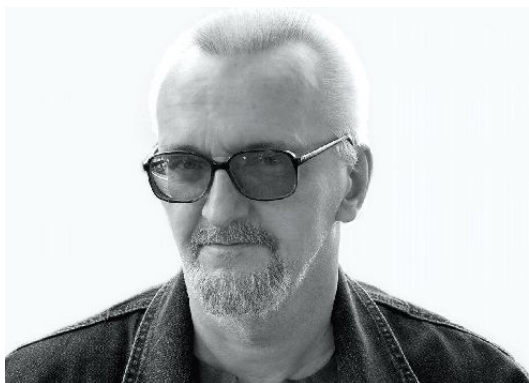
Быть человеком!

*«Быть человеком - значит быть больным...»
Томас Манн*

Быть человеком – значит быть больным,
Ходить по докторам и пить таблетки,
И не давать забыть о том родным.
Быть человеком – значит быть больным,
Есть паровые постные котлетки
И думать, сидя вечером в беседке:
«Быть человеком – значит быть больным,
Ходить по докторам и пить таблетки»

Башкортостан

Михаил Смирнов

Смирнов Михаил Иванович, родился в городе Салавате, год рождения: 27 сентября 1958 г., печатался: «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Молодая гвардия», «Литера», «Работница», «Сибирские огни», «Литературный Крым», «Казань», «Белая скала», «Балтика», «Простор», «ДОН_новый», «Камертон», «Родная Кубань», «Воскресение», «Великоросс», «Гостинная», «Север», «Бельские просторы», «Литературный Азербайджан», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Огни над Бией», «Отчий край», «Петровский мост», «Луч», «ЛиФФт», «Кольцо А», «Приокские зори», «Жемчужина», «Новый континент», «Нёман», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и др.

Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международной премии «Филантроп»;

Лауреат Всероссийской литературной премии «ЛЕВША» имени Н. С. Лескова;

Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого;

Лауреат международного литературного конкурса на соискание премии им. А. И. Куприна;

Лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и мн. др.

Заглянуть в душу

Дорога запетляла между холмами, проскочила кустарник и вздыбилась, взлетая на крутой берег. Там, вверх деревня. Небольшая. Это раньше она была огромная. Улицы, словно паутина, расплзались, пересекая друг друга. Дома, где хотели, там и ставили хозяева. Где-то кучкой, чуть ли не вплотную друг к другу, а в другом конце разбросаны, до соседа не докричишься. В общем, хмельная деревня и название подходящее – «Пьяновка».

Отдуваясь, Алексей поднялся в гору и, не выдержав, присел на большой валун, отполированный за многие годы такими же путешественниками, как он сам. Лёшка достал бутылку газировки. Открыл. Пена рванулась наружу, обливая руки и колени. Чертыхнувшись, сделал глоток. Поморщился. Слишком сладкая вода. Отмахнулся от мухи, которая назойливо лезла в бутылку, почуяв сладкое. Закупорил и опять в рюкзак. Закурил. Посмотрел на деревню. Когда-то была огромная, а сейчас всего ничего. Мало осталось местных жителей, зато много понаехало дачников. Выкупают дома, загораживаются высоченными заборами, нанимают рабочих и грохочут, выстраивая огромные многоэтажные особняки. Зимой ещё можно терпеть этих дачников, но наступает весна и с утра до вечера по деревне орёт музыка. Некоторые отдыхающие вытаскивают столы во дворы и шумно начинают отмечать начало дачного сезона и побег из осточертевшего города. Другие, почуяв непреодолимую тягу к земле, видать, зов предков, ползают на карачках, грядки готовят, восторженно воркуют над цветочками, а, когда солнце в зените, начинают тенёк искать, чтобы передохнуть от трудов праведных. А другие, самые бесстыжие, так и фланируют по улицам в плавках да купальниках – ниточка там, ниточка здесь и с зонтиками в руках – солнечные ванны принимают, заходят в сельмаг и устраивают дефиле вдоль прилавка, своим видом вгоняя в краску местных жителей, которые начинают матюгаются и грозят собак спустить с цепи, встречая голопупых в магазине или на узких деревенских улочках. Ну, совсем обнаглели, срамники!

Похоронив маму, отца уж давно отнесли на мазарки, Лёшка долго не раздумывал, быстренько продал свой просторный дом с большущим садом и огородом, с тёплым сараем да с банькой побелому, забрал свои манатки и смотался в город, где купил тесную угловую комнатку в старом крупнопанельном доме – улье, подругому никак его не назовёшь, где круглосуточно ходили, бегали, кричали, жужжали за стенами пчелы-соседи. Купил квартиру, но так и не привык к культурно-шальной городской жизни, где все несутся, сломя голову, куда-то торопятся, толкаясь и ругаясь, а наступает вечер, мчатся в магазины, и с полными авоськами опять бегут по улицам, улочкам и переулкам, исчезают в подъездах и начинается жужжание. В общем, суета, да и только. Поэтому, в любое свободное время, он собирался и отправлялся в родную Пьяновку. На могилки ходил – родичей проводывал, да забегал к соседу, к старику, с кем любил посидеть возле речки, неспешно покуривая крепчайше-едущий самосад, аж дыхание перехватывало, послушать, как переговариваются речные перекаты в ночной тиши, поглядеть на звёздные россыпи, да перебраться парой слов, ну, если не лень будет, конечно.

Лёшке нравился старик, интересный – этот дон Кихот, как его прозвал, когда в школьной библиотеке взял книгу о знаменитом идалго, а там были рисунки, словно его соседа нарисовали. А Дульсинеей стала жена старика, баб Дуся, по-нашенски. Старик: высокий и нескладный, под два метра, не менее, с бородёнкой – клинышком, длинные усы торчали в разные стороны на худом лице, не вниз свисали, а именно в стороны, густые брови над глазами и смотрит утрашающе, в коротковатых штанах зимой и летом, в рубаше до пупа расстёгнутой, где видны были выступающие рёбра и чёрная нить с образком на впалой груди. Но главное – это характер. Вдрызг мог разругаться с местным начальством, а бывало и с приезжими, постоянно лез в драку, чтобы встать на защиту угнетённых деревенских жителей, так,

Лёшка всегда смеялся над ним. Старик никого и ничего не боялся, но в то же время всех уважал, любил и любого готов был защищать. Всегда хмурый, взгляд презлющий, а чуть копнёшь, поймёшь душу его, и сразу хочется защитить старика. Безобидный он – этот дон Кихот. Только с виду грозный и устрашающе пытит, а внутри мягкий и добрый. Хороший старик, правда, если найдёшь с ним общий язык.

Дон Кихот радовался, когда Лёшка приезжал. Радовался, но виду не подавал. Наоборот, хмурился. Взглянет из-под кустистых бровей, покрутит длинный ус, потом медленно, с расстановкой буркнет: «Аль-Ёшка прикатил», а сам вытянет полный кисет и протягивает – угощает и снова повторяет – уже мягко, по-доброму: Аль-Ёшка. Почему так называл – Алексей не знал, но ему нравилось.

Он взглянул на солнце. Высоко стоит. Жарко. Алёшка заторопился. Подхватил сумку с гостинцами и пустился напрямки к далёкому дому, который выделялся своей ярко-красной пожарной крышей. Издалека видна, как и развивающийся красный флаг на коньке крыши. Не промахнёшься, ну, если в пьяных улочках не заблудишься. Хоть Аль-Ёшка и вырос здесь, но не стал рисковать, чтобы по улицам добираться, а, подхватив сумку, помчался по тропкам, одному ему известным. Остановится, посмотрит и опять скрывается в кустах или переулках. И вот добрался. Распахнул калитку, смотрит, Дульсинея цыпляток кормит: «Цыпа, цыпа, цыпа», а дон Кихот сидит на крылечке, прислонился к перильцам, и дышит своим самосадом. Всё, как всегда, всё, как обычно.

– Аль-Ёшка прикатил, – взглянув из-под бровей, буркнул старый идальго и, выудив из глубокого кармана полный кисет, протянул. – На, закуривай.

Сказал, словно и не расставались.

– Проходи, Алёшка, – баба Дуся вытряхнула остатки корма, поправила бельё на верёвке и стала подниматься по ступеням. – Подвинься, старый. Выставил свои ходули – ни пройти, ни проехать. В кровь расшибёшься, ежли зацепишься, – привычно заворчала Дульсинея и скинула глубокие галоши. – Ишь, надымили, кураки, хоть топор вешай. Ну-ка, хватит рассиживаться. Марш в избу, чай будем пить. Самовар вздула.

И тоже, будто Алёшка на пять минут выходил и вернулся.

После неторопливого просмотра гостинцев, всплёркивая руками, оханья и аханья, с виду недовольного ворчания, а на деле – обрадовались, что не забывает стариков. Наглядевшись, принялись торжественно раскладывать на полках шкафчика, и в столе: мешочки, кулёчки, коробочки и баночки. Потом уселись просто попить чаёк: свежие огурчики, с десяток яиц на тарелке, краснели помидорки, желтела картошка, и зеленел пучок лука, ещё в каплях воды, а рядышком высилась горка нарезанного хлеба: пахучего, вкусного, домашнего. Алёшка принялся и вздохнул. В городских магазинах не найдёшь такой хлеб – это хлеб из далёкого прошлого, из детства, где и сахар сладок, и простая карамелька была шоколадной.

А потом, когда вволю надулись чаю, не слушая ворчания Дульсины, старый идальго натолкал в кисет самосаду, прихватил газетку, проверил спички в кармане и они пустились к речке. Отправились на речную косу, где разросся густой ивняк. Где было старое кострище да два больших валуна, на которых они посиживали, когда Алёшка приезжал в Пьяновку, где у него никого не осталось, кроме старого идальго с его Дульсиной, бабой Дусей да родителей на кладбище.

И они уходили на берег, сидели на плоских больших валунах. Разводили костёр, и всюду пыхали крепким едучим самосадом. Алёшка похвастался, достал и угостил идальго импортными сигаретками в яркой разноцветной пачке, которые специально купил для старика, но тот покрутил в руках, кое-как вытянул одну коварными пальцами, прикурил, натужно закашлялся и, поморщившись, небрежно бросил в костёр.

– Одно баловство, и не более, – насупив густые брови, буркнул дон Кихот и стал сворачивать толстую сигарку. – Городские сигаретки для городских вертихвосток. Вот, накось, Аль-Ёшка, нашенский табачок покури, – и опять протянул кисет.

Алёшка закурил. Вкусно, запашисто, аж дух захватывает – хорошо!

– Глянь-ка, это ты плывёшь, – затаившись, буркнул Кихот, и клочки дыма повисли на длинных усах, и кивнул на сухой лист, что медленно кружился на воде. – А вот и я вслед за тобой показался, – и ткнул в тёмную щепку, что мчалась по течению, то исчезая, то показываясь на поверхности.

– А куда плывём? – покосившись, сказал Алёшка.

Старик помолчал. Потом опять ткнул

– Туда плывём. Жизнь – это река, – и клочья дыма запутались в ветвях кустарника. – А всё, что на поверхности – это люди: молодые и старые, хорошие и плохие, но люди. И куда человека занесёт, с кем он встретится в пути или исчезнет, словно его никогда не было – это никому неизвестно, а знает лишь она – река жизни.

Так, по-философски, объяснил Кихот. И замолчал, продолжая рассматривать реку. Наверное, что-то искал в жизни, что проносила перед глазами, или вспоминал прошлое.

Всё может быть. Алёшка не стал спорить. Они приходят сюда, чтобы посидеть, подумать и заглянуть в свои души, а если повезёт, увидеть и почувствовать реку жизни – это главное, а остальное – пустяки, на которые стараешься, внимания не обращать, да и время жаль истратить.

Забумкало – это на противоположной стороне взревела музыка в машине. Молодёжь, извиваясь, похватила стаканы с выпивкой. Не чокаясь, выпили, опять налили и снова выпили, и продолжили извиваться под музыку. Жарко. Девки разнагишались. Совсем. Наплевали на всех и вся, и устроили стриптиз на берегу реки. Парни гоготали, наблюдая за ними, как они елозили по машине, стонали, готовы на всё, лишь бы удовлетворить свою похоть. Один не выдержал. Схватил девку и в кусты потащил. Вскоре вернулся, поправляя узкие модные плавки. Следом появилась деваха, ладошкой вытерла губы, опрокинула стакан и опять стала извиваться. Парни загоготали.

Откуда-то донёсся долгий мат. Наверное, деревенские заметили стриптиз на берегу. Девочек словно подстегнули этими матюгами. Они стали ещё быстрее и сильнее извиваться. А парни ещё громче загоготали и потянулись к стаканам. Второй не выдержал, подхватил ту же девчуху, и они торопливо скрылись в кустах. Прошло несколько минут. Голая девка вышла на полянку. Потянулась, трянула уже обвисшей, далеко не девичьей грудью, качнула бёдрами, не поморщившись, неторопливо выпила, а потом прижалась к дверце и заелозила по ней – кошка мартовская.

Попыхивая, дон Кихот внимательно смотрел на них. Думал. Оглянувшись, подобрал камень и бросил в воду.

– Это они, – сказал старик.

– Правда? – Алексей искоса взглянул на идальго.

– Сердце – вешун, – затаившись старый идальго, и дым повис на ветвях. – Жизнь не любит таких.

– Понял, – сказал Алёшка, взял кисет и заглянул внутрь. – Много ещё. Мало выкурили.

– День долгий для одних, – задумчиво сказал старик, – но короток для других.

Придерживая большим и указательным пальцами толстую сигарку, попыхивая клубами едучего дыма, Лёшка не курил. Так, пыхал всюду, чтобы ощутить горьковатый привкус, чтобы запах почуять – обожал дедовский самосад! А потом, обжигаясь, выбрасывал окурок в костёр и снова тянулся к кисету.

Так было принято у них. Давно. Они собирались и уходили к реке. Курили самосад. Смотрели на костёр, на речку и думали. Изредка перебрасывались словами, а если вели разговоры, то так, ни о чём. Да и зачем говорить, если с полувзгляда понимали друг друга. Им было хорошо возле реки, в одиночестве. Нет, это не было одиночеством. Вокруг был мир: огромный, необъятный, красивый, но со своими законами, которые все должны исполнять. И они придерживались этих законов. Сидели, любовались округой. Смотрели по сторонам и заглядывали внутрь души, стараясь разобраться и понять себя и других. И думали. У дон Кихота это лучше получалось. Он дольше живёт на свете. Много повидал.

Темнело. «Бум, бум, бах!» – ревела музыка, и доносились пьяные крики. Парни швыряли бутылки в реку – реку жизни. Так, словно свои годы выбрасывали. «Бух, бух, бух!» Десять, двадцать, пятьдесят лет утонуло, или стёрто – никто не знает – знает река жизни. Матюгаясь, полуголых девок затолкали в машину. Следом забрались сами. Рывками, надрываясь, машина стала выбираться на дорогу. Опять забумкало, потом наступила тишина.

Стемнело. Старик поднялся. Вытащил из кустов припрятанную старую банку и набрал воды в речке. Принялся заливать костёр. Пламя фыркнуло, взметнулось и зашипело, разбрасывая сотни искр. И в чёрном небе полыхнул звёздный пожар. Замелькали звёзды на воде, захороводили на бормочущих перекатах и помчались вдаль по ночной реке.

– Айда, – буркнул старый идальго. – Нам тоже пора. Дуся задалась.

Дульсиня сидела на крыльце.

Едва они приблизились, баба Дуся махнула рукой.

– Парни с девками разбились на машине, – она качнула головой. – Пьяные вусмерть. Там, с Чертового моста улетели в пропасть. Никого не спасли. Машина вмятку и они тоже.

– Я говорил, такие долго не живут, – старый идальго стал медленно подниматься по ступеням. – Дураки, – сказал он и со злостью, громко, несколько раз повторил, ударяя кулаком по перилам, словно вбивал слова. – Дураки, дураки, дураки!

– Какие не живут? – взглянула Дульсиня.

– Такие, как они, – буркнул дед и взглянул на Аль-Ёшка.

Они поняли друг друга.

Пьяная молодёжь стёрла свои годы в реке жизни.

Прикрыв окно – похолодало и, задернув занавески, баба Дуся собрала на стол. Потом долго сидели и пили чай. Пили неторопливо, вприкуску, шумно отхлёбывая, и молчали. Каждый думал о своём, но в то же время, думали о жизни. Хрустели карамельками, размачивали каменное печенье, прислушивались к голосам за окном. Вон взревела машина и рванула с места. Видать, кто-то ещё решил стереть свои годы в реке жизни.

Алёшка поднялся и направился на веранду, где всегда ночевал, когда приезжал к старикам, но Дульсиня показала комнатку, где он переночует. Впервые пустили туда. А сейчас разрешили – почему? Маленькая комнатка: щелястый стол возле окна, тетрадка и карандаш валяется на столе, в углу старая прогнутая кровать с двумя плоскими подушками, а возле изголовья была табуретка, чтобы стакан воды поставить или книжку на ночь почитать. И всё. Это вся обстановка. Нет, ещё на стенке висели два листка с детскими рисунками и поблёкшая фотография парня. Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в его чертах, словно с ним встречался, а где – этого не мог вспомнить. Алёшка долго ворочался. Думал. В ночи раздался протяжный кошачий ор. Разодрались, территорию не поделили, а может, кошку. Чертыхнувшись, Алёшка уселся на кровати. Не спалось. Походил по комнате, шлёпая босыми ногами. Постоял возле фотографии. Потом набросил рубаху на плечи и вышел на крыльцо.

Поглаживая бородку – клинышком, дон Кихот сидел на скамей-

ке, вытянув длинные ноги, и попыхивал едучим самосадом. Покашливал, что-то бормотал, кому-то грозил скрюченным пальцем и опять мелькал огонёк сигарки: зло, протяжно, искристо.

Шлёпая по голым лямкам, отгоняя комаров, Алёшка присел рядом.

– На, покури, – старый идальго вытащил кисет, газетку и спички и положил на скамью. – Штаны бы надел. Увидят, сраму не оберёшься.

– Темно ведь, – сказал Алёшка, но постарался прикрыть рубахой ноги. – И никого не видно.

– Ну и что, – не поворачивая головы, буркнул дед. – А вдруг подойдут, а ты, нате вам – голышом. Стыдобище-то какое!

– Ну и что, – теперь Алёшка сказал. – Дачникам можно, а мне нельзя, да?

– Нельзя, ты здешний, – пыхнув едким дымом, аж искры полетели в разные стороны, сказал старик. – А дачники – срамники. Им можно, тебе – нельзя.

– Хорошо, но сначала покурю, – сказал Алексей.

Курили долго. Комаров стало меньше. Может от едкого дыма, может ветерком отогнало. Старик принёс кружку с водой. Выдули. И снова потянулись к кисету. Сворачивали сигарки и дымили, чадили, пока в горле не стало першить.

– Что за фотка на стене? – наконец, спросил Алексей. – Лицо знакомое, а не могу понять, где виделись.

– Ты не видел его, – помолчав, сказал идальго. – Не мог видеть.

– А кто это? – кивнул Алёшка.

– Это Коленька, наш сынок, – задумавшись, медленно буркнул дон Кихот, дёрнул себя за бородёнку и вдруг торопливо заговорил. – Понимаешь, Аль-Ёшка, вот сегодня увидел парней с девками, узнал, что разбились, улетели с этого Чёртового моста, и вот тут загорелось, – он постучал по впалой, тощей груди. – Так заболело, хоть волком вой, хоть об стену головой, лишь бы унять эту боль, но не получится. Она всегда и навсегда останется с нами. Мы переехали сюда, чтобы рядышком с ним быть. Здесь погиб наш сынок, – старик замолчал и зло нахмурился. – Мне рассказывали, что они выпили после работы. Его, как самого безотказного, посадили за руль, а сами в кузов забрались. Они-то выпрыгнули, когда машина пошла юзом в пропасть. Все выскочили! А наш не успел. Он, герой, машину спасал. Так и ушёл вместе с ней на самое дно. Взорвалась машина. Пока мужики спустились, пока добрались, всё горной рекой смыло, лишь одни железяки валялись. Ничего не осталось. Ни кусочка! Даже похоронить нечего было. Словно его вообще не существовало. Просто взял и исчез. Всё! Вот и получается, что одним стаканом перечеркнул реку жизни. Одним! И где он покоится, где нашёл последнее пристанище, куда его унесло за эти годы – неизвестно. Знает лишь она – река жизни, но мне не говорит, хотя каждый раз прошу, когда сижу на берегу, – и дон Кихот замолчал, подёргивая длинные усы и запыхал: долго, густо и ожесточённо.

Алёшка тоже молчал. Потом поднялся. Ушёл в комнатку. Завалился на продавленную кровать и долго лежал, вспоминая дон Кихота, думал, почему так получилось, что его сын, Колька, перечеркнул реку жизни, он же мог спастись. Думал про него, про его короткую жизнь, о рассказе идальго... Да обо всём думал, а потом заснул. Крепко уснул. Но утром, когда они позавтракают и переделают кучу дел по хозяйству, что скопилась, пока его не было, вновь пойдут с дон Кихотом на речку, оставив Дульсиню дома. Долго, до ночи будут сидеть на берегу, попыхивая едучим самосадом. Вести разговоры ни о чём. Но больше будут молчать и думать о жизни, и смотреть за звёздами, что хороводят на тёмной поверхности реки, а потом несутся куда-то вдаль, чтобы исчезнуть с рассветом. И опять постараются заглянуть в свои души, а если повезёт – в души человеческие, и вновь повидают реку жизни.

Бельгия

Майя Шварцман (8.08 1962 – 26.09 2019)

Майя Шварцман родилась в Свердловске (Екатеринбурге), закончила музыкальную школу десятилетку и Уральскую государственную консерваторию, скрипач. Работала в Свердловском академическом театре оперы и балета. Из России уехала в 1990 году.

Жила в Бельгии, где работала в Симфоническом оркестре Фландрии, в оркестре Европейской филармонии и ансамбле «Rafageno».

Публиковалась с 1984 года. Поэт, а также автор рецензий и статей о классической музыке. Постоянный автор сайтов *Belcanto.ru*, *Opera-news.ru* и других музыкальных изданий. Член редакционного совета Медийной группы «Интеллигент».

Продолжаем публиковать стихи из последней книги Майи Шварцман «НЕ ОТЗЫВАЙСЯ» (Общественная организация «Dzejnieku klubs Stihi.lv» (Рига, Латвия) и Издательство «АураИнфо» (Санкт-Петербург, Россия), 2019 г.).

Электронная книга в свободном доступе на сайте <http://stihi.lv/poetry/37934-shvartsman-ne-otzyvajsja-kniga.html>

Вечно они противятся мне
истово,
вечно блюдут меня, хуже нет
пристава;
хочешь чужбин куснуть
корку чёрствую –
сразу заслонят путь,
ратоборствуя.

Только попробуешь хлябь шестом –
в пояс мне,
руки раскинув, встают крестом:
бо-оязно!

Если запахнет – хоть чуть! –
борьбой, порохом,
нет, говорят, мы – ползком с тобой,
шорохом.

Только героем взлетишь, за мир лечь
костьми,
высмеют, хлеще иных сатир в
вечности.

К смерти рванёшься, когда припрёт
дочерна, –
нас, говорят, нас пусти вперёд,
доченька...

Молодую рассаду прищипкой
выправляя, ненужный побег
хладнокровной рукой без ошибки
удаляет садовник-стратег.
Я расту зеленеющей стрелкой
под навесом суровой горсти,
угрожающей мне переделкой,
и стремлюсь незаметно цвести.

«Кем ты станешь?» – склоняясь над куртиной,
вопрошают, готовя привой,
досажда опекой пчелиной,
сбором проб, подслащённой водой.
Я учусь с осторожностью лисей
выставлять запасаённые впрок
безмятежные гладкие листья,
лишь бы скрыть утаённый росток.

Из листка сбережённого стебля
разрастётся когда-нибудь сад.
Но, когда, прорастая сквозь дебри
новой зелени, зашелестят
ответвления бывшего вопроса, –
листопадом ложась на траву,
я подумаю тихо и просто:
«Чем я стану, когда отживу?»

* * *

Вот она, вот только за ним и бежит,
то неуверенно, то под собой не чуя
ног, успевая тернии и межи,
видимые лишь ей, одолеть вслепую.
Он ускользает – идол, кумир, фетиш,
неотличимый от прочих, и в пантомиме
мелких движений даже не разглядишь,
как по дороге тешился он с другими:
совокупляясь, клеясь и волочаясь,
вновь уходя, уворачиваясь от брачных
уз, и не воскликнешь: какая грязь! –
мысли его бесхитростны и прозрачны;
жизнь её вся на виду, и так коротка!..
Ей не прервать погонит в плену фантома,
тягой, сильнее невидимого поводка,
паводком чувств безрассудно за ним влекома.
Впрочем, и ей в безвыходности страстей
тоже случается, выдохшись, обессилив,
наскоро или холодно, без затей
сдаться на милость тех, что за ней трусили.
Опыт пожмёт плечамит один ли, сто –
пусть естество мораль усыпит заранее
Вздрогнешь, очнёшься...

ах, да мало ли что
в дождь на стекле привидится в созерцаньи
капель, не сознающих, что их несёт
к краю, ведомых на длинной незримой лонже
вслед за недостижимым;
и если всё
это не о любви, то тогда о чём же?

Собор

Обычный ливень – просто мзда
земле, как сдача от потопа
открыт за облаками кран,
и льётся влага из бювета.

Дождь в Кёльне – кельнская вода,
не сельтерская, не с сиропом,
течёт по крышам и дворам
одеколон небес бесцветный.

Под россыпью душистых брызг
полнеет Рейн влаголюбивый.
И в том отличие от дождя
в Валенсии или Нью-Йорке,
что над собором вознеслись
и подрастают от полива
не каменные острия,
а две готические ёлки.

И был день первый

Никогда не представить.
Какие там чипы и кэш,
«наше всё» или нановакцины, поскольку на свете
только свет, только тьма;
и когда ещё в их тет-а-тете
кто-то третий случайно возникнет и властно промеж
просочится –
какой протоплазмой, в какой мезозой?
и когда ещё встанет, грозя земляному осколку,
первобытная слякоть, что в лужах сперва
втихомолку заведётся под ряской, во сне
обрастая душой...

* * *

Сто лет, как голова жирафа
скатилась – и не скажешь: с плеч.
Из несгораемого шкафа
и посегодня не извлечь

архивов, сросшихся со сталью,
имён, сроднившихся с тюрьмой.
Пусть реставраторы состарят
картинку, уравнивая ценой

с оригиналом: хватит денег
у тех, кто ныне сановит,
купить коня, назвать Мгновенье
да на скаку остановить.

Эпоха, по подвальным окнам
засев, глядит исподтишка, блестя
булгаковским моноклем
стеклянным глазом Бурлюка.

* * *

Машинкой для стрижки ползёт
по темени пастбища трактор.
За долгой прямой – поворот,
мотор не сбивается с такта.
Озябший от холода лоб
земли методически брея,
пробор за пробормом взахлёб
ведёт он в траве и кипрее.
С ворчаньем труды завершив
скрывается в шипре туманца.
А там и весенний призыв,
и снова земля новобранцем.

Соната №2 b-moll

Не то мишень, не то витки орбит
видны на свежем пне. Когда-то клёном
он был, а ныне лес над ним стоит,
оцепенев в молчаньи похоронном.

На древесине ровные круги
сужаются к темнеющему центру
и, будто в омут, завитком дуги
вливаются в смолистую плаценту.
Там спит воспоминание о ростке,
о сладостном младенчестве растенья:
пыльце, тычинке, клейком молочке
и зелени двудольного мышленья.
Сны отрочества. Набуханье жил,
томление корней в постылой почве,
выпрастыванье листьев, словно крыл,
цветочный взрыв в доселе спящей почке.
Круги всё шире – прутья наголо,
мятежный рост под тесною корою,
и нежное пернатое тепло
прижавшегося к ветке козодоя!..
Но по краям – расплывчатая мель
бороздок, словно немощные стансы
о старости с наростами омел,
о горечи осеннего пасьянса.
По замкнутой округлой колее
вращаются царапины скупые.
Жизнь дерева на спиленном стволе
видна в посмертной дактилоскопии.
Подставь шершавый деревянный срез
под хвойную иглу, и пусть с шипеньем
закружится пластинка, чтоб воскрес
дух дерева, оплаканный Шопеном.

ВОРКУТА

Виталий Лозович

Родился и жил в Воркуте. Более тридцати лет проработал кино и телеоператором в Воркуте. Немного работал в Салехарде, в ГТРК «Ямал». Публиковался в журнале «Север» (Петрозаводск), некоторое время был в нём членом редколлегии, публикуюсь в журнале «Автограф» (Донецк, Украина), в журнале «Мир Севера» (Москва, изд. «Литературная Россия»), в журнале «Дальний Восток» (Хабаровск), в журнале «Урал» (Екатеринбург), в журнале «Союз писателей» (Новокузнецк), в журнале «Аврора» (Санкт-Петербург). Опубликовал два романа: «Тёща для всех» издательство «В.А.Стрелецкий» 2010 год, «Опрокинутый мир» издательство «Книга по требованию» 2012 год. По итогам 2013 года повесть «Убойный снег» стала лучшей повестью в журнале «Дальний Восток», в 2015 году эта повесть получила диплом конкурса «Золотое перо Руси». Сборник приключений «Убойный снег» стал лауреатом конкурса им. Виктора Голыякина в Петербурге и в 2015 году получил на литературном конкурсе губернатора Ямала первую премию. Сейчас живу в Салехарде. Член Российского Межрегионального союза писателей. Член Союза журналистов России.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ОЛЕНЬ

*«Зрение у оленей слабое, лодку они замечают поздно, когда до встречи остаются секунды».
Эдгар Дубровский, сценарий «Запасной аэродром»*

С малого детства Ромка Шустов страдал плохим зрением. Заметили это в первом классе. Ромка сидел на последней парте и через месяц обучения пожаловался родителям, что не видит, что на доске пишет мелом учительница. Ромку отвели к офтальмологу, тот глянул и как приговор прочитал:

– Минус три. Плохо дело в таком возрасте.

Родители в ужасе стали кормить Ромку витаминами, морковкой, черникой и всем прочим, что должно было в их понимании срочно восстановить зрение, но всё шло в обратную сторону. К пятому классу зрение опустилось до «минус пять», к девятому – до «минус семь», а к выпускному – до «минус восемь»...

«Минус восемь» – это такое зрение, когда человек снимает очки, а в глазах фактически один большой мутный туман, сквозь который проглядываются очертания близлежащих предметов. Чем предмет крупнее, тем его, конечно, лучше видно. Если человек никогда без очков долго не ходил при таком зрении, то у него очень быстро начинает кружиться голова. Предметы какие-то границы имеют, но всё, что дальше метра, опять-таки, в зависимости от величины предмета, похоже на размытые пятна. Причём пятна эти могут теряться и размываться полностью, если контрастность их небольшая и от общей картины местности плохо отличаются.

В восемнадцать лет, когда всех друзей забрали в армию, а Ромку не забрали никуда, когда все друзья завистливо хлопали его по плечу и завистливо напутствовали – ну, ты давай тут... за всех нас... всех тут подряд... Ромка впервые в жизни почувствовал, что его слабое зрение как-то влияет на его жизнь. Во-первых, в армию не годен, во-вторых, работать тоже может не везде, есть медицинские ограничения, в-третьих, что

делать дальше, если зрение начнёт садиться ещё ниже?

В институт Ромка экзамены сдал, но пройти не смог по конкурсу, мало было баллов. Если бы он выбрал себе институт нормальный, а не факультет киносценарии московского ВГИКа, то вполне бы мог устроиться студентом лет на пять. Он вернулся в родной Северск, в своё Заполярье, в тундру, посидел до осени дома на родительских харчах, после чего пошёл искать работу. Работы он не нашёл. Грузчиком идти было нельзя по зрению, главным инженером никто не взял.

Когда пришёл конец августа, Ромка, перечитавший за последние годы всего Джека Лондона, вступил в местный охотсоюз, получил сразу два охотбилета, как от Министерства природных ресурсов, так и от местного охотобщества, весь август исправно посещал занятия в местной полиции по правилам обращения с охотничьим оружием, после чего в начале сентября получил разрешение и на родительские деньги приобрёл себе прекрасный бокфлинт (вертикально спаренные стволы) ТОЗ-34. Всю осень Ромка проохотился на уток и куропаток. Охотился плохо, больше просто бродил по тундре. Зато впечатлений набралось масса, сюжетов для конкурсного рассказа во ВГИК было теперь предостаточно.

Подошла зима. Как всегда внезапно в Заполярье, быстро и неотвратимо. День уменьшился к декабрю до полутора часов, остальные двадцать два с половиной часа в тундре стояла ночь.

Работы Ромка себе так и не нашёл. Бездельничал под присмотром родителей. На охоту ходил чуть ли не каждый день, с охоты приходил усталый, на вопрос родителей: «что убил?», отвечал коротко и уверенно – ноги. Правда, куропатки тоже встречались и тоже нередко были на столе семьи.

Однажды Ромка в магазине охотсоюза увидел небольшие капканы, поинтересовался у продавца – для кого? Для песка, ответила та безразлично. У Ромки загорелись глаза. Песца он видел в тундре однажды, совсем недавно, увидел так близко, что даже опешил. Он присел отдохнуть в ложбине, где была вереница высоких кустов, в которых обычно кормились куропатки, и здесь краем глаза заметил какую-то движущуюся фигурку... Вначале подумал: собака? Песец просто пробежал мимо, по его же лыжне, только один раз глянув на человека безразличными глазами. Ромка уже слишком поздно стал палить из обоих стволов по зверю, но зверь ушёл. Ушёл ровно, спокойно, лишь чуть-чуть скорости прибавив.

Ромка приобрёл капкан, на следующий день поставил его там, где песка увидел, и, даже не поискав в этот раз куропаток по кустам, ушёл домой. Теперь оставалось ждать. Что он будет делать с песцом, когда поймает его в капкан, Ромка пока не знал. Может, прихватит за задние ноги и треснет башкой о... обо что? О снег? Тогда просто пристрелит зверя в капкане. Метров с десяти, чтобы наверняка. Потом он снимет шкуру так, как много раз уже читал в самых разных книгах и справочниках. Шкуру с песка снимают «чулком», надрезая для этого вначале кожу убитому животному в районе челюстей, потом выворачивают шкуру наизнанку... потом откусывают аккуратно коготочки на лапах и так до самого хвоста. Куда он денет эту шкуру? Матери отдаст. Пусть сошьёт себе шапку. Правда, у матери этих шапок... Ждал Ромка своего зверя всего один день, точнее, ночь, а следующим утром ещё затемно вышел в тундру.

К двадцатым числам декабря по «московскому» светает за полярным кругом в десять, темнеет в двенадцать тридцать, сам день, собственно, определяется как «сорок минут». День стоял тихий, облачный, небо и заснеженная тундра сливались у горизонта в один белый туман.

Ромка вышел за город, прошёл с пару часов в открытую тундру, в балку с кустами, и, мельком просматривая, не кормятся ли здесь куропатки, вышел к месту, где поставил капкан. Место было довольно ровное, немного, что называется, «в низине». Места такие среди охотников назывались «балки». Ромка оглянулся – пусто. Снег, снег, снег. Уже рассвело, шёл одиннадцатый час дня, солнце шло где-то за непроницаемыми тучами, очевидно, находилось «в зените». В зените в декабре – это где-то внизу, «под землёй», за линией горизонта. Солнце за полярным кругом зимой не выходит на небо, лучи его лишь отражаются от небесного свода. Это и есть день.

Капкан стоял на месте, вокруг было чисто. Ни один зверь не то что не попался в его зверское орудие лова, но даже и не подошёл близко. Ромка аккуратно проверил мелкую цепочку, за которую капкан был привязан к метровому штырю, вбитому в снег, убрал зачем-то кусочки сырого мяса оленины, что положил сюда вчера для приманки, достал нового мяса, разбросал вокруг... Хотел уйти, но внезапно в голову пришло: а если капкан под снегом сработал сам, захлопнулся, и сейчас находится в неактивном состоянии, тогда что?.. Ромка понимал, что сам капкан вряд ли может сработать, но вдруг?.. Чего, спрашивается, ждать зверя, когда орудие лова не работает?

Осторожно разворошив снег сбоку, он вытащил капкан наружу, кусочек мяса лежал на железном «пятячке» и примёрз к нему намертво. За три с лишним часа ходьбы Ромка изрядно пропотел в своей тёплой брезентовой куртке. Очки сегодня он в спешке не сменил и вышел в тундру в домашних, а они были лёгкие, держались на носу плохо, что называется, скользили постоянно вниз... Он регулярно поправлял их, пододвигая пальцем в мост на переносице, но через минуты очки упрямо сползали.

Осмотрев капкан, он вытащил нож, решив проверить – не подмёрзло ли устройство? Мало ли? Подмёрзнет и не срабо-

тает. Ромка ножом ткнул в приманку, капкан мгновенно хлопнул своими челюстями и зажал нож мёртвой хваткой. Ромка расправил его обратно, положил ещё один кусочек мяса на «пятячок», как-то бережно положил капкан в углубление в снегу, легко рукой стал присыпать свою ловушку снегом, в голове промелькнуло – а устройство-то зверское, мучиться зверь будет... метаться... Едва эта мысль посетила впервые его голову, как оправа очков вновь скользнула вниз по носу, Ромка не успел её поправить... очки слетели с лица, перевернулись заушниками вниз и упали ровно на «пятячок» капкана... Ловушка сработала быстро, хватко и чётко – челюсти с металлическим лязгом щёлкнули, во все стороны полетели брызги стекла...

Первое мгновение, когда вместо окружающего пространства появился «белый туман», когда вместо того же капкана на снегу мутно затемнело какое-то пятно, Ромка ничего не понимал. После поднял голову, глянул по сторонам и ничего не увидел. Точнее, он увидел. Увидел тот же туман вокруг. Даже кустов, что находились вот здесь, рядом, метрах в трёхстах, вот здесь... нет, не здесь, там... или здесь? Так их нет – ни здесь, ни там... Так. Кусты находились по левую руку – там. Или?.. Или здесь? Может, сходить, глянуть? Зачем? Он зажмурил глаза, открыл, вновь зажмурил, опять открыл – картинка не изменилась, вокруг была белая мгла. Ни горизонта, ни кустов, ни даже антенны городской телевышки, что находилась километрах в десяти отсюда и здесь, в низине, была видна даже в пасмурный день из-за тундрового подъёма – ничего видно не было. Молоко. В один миг Ромка остался слепым. Привычно полез рукой на пояс к сотовому телефону – а нет на поясе сотового телефона, дома оставил, потому как батарейка села ночью, заряжать – времени не было. Решил, что и так обойдётся. Обошлось? Да и потом, он никогда ещё не проверял – берёт ли здесь сотовый. Здесь очень глубокая низина, вполне возможно, что и не «берёт» телефон... Зачем он себя сейчас успокаивает? Зачем? Не взял телефон, всё равно – идиот безмозглый.

Глупо, бесполезно он разжал, почти механически, створки капкана, вытащил зажатую, треснутую в двух местах пластмассовую оправу. Поднёс к глазам почти вплотную – стёкол не было, лишь в одном месте торчал осколок треугольной формы. Ромка повертел оправу в руках, не понимая, что делать. После сунул её в карман куртки, пошарил пальцами по снегу, нашёл ещё один осколок стекла покрупнее, приложил к глазу... Осколок крутанулся в пальцах и уколол его, Ромка рукой тряхнул, тут же на подушке большого пальца показалась кровь, сам же осколок выпал в снег и тут же исчез. Ромка наклонился к снегу вплотную, со стороны было похоже, что он снег нюхал. Руками он осторожно водил по снегу, пытаясь всё же нащупать какой-нибудь кусочек спасительного стекла покрупнее, но осколков покрупнее не было. Челюсти самого хищного, безжалостного и чудовищного орудия лова зверей очень точно поймали его очки в свою пасть и раздробили стёкла в порошок. Капкан поймал его сам и безжалостно оставил беспомощного посреди тундры... бескрайной тундры... того самого «белого безмолвия»... Город был рядом, километров пятнадцать отсюда. Куда вот идти? Молоко. Солнца нет, ориентиров нет, даже ветра нет, чтобы запомнить хоть примерное направление.

Ромка сел на колени. Тупо, бессмысленно, невидяще смотрел в снег. Мысли вообще отсутствовали. Он впервые за свою очень короткую, молодую жизнь не знал, что сейчас делать. Дома этих очков у него... оправ пять или шесть в запасе валяются... Дома. Дома. Дома. Здесь-то что делать? Ромка поднялся на ноги, достал из рюкзака за спиной термос с чаем, выпил пару глотков, спрятал обратно, поправил ружьё на плече, оглянулся вокруг – молоко. Туман. Белая взвесь. Он зажмурил глаза, открыл – ничего. Зачем жмурился? Глупость какая. Что делать? Он вновь оглянулся вокруг – пустота. И тишина в тундре вдруг стала какая-то неземная, словно вымерло всё

рядом. Ни ветерка, ни куропачьего треска, ни клёкота канюка тебе сверху... ничего нет.

– Домой идём, – сказал он себе так, словно приказал другому, кому-то другому, который уже так испугался, что и двинуться с места сил нет.

Снег закрипел под лыжами уверенно, как всегда. Снег скрипел под лыжами, как ободряя – не всё так плохо, идти можешь, значит, дойдёшь. Ромка глянул вперёд – а куда дойдёшь? Куда идти? Так. Стоп! Капкан стоял здесь, за спиной, он пришёл оттуда... он перед этим местом пересёк длинную вереницу кустов в распадке, там летом течёт бурный ручей, тальник высокий растёт, до самой весны его не замечает. Он дойдёт до этого тальника и тогда, надо будет идти ровно вверх по тундровому подъёму, а когда он выйдет на него, то, вполне возможно, увидит впереди тёмную дымку от города. От городских труб по всему горизонту тянется тёмная полоса дыма... но это же с нормальным зрением, это же, когда видно всё... увидит ли он сейчас эту дымку? Хоть бы просто тёмную полосу увидеть, хоть бы что увидеть!

Он шёл, словно был в какой-то пустоте, словно и не шёл вовсе, а двигал ногами на одном месте, а тундра под ним крутилась во все стороны и конца и края ей не было и быть не могло. «Север крайний – он бескрайний...».

Через час Ромка понял, что идёт не в ту сторону, что идёт не домой, а неизвестно куда. Вереницы кустов не появилось, тундрового подъёма не было, он шёл по ровной местности, куда-то в другую сторону от города. В какую? Куда ещё можно было выйти здесь? Если на восток, то можно было попасть на дорогу ведущую в дальний посёлок... если на восток... а он куда идёт? Так... на дорогу? На дорогу – это уже к людям. Там хоть раз в сутки, но пройдёт машина, там... а куда это здесь – на восток? Где солнце? Солнце в декабре на юге находится. Нет солнца. Сплошная одна большая серая туча величиной с небо. И ветра нет... ветра нет... по ветру он бы запомнил движение, по ветру... Куда идёт?

Прошло ещё с полчаса, и Ромка заметил, что вокруг начинает очень уверенно смеркаться. День уходил. Снег мерк, темнел, вначале стал отдавать лёгкой синевой, потом начал сереть... Ромка инстинктивно ускорил ход. Ноги его суетливо побежали вперёд, словно хотели догнать день... А куда побежали? Ромка остановился. Куда он бежит? Вокруг уже полная мгла. Сейчас пройдёт ещё с полчаса времени, и снег да небо полностью исчезнут. Останется этот тёмный туман вокруг.

Через полчаса небо и снег полностью исчезли. Совсем исчезли... на тундру опустилась ночь. Где-то за тяжёлыми тучами явно шла луна. Полная, яркая луна. Это Ромка понял сразу, потому как даже при самой сильной облачности зимой в тундре полной темноты не бывает. Хоть какой свет, но пробивается сквозь эту пелену мрака, а снег, он такой, он как глаза кошки, от него даже свет далёких звёзд отражается.

Ромка поднёс руку с часами вплотную к глазам – четырнадцать часов дня. Ночь. Тихо. Ни ветра, ни свиста, ни крика, ни голоса, ничего. Мёртво. Как перед глазами ничего, так и вокруг ничего. Что ж делать? Идти ночью? Точнее, не ночью, а в ночи... в темноте полной? Куда?..

Ромка остановился, сел на снег, снял рюкзак, открыл его и стал смотреть, что там есть и что могло сейчас хоть как-то пригодиться. Спички, зажигалка, сухой спирт, тормозок с салом, термос, фляжка с коньяком (брал больше для форса, нежели для дела, никогда на охоте не пил), аптечка... кстати, есть таблетки с кофеином, говорят, могут выручить, если совсем усталость одолеет. Ромка снял ружьё, переломил стволы, достал патроны с мелкой дробью на куропатку, зарядил картечью... зачем? Он же не видит перед собой дальше полуметра! Стрелять в кого? В волков? Идиотизм, они зарежут раньше, нежели успешь руку поднять... но здесь волки не ходят, здесь мест пу-

стынное, а им же есть надо... здесь им зимой есть нечего, здесь нет волков... а кто есть? Липкий страх сковал немного сознание, Ромка поднялся на ноги – надо идти, если так сидеть и ждать неизвестно кого, можно с ума тронуться... надо идти. Он всё же снял курки ружья с предохранителя, повесил его на плечо, стволами вниз, поправил за спиной рюкзак, вытащил фляжку с коньяком, открыл твёрдой рукой, отпил несколько глотков, грамм сто... поморщился, сказал громко:

– Вкусно. Вперёд!

И пошёл вперёд. А может, и назад. Он не знал. Если начнётся тундровый подъём, значит, идёт правильно. Перед городом подъём, потом долгая двухчасовая дорога вниз. А перед подъёмом кусты, длинная вереница, метров на пятьсот. Но ни кустов, ни подъёма не было. Когда он в следующий раз глянул на часы, было уже пятнадцать часов дня в ночи. Темнота сгустилась полностью. Но ни огонька нигде, ни светлячка какого. Сколько бы он сейчас отдал хоть за какой ориентир! В голове впервые качнулась мысль: где-то надо ночевать. Хоть где-то. А где ночевать, если вокруг никакого тебе не то что дерева, куста, бугорка, а и просто кочки, возле которой приткнуться можно, да засидку в снегу выкопать?

Ромка снял лыжи, пробил ногами ямку под ноги, сел на лыжи, достал из рюкзака сухой спирт. Как обычно, он взял его много, полсотни таблеток. Спирт – груз лёгкий, а в случае чего грел неплохо. Не раз Ромка уже мог убедиться, что одна таблетка вполне может спасти обмороженные руки. Причём греть руки можно было на ходу. Поджигаешь таблетку спирта, кладёшь её на поддон небольшой алюминиевой печки, в виде крошечной «буржуйки» с алюминиевым стаканом внутри для кипячения пол-литра чая, и прямо так с печкой и идёшь, в руках её держа.

Сейчас Ромка поставил эту «печку» на снег, в «стакан» снега засыпал, пару таблеток поджёл и стал смотреть на огонёк за дырочками в лотке печки. Смотреть больше было не на что. Всё остальное меркло в темноте и тумане при отсутствии зрения. Тишина вокруг была мёртвая. Темнота мёртвая, тишина мёртвая... Каждое движение Ромки отдавалось какими-то посторонними звуками извне. Ромка оборачивался, шурился изо всех сил, но ничего не видел. Чай согрелся быстро, он заварил покрепче, решив, что лучше ему не спать, а просто сидеть и ждать рассвета... сколько ждать? Сейчас уже было шестнадцать часов дня, светать начнёт в восемь утра... шестнадцать часов ожидания. В полной темноте, в полной слепоте.

Глупо, конечно, было не взять с собой сотовый телефон. Хоть зарядить полчаса да выключить, а включить, когда уже и в самом деле понадобится. Впрочем, Ромка здесь серьёзно задумался, а стал бы он сейчас, к примеру, звонить... куда звонить? В службу спасения? Смешно. Ни за что бы не стал. На смех бы подняли. Пошёл парень снимать капкан да угодил в него сам! Да как!.. Очки с носа слетели и ровно в дребезги! Нет, не стал бы звонить. Положение и глупое, и не лёгкое, но звонить, просить помощи – ещё глупее. Ночь пересидит, а там посмотрим. Выйдем куда-нибудь. В конце концов, он не в открытой тундре, в трёх сторонах из четырёх – или город, или дорога, или посёлок дальний. Самое ближнее километров десять-пятнадцать будет, это всего-то три часа ходьбы. Хорошо бы ещё знать: в какую сторону ходьбы?.. Нет, звонить ни в какое МЧС он бы всё равно не стал. Может, это и глупо звучит, но стыдно как-то и уж тем более – не по-мужски. Тоже мне – ох-хотник!

В своё время Ромка очень многое прочёл из того же Джека Лондона, о «белом безмолвии». Читалось всегда хорошо, под торшером, в уютном кресле, со стаканом горячего чая рядом, переживалось за героев, представлялось: как бы он?.. А как бы он? Вот он сейчас и-и «как бы»... Есть у Джека Лондона такой рассказ, когда человек выходит один в маршрут, минус шестьдесят по Фаренгейту, по Цельсию это где-то пятьдесят

два... холодно. И человек это промочил ноги в ловушке ручья. Хотел костёр разжечь да не смог, так и замёрз... Мораль такая – не ходи в маршрут в одиночку. Друг бы разжёл ему костёр и человек остался жив. Конечно, с его положением сейчас такой случай сравнивать глупо, но всё же – был бы рядом друг, он бы просто вывел его из тундры, из темноты, из слепоты. Но друга не было, все друзья как-то были годны к службе в армии и сейчас отдавали свой долг Родине.

Вода закипела быстро, прямо в колбу Ромка бросил два пакета чая, сахара несколько ложек, достал колбу и, держа её в перчатках, обжигаясь, стал пить. Холодно не было, но Ромка знал по опыту своему небольшому, что человек после ходьбы остывает очень быстро, оглянуться не успеешь. Полчаса посидишь на снегу – и замёрз. Поэтому лишнее тепло лишним не будет.

Через час его пробрал первый озноб. Ромка поднялся на ноги, беспомощно, в который раз, оглянулся в темноте, надел лыжи и пошёл... Куда? Куда-то вперёд. Правда, он сейчас не знал, где этот перёд, но на всякий случай пошёл не в ту сторону, в которую шёл до сих пор, а совершенно в другую. Может, так выйдет на подъём перед городом. Ему лишь бы оказаться наверху, лишь бы выйти из балки, освещённый огнями город он всё равно увидит, увидит просто свет... о, боже мой! Сейчас бы свет! Тучи висят так низко, тучи столь тяжёлые и тёмные, что даже света города не отражают. Но если выйти на подъём! Город раскинется перед ним сразу во весь горизонт одним облаком туманного света, и тогда он пойдёт просто на этот туман света... А если не раскинется? Если он даже этот туман света не сможет увидеть?.. Страх ударил ещё раз, ударил вновь больно, и Ромка опять ускорил шаг. Он бодро двинулся в обратном направлении, совершенно не предполагая, что два часа назад ушёл от города на несколько километров назад, а теперь идёт просто вдоль, идёт просто параллельно подъёму и городу за ним, куда-то вглубь тундры, в то самое белое безмолвие, где человеку в одиночку очень часто с природой не справиться.

Сколько шёл, Ромка не считал. Просто шёл в темноте ночи, переставлял лыжи, вначале считал шаги, потом перестал, потом стал смотреть перед собой, в надежде хоть что-то увидеть обнадёживающее.

– Черноты ночи в тундре не бывает, – шептал он себе, – снег отражает всё. Снег отражает всё. Ночи нет как таковой... если город рядом, то видно всё, что впереди тебя делается, всё на ярком фоне городских огней. Я должен увидеть огни, как только поднимусь на этот подъём, как только выйду на подъём, я увижу мириады огней, расплывшихся в одно облако, мириады огней... а не эту серую мглу.

Часам к семи вечера Ромка стал уставать. Ноги слегка подрагивали, дыхание, хоть и было ровным, но клубы пара вырывались наружу из-под куртки, оседали инеем на ресницах, бровях. Мороз был небольшим, градусов до двадцати, ветра почти не было... ах, если бы был ветер! Если бы постоянно дул ветер, Ромка тогда, по крайней мере, мог ровно идти в одну и ту же сторону. А так... так он постоянно сбивался и не понимал уже совсем, куда идёт. Он читал, что в джунглях человек может выйти по прямой, только если будет ставить на расстоянии шесты и, выравнивая их в линию, так идти... И вообще, а надо ли в такой ситуации куда-то идти?

В девять вечера он упал на снег и лежал минут десять, не двигаясь, стараясь контролировать себя, чтобы не подмёрзнуть на снегу. Потом вновь сел на лыжи, достал из рюкзака тормозок, съел его в один присест, или за один укус, выпил ровно глоток коньяка и, отломив от шоколадной плитки половину, закусил. Шоколад ему всегда давала с собой мать, говоря, что лучших калорий в тундре не найти. Смешно. Это всегда казалось ему смешным – сладкое на охоту! Но после шоколада он и в самом деле почувствовал себя лучше, бодрее и пошёл веселее... куда?

Если бы Ромка мог взлететь вверх как мохноногий канюк и

осмотреться вокруг, то увидел бы, что он благополучно прошёл ровно между далёким уже городом и одинокой шахтой на восточной стороне Северска и вышел в самую настоящую открытую тундру, где впереди нет ничего, кроме заснеженного пространства.

В одиннадцать часов ночи он свалился на снег и лежал так долго, недвижимо, пока тело не стал пробирать озноб. Тогда встал, посмотрел невидящим взором перед собой, посмотрел слепыми глазами перед собой, посмотрел в небо, вокруг, назад, по сторонам... внезапно резко повернулся вправо и пошёл совсем в другом направлении. Хотелось пить, очень сильно хотелось пить, но пить было нельзя, горячего не было, а от коньяка начиналось лёгкое похмелье. Похмелье сейчас совсем ни к чему.

К полуночи стало казаться, что кто-то идёт рядом с ним и постоянно что-то советует. Советует тихо, словно шепчет: не туда идёшь, не туда... иди обратно, там город, вон там... иди туда. Ромка пару раз оборачивался, но никого не видел, от неизвестности и какой-то неведомости ситуации у него запульсировало в голове. Голос стал настойчивее, ему даже показалось, что он кого-то увидел рядом... здесь вот, справа... Ромка резко повернулся, но никого не увидел, тогда громко сказал в пустоту ночи:

– Хорошо! Я пойду туда!!

Постоял, посмотрел «туда». Потом резко сбросил рюкзак, достал фляжку с коньяком, потряс перед ухом – там плескалось хорошо, значит ещё много, больше половины. Он отпил хорошую порцию. Голова сразу просветлела, сознание укрепилось, сам себе сказал – глюки, держись, ты сильнее. Голос пропал, рядом шедший невидимый пропал, осталась только ночь, темнота, слепота и снег, холодный, тёмный снег повсюду. В девять утра начнёт светать, надо продержаться до девяти, – подумалось ему, – когда рассветёт, легче будет идти, не так... не так страшно. Надо коньяк растянуть на девять часов. Как? По пятьдесят грамм каждые два часа? Может быть.

Где же подъём? Где этот тундровый подъём? Ничего не видно, ничего. Темень. Темень даже в сознание пробирается. Пробирается, селится там и держит его сознание в страхе. Темень.

Отчего-то вспомнился старый фильм о войне с фашизмом, фильм назывался «Операция Хольцауге». Или нет? Как-то не так. Или так? Там главный герой на время заболел «куриной слепотой», потерял зрение и должен был ещё и вести с собой пленного фашиста... ему, наверно, было ещё тяжелее? Что уж тут жаловаться? Иди себе и иди. Ты же не ведёшь с собой пленного фашиста! Сколько времени? Он поднёс руку с часами вплотную к глазам, на расстоянии сантиметров десяти, дальше не читалось, глянул – ого!.. Час ночи! Час прошёл – не заметил. Куда прошёл? Боже мо-ой куда же он прошёл? Нет подъёма тундрового, нет жизни ему, нет ему спасения без этого подъёма. В другой стороне, где стоит далёкая шахта на восточной стороне, он и не знает ничего... Впрочем, зачем ему знать? Выйти бы ровно на шахту!.. На любую территорию. Сколько раз здесь, или не здесь? Сколько раз ходил, сколько раз видел всегда вдали вездеходы... даже с охотниками встречался несколько раз... вот сейчас бы!.. Хотя бы один человек! Один чужой человек, просто человек, любой, любой человек, одно слово, один жест, рукой махни!.. Куда идти? Он бы дошёл куда угодно, лишь бы знать, что правильно идёт.

В два часа ночи Ромка упал. Упал и не двинулся. Даже рюкзак стащить с себя и достать фляжку – сил не было. Так он пролежал неизвестно сколько. Замёрз. Глаза закрывались, он смотрел перед собой на рукав куртки и видел, что снег стал припорошивать обшлаг... Снегом заносит? Ромка дёрнулся с силой вверх, сел на колени – пусто вокруг, темно, слепо.

Встряхнулся, глянул на часы, достал фляжку, сделал глоток – пить нельзя же!.. В таких ситуациях пить нельзя, он знал, он читал, ему говорили, но он же не пьёт, он только поддерживает себя! Ромка не заметил, как уснул сидя на коленях, уснул и повалился лицом в снег, просто лёгкое похмелье спровоцировало слабость... слабость, помноженная на неизвестность, сработала простым отключением сознания. Он ничего не увидел во сне, кто-то рывкнул рядом: ты в тундре! Ромка очнулся, поднялся, постоял, пошатался, глянул на часы – он спал восемь минут... это много. Пошатываясь, он опять повернул в сторону, уже не соображая, в какую, и пошёл наугад дальше. В этот раз путь его лёг ровно на восток... если бы Ромка сделал небольшое движение ещё дальше в сторону, то вышел бы ровно на шахту, через несколько часов... там много огней у шахты, он бы увидел эти мутные, расплывчатые точки огней и вышел бы на шахту, но Ромка не сделал этого лишнего движения и пошёл обратно, подъём остался далеко-далеко в стороне, шахта в другой стороне, Ромка пошёл вновь в открытую тундру.

Зачем он поставил этот капкан? Зачем ему вообще капкан? Он что – траппер? Добытчик пушнины? Он же на охоту ходит не для пропитания, а для удовольствия... удовольствие убивать птиц и зверей... как-то сомнительное удовольствие. Тогда он просто ходит на охоту, чтобы воспитать себя, воспитать в себе мужчину, знать, что такое оружие, раз его не берут в армию, он должен сам постичь эту часть мужской жизни... зачем? Хорошо хоть никакого зверя ещё не убил, только куропаток стрелял да уток осенью. А как убьёт, так и жалко сразу. Ну да, птичку жалко, сказать кому – засмеют!

Зачем он поставил этот капкан? Получается, поставил капкан для себя. Себе поставил капкан. Не рой яму другому, даже зверю, всё отыграется. Сколько бы мучился тот же песец, пока бы сидел в этом капкане? Также вот бы мучился, изворачивался, кусал бы железо, но уйти не смог бы... Он сейчас тоже кусает сам себя, изворачивается, а уйти из тундры не может... тундра держит... собаку! Зачем же он поставил капкан? Если бы зверь попался?.. Он бы как? Подошёл бы к капкану и пристрелил беднягу? Вот так – расстрелял бы несчастного, привязанного этими челюстями зверя?.. Расстрелял бы? Нет? Тогда зачем он ставил этот капкан?.. Зачем?

– Себе ты ставил капкан! – сказал кто-то рядом громко и отчётливо.

Ромка вздрогнул, остановился, озирился вокруг слепо и глупо, ружьё стащил в момент, стволы заходили по сторонам также слепо и глупо. Вокруг было пусто. Темно. Холодно.

Ромка, дрожа, достал фляжку, отпил приличный глоток... кажется, раньше положенного? Ну ничего, раньше. Пусть будет раньше. Кто сказал-то? Кто? Кто здесь?.. Он не мог остановиться, оборачивался, всматривался в темень, ничего, никого. А кто тут мог быть? Если бы кто-то был, так подсказал бы, в какую сторону идти. А здесь никого. Никого. Самое страшное – когда никого, а кто-то, кажется, есть! Коньяка? Не много ли? Пока голова тёплая, просто мысли дурные. Вперёд! Идём! Не сдаваться! Это такая проверка! Это проверка, как в армии... просто проверка, если будешь сопротивляться – не сдохнешь!

Зачем он ставил капкан? Кому он ставил капкан? Для чего? Кого он проверял? Кого воспитывал? Себя? Себя добротой и отзывчивостью надо воспитывать, а не капканом на зверей! Где же город? Где же шахта? Нет, на шахту выйти невозможно, огней мало – не увижу их просто. Выходить надо на город... как выходить? Куда выходить? Может, вновь повернуть наугад и пойти вновь в другую сторону?..

Боже мой... зачем же он ставил капкан? Когда же утро? Где этот свет, где рассвет? Если бы вдруг тучи стянуло в сторону и показались звёзды!.. Он бы не увидел звёзды, это уже проверено. Может, луну? Луну бы увидел... как по луне выйти в го-

род? Зачем я всё это думаю, если луны нет и не будет? Луна, как и солнце, идёт южной стороной... Надо же о чём-то думать, чтобы голосов не слышать посторонних! Интересно, а если глаза закрыть? Он также пойдёт, с таким же успехом? Если глаза закрыть... закрыть... а что, если они открытые – что-то меняется? Меняется. Когда глаза открытые, у него есть ощущение окружающего пространства, у него есть ближний круг видимости действий, например, посмотреть на часы, выпить коньяку, среда обитания вокруг... снег... снег, а коньяку? Может, ещё коньяку? Он ещё никогда не пил так много, за одну ночь, он никогда вообще не пил много, этого было не надо. Боже мой, у него же дома родители? Вот интересно, там что? Объявили поиски? Где, в каком направлении? Он никогда не говорил, в какую сторону ходит охотиться. Он никогда вообще не говорил на эту тему, как-то всё было чисто и гладко всегда. Родители даже не знают, где меня искать! Какой я дурак! Зачем я купил этот капкан? Будь проклят тот момент, когда я решил купить этот капкан, будь проклят тот миг, когда мне пришла в голову эта мысль – ловить зверя на капкан! Будь проклят...

К трём часам ночи он впервые почувствовал, что ноги устали и передвигаются не так, как обычно: чтобы сделать шаг, надо было сделать усилие. Наверное, это и есть – еле-еле ноги волочит. Кто это сказал? Где-то прочитал? Джек Лондон? Нет. Это никто не сказал, это так... поговорка. Ромка вспомнил, как нарочито небрежно после охоты отвечал матери или отцу на вопрос: что убил?.. – ноги. Вот сейчас он действительно убил ноги. Как же идти тяжело. Может, надо сесть и отдохнуть? А как станет засыпать? А как заснёт? А как... Когда человек замерзает, то перед гибелью ему становится на самом лютном морозе ужасно жарко. Человек начинает стягивать с себя одежду, всю... ужасный обман организма... человек замерзает от холода и раздевается до гола... смешно и горько... сколько таких историй он уже слышал... пришёл его черёд? Боже мой, что за слова – пришёл черёд? Что ж ты болтаешь? Что ж ты... или это не я?.. Тогда кто? Опять кто-то рядом идёт? Опять кто-то... надо выпить коньяку.

Ромка стянул с себя рюкзак, достал фляжку, отпил пару глотков, доел весь шоколад горький. Постоял, тупо смотря себе под ноги, и, не видя даже своих лыж, а видя лишь расплывчатые две доски светло-жёлтого цвета, которые в ночи на бело-чёрном снегу виделись как одно мутное-серое пятно... А вообще – он ещё жив? Может, это уже то, что материалисты называют – последний всплеск работы головного мозга? А он кто? Материалист? Нет? Нет, конечно, он же в церковь с отцом ходил. А может, надо богу помолиться? А как? Как молиться богу? Как молиться, когда это надо?! Ромка встряхнулся, набрал в лёгкие воздуха и изо всех сил громко заорал... Просто заорал. Без слов. Тундра проглотила этот вопль. Снег не отразился эхом, воздух морозный не раскрошился отголосками, тяжёлые, чёрные, низкие тучи сожрали звук сверху, и тундра вновь впала в безмолвие. Крикнул, словно голову в аквариум опустил.

Зачем? Он? Купил? Капкан?..

К утру мороз стал усиливаться. Иней на ресницах просто стал мохнатым. Ромка определил температуру в минус тридцать. Он ошибался: воздух уже индевел в минус тридцать восемь. Очень простая климатическая арифметика: днём двадцать, ночью сорок.

– Я дойду до города, – сказал он вслух громко и отчётливо, даже удивившись, что сил для этого вполне достаточно, – я дойду до города в любом случае. Надо просто разобраться, куда идти. Стоп.

Ромка остановился. От неожиданности для себя чуть не упал лицом вниз. Но удержался, покачался немного и устоял.

– Стоп, – повторил он, чувствуя, что стоять ещё труднее,

чем идти, ноги стали тут же предательски дрожать, в коленках как-то неуправляемо подгибалось. – Где бы я ни находился, – проговорил он громко, громко для себя, – в любом случае – в одной стороне у меня город... в другой стороне на восток... у меня шахта... шахта – место небольшое, но... но там ведь есть железная дорога?..

Мозг как игла пронзил – он совсем забыл, что на шахту идёт железная дорога! И дорога эта пересекает очень большую площадь тундры, потому получается, если он... значит, он идёт до сих пор просто параллельно и городу, и шахте с этой железной дорогой?.. Глупо как.

Ромка вновь повернулся... ровно на девяносто градусов. Лыжи переставил под прямым углом и, глянув вперёд да ничего не углядев, пошёл... Теперь он точно выйдет, теперь он выйдет. Если на город повернул – вначале будет подъём, потом будет россыпь света, россыпь света... а если на шахту? Тогда выйдет на железную дорогу... Так. Но там ведь сегодня, в наше дурацкое демократическое время, когда всё закрывается, по этой железной дороге поезда ходят один раз в неделю!! А, ничего. По дороге он выйдет на шахту.

Очень бодро, словно сил прибавилось, Ромка пошёл вперёд. Уверенно, словно видел перед собой ориентир. По дороге, не останавливаясь, вновь залез в рюкзак, вновь приложился к фляжке... приложился так, что допил весь коньяк до конца. Вначале здорово подогрело и дало силы, даже спать расхотелось, даже иней на ресницах не мешал моргать глазами... даже... даже... Он шёл. Он шёл и никого рядом с собой не видел, никого рядом с собой не слышал. Это Ромка расценил как некоторое выздоровление. От чего? От страха. От страха... он и слова такого особенно в жизни своей не употреблял. Откуда этот страх взялся сегодня? Неужели состояние полной слепоты может так разрушать сознание, что человек начинает испытывать страх... ну да, подумалось ему и вспомнилось то состояние, которое им овладело, когда всё случилось – полная безысходность. В один миг – стена, пропасть, мрак, пустота. Жизни нет. А как жить, когда не видишь ничего, и от потери зрения, резкости этой даже голова начинает кружиться... если бы не коньяк, так кто его знает... алкоголь – штука плохая, но иногда держит неплохо.

Зачем он купил капкан?..

Нет. Не так... что ты заладил? Купил да купил! С чего ты решил, что можешь издеваться над животным, ловя его на капкан?.. Кто тебе право дал, кто разрешил, а? Ты – высокоорганизованная материя!.. Захотелось ощущений за счёт страданий животного? Вот и поделом. Господи... – Ромка даже шаг сбавил от неожиданности мысли – а что если это всё – наказание ему за этот поступок... проступок перед Богом? Он же сам говорил, что в церковь ходил, что не материалист, значит... значит, Господь ему наказание даёт?.. Или как там? Он задрал глупую мордашку кверху и громко крикнул в тучи:

– Я всё понял! Я всё понял!! Отпусти? Отпусти домой?..

Неизвестно каким образом, но Ромка услышал каждое своё слово, крикнутое в небо. Потом криво усмехнулся, погрозил туда же пальцем и сказал, как определил:

– А-а... я понял... я не сдамся... нет.

Твердя эту мысль, повторяя каждое слово, как заклинание, он побрёл дальше. Мысль эта – не сдаваться ни при каких обстоятельствах – вначале помогала идти, потом стала надоедать и сидеть в его голове гвоздём, это выматывало нервы, вместе с нервами выматывало силы. Иногда он поднимал голову и слепо всматривался вдаль... глупо так... как щенок слепой... больше на запах ориентируясь... Вдруг ему показалось, что стало вокруг как светлее. Ромка обрадованно подтянул руку к глазам – шесть утра, до рассвета ещё три часа. Он сплюнул, сказал матерно, потом вновь сказал матерно, потом ещё... так шёл и матерился себе под нос. Он шёл так медленно, что «знаменитые» и всем известные пять километров в час, остались лишь в голове. Хорошо, если у него выходил километр в час, хорошо, если этот

километр был в верном направлении, хорошо, если этот километр пролегал по более-менее ровной местности, где не приходилось поднимать ноги на барханах снега, где ещё не улёгся хороший наст, хорошо, если ноги просто скользили, а точнее, плелись по снегу.

Он вспоминал: что у него осталось в рюкзаке от съестного? Осталось немного, может, бутерброд ещё? Может. А разве он его не съел? Может, посмотреть? Но посмотреть, это же остановиться, снять рюкзак, расшнуровать его, залезть в него рукой... что я говорю? Нет сил останавливаться, нет сил снимать рюкзак, вот и всё. Да и потом – есть он не хочет, это всё обман... действие алкоголя... калорий у него достаточно, просто мышцы сдохли... просто судорога начинает уже хватать за икры и бёдра... просто человек не машина, живёт тогда, когда есть возможность отдохнуть... просто жизнь закончилась. Вот именно так ему на роду написано закончить жизнь. Сдохнуть в тундре, куда он ходил, чтобы закалить себя, чтобы стать сильным, чтобы доказать себе, да и всем окружающим, что может... а что он может? Зверям капканы ставить? Стрелять в них? Урод. Здесь его вдруг охватил истерический смех, смех был ни о чём, ни про что, ни за что. Просто смех. Он вспомнил, как уроды-генералы, выходя на охоту на кабана в лесу, берут с собой профессионального снайпера, чтобы тот, в случае чего, застрелил кабана, когда генерал-урод промахнётся и зверь бросится на него. Вот же уроды! А ещё с вертолётов, да?.. Ох, и уроды! А ещё... ещё эти... сразу выбросила память телевизионную картинку... которые в Африке охотятся на львов и буйволов... наши новенькие уроды-штопанные из нуворишей-миллионеров... тоже с прикрытием, а потом хвастают здесь, в России, я вот застрелил в Африке... ох, Господи!! Он вскинул лицо в небо:

– Господи!! А их почему не учишь? Их – почему?! Они же уроды ещё больше?..

Он шёл и шёл, уже не зная, зачем идёт дальше, не всё ли равно, где, в какой точке этого бескрайнего снега сдохнуть? Но он шёл, шёл, потом вновь смотрел на небо, говорил тихо:

– Капканы ставить не буду, даже убивать не буду, даже куropаток, а в тундру ходить буду... буду, буду, буду! Просто буду ходить, смотреть... не возьмёшь!

Родителям-то за что всё это? – вновь сдавалось сознание, родителям за что? Им ещё хуже, чем мне, мне-то что – ну сдох... сдох... как сдох?.. Говорят, когда человек замерзает на снегу и его зимой не находят, то песцы обязательно обгрызут ему лицо, это откуда? Это Олег Куваев описывал в романе... как роман называется? Не помню. Там был герой Васька. Нет? Не Васька? Его задавило стадо оленей, его нашли и кто-то сказал – хорошо, что песцы не успели обгрызть лицо... Интересно, девушки, когда носят песцовые воротники, знают, что хозяин их жрёт падаль? Лица погибшим людям обгрызает?.. Так вот, когда человек замерзает зимой и его не находят сразу, а находят весной или летом... человек лежит на высоком снежном грибе... потому что под человеком снег не тает почти. Потому что вокруг тает, а под ним не тает, вот и получается – в открытой тундре летом стоит столб снег метра полтора-два высотой, а на нём человек... мерзко, правда? И ещё, если лица нет, песцы постарались... твари, тогда совсем. Зачем он купил капкан?..

В магазине охотсоюза продавались сигнальные патроны, подобие салюта какого, сигнальных ракет. Почему тогда не купил? Денег пожалел? Думал, что не пригодятся? А интересно – пригодились бы сейчас? К примеру, у него были бы сигнальные патроны? Ну, выстрелил бы? Ну, увидел бы кто? Откуда увидел? Он, похоже, в балке какой ходит, в низине, ну выскочит из-за горизонта огонёк на секунду-другую, кто в городе заметит? А если и заметит, то... я бы что подумал? Подумал бы, что какие-то ребята развлекаются, чудят. Ну да, для сигнала обстановка нужна, когда все на стрёме, когда все в курсе, что человек пропал, и любая информация, любое происшествие в тундре, любое явление... Людей ищут через

три дня. Людей ищут через три дня. Тебя никто не ищет. Ох, и дурачье люди! Искать надо, пока жив, а не когда сдох! Или вы думаете, что человек ушёл в тундру и не вернулся в назначенное время, так он остался там с бабами погулять? Ох, и дурачье, люди!

Ромка упал. Упал и не поднялся, даже попытки не сделал. Лежал, дышал тяжело и только и пытался контролировать себя, свой воспалённый мозг, чтобы не уснуть. Дыхание било в снег и снег этот стал сразу оседать вниз, кристаллизироваться и таять на глазах. Ромка хрипнул горлом, согнул руку в локте и упёрся ей в снег, только здесь почувствовал, что пальцы у него холодные, можно сказать, что замёрзшие. Рукавицы не греют? Странно. Он, кряхтя во всю силу, поднялся на колени, вытащил ладонь, пожимал её посильнее, потом засунул в рукавицу и стал что есть силы бить обеими ладонками о колени, стараясь их таким образом разогреть. Так разогревали руки все старатели на Аляске. Так он читал у Джека Лондона. А если тот сам не знал, что писал? Но руки скоро стали немного отходить. Ромка поднялся на ноги и, сжимая ладони с силой, что осталась, пошёл дальше. Потом быстро снял обе рукавицы, как следует дунул туда дважды, одел – чуть теплее, кожаные рукавицы держали его дыхание, но ненадолго. Вновь стал сжимать и разжимать пальцы. Вновь показалось, что стало светлеть. Посмотрел на часы – стёклышко у часов запотело, циферблат видно было плохо, Ромка посмотрел сбоку – что-то около восьми утра... Значит, скоро день! Скоро рассвет! Боже мой, неужели будет свет в этой тундре? А что ему свет, если зрения нет? Что ему свет? А многое ему свет! Свет – это жизнь, когда светло, идти легче, и когда будет светло, он обязательно найдёт выход. А он сможет идти, когда будет свет? Может, уже ноги откажут? Обязательно сможет. В любом случае сможет, как только свет появится, он сможет идти даже быстрее. Ромка верил в это уже как-то истово

Когда небо обложено тучами, когда зимой солнце появляется лишь за горизонтом, не выходит на небо в полном своём величии и красоте, когда лучи его попадают на землю, только отражаясь от небесного свода, тогда и свет приходит к вам так незаметно, что видишь его, лишь когда очертания предметов вокруг вырисовываются перед тобой, или горизонт сам по себе выплывает далеко впереди бело-серой ниткой, границей между небом и землёй.

Ромка этого видеть не мог. Просто к девяти утра он заметил, что видит, едва видит желтизну своих лыж... Глаза миготнули вперёд. Вперёд! Но впереди была серая мгла. Рано. Он посмотрел на часы, сбоку, так, словно мог заглянуть под запотевший циферблат... что-то там около девяти?

Рассвет пришёл. Пришёл полный рассвет. Ночь закончилась. Свет пришёл ненадолго. На какие-то пару часов, не больше. Это всё вместе – рассвет, день и вечер – два часа, ну три – не больше. Потом опять ночь с двенадцати дня до девяти утра.

Ромка стал вглядываться вперёд, Ромка стал давить на глаза, жмуриться изо всех сил, так иногда получалось, что иногда на какое-то мгновение было хоть что-то видно... Но ничего не получалось. Глаза слипались. Ромка хотел повернуться вновь в какую-нибудь сторону и... изо всех оставшихся сил пойти, попробовать счастья в другой стороне. Повернуться сил не было. Перед ним была открытая тундра, в ней едва уловимой полоской темнело... темнели... а что там может темнеть? Вереница кустов? Ручей замёрзший? Тальник? Ручей может его вывести... куда? Ручей может вывести к речке. Возле шахты течёт небольшая речка Юнь-Яха. Тогда надо идти к ручью. А если это не ручей? Сил нет проверять. А что это? Спать хочется, так спать хочется, так в тепло хочется... Боже мой, как спать хочется! Сейчас бы упасть на снег, хоть на десять минут, хоть на пять минут, хоть на минуту. Просто полежать минуту. Он читал, что йог в позе трупа могут отдыхать десять минут и этот сон будет равен восьми часам обычного сна... Он не сможет спать в позе трупа десять минут, в позе трупа он может заснуть навсегда.

Неужели умираю? Зачем я купил капкан?..

Ромка стоял между выбором – сесть и отдохнуть... как отдохнуть, заснуть?.. Второе – идти. Куда идти? Вновь выбрать какую-нибудь сторону и вновь наугад? Глаза слипаются... глаза... боже, я сплю на ходу. Ромка зачерпнул рукавицей снега и протёр лицо... боже, боже, помоги, не забирай меня к себе, или куда там мне определено? Куда?

Снег таял на лице. Снег немного ободрил. Немного. Ромка вынул руку из рукавицы и протёр ладонью лицо, протёр так, что снег стоял на ресницах.

– Боже, боже, не покидай меня! – прошептал он старательно как мог, – Боже...

И здесь в мозг вошла стальная, холодная игла, вошла так, что в любой другой раз Ромка просто бы заорал от боли, но не сейчас. Сейчас он увидел то, что так сильно хотел, так сильно просил, так желал... Маленькая, крошечная, незаметная капелька снежной воды, стоявшая на ресницах под его рукой, осела на этих ресницах, сощуренных чуть ли не вплотную... маленькая капелька воды, осевшая на ресницах одного лишь глаза, сыграла роль линзы... это было мгновение, это была даже не секунда – миг, вспышка, взрыв в сознании... Маленькая капелька воды сыграла роль линзы, и Ромка увидел всё вокруг на этот миг! Он увидел перед собой огромное поле снега, огромное, бескрайнее поле снега, никакого города, никакой шахты, ничего, ничего... только серая полоса насыпи, только серая полоса железнодорожной насыпи!.. То, что он думал, были не кусты, это была железная дорога с шахты. Ромка взвыл на все окрестности и побежал на лыжах вперёд. Капелька воды давно исчезла, вновь была вокруг одна муть, вновь вокруг было лишь серое, белое, мутное пространство. Но сознание цепко держало картинку насыпи. Каких-то сто метров? Ромка пробежал их в двадцать секунд. Перед насыпью он упал, упал, потому что насыпь была крутая, подняться на лыжах не смог, сбросил лыжи, стал карабкаться вверх, выбрасывая ещё не припорошённые куски щепня из-под себя...

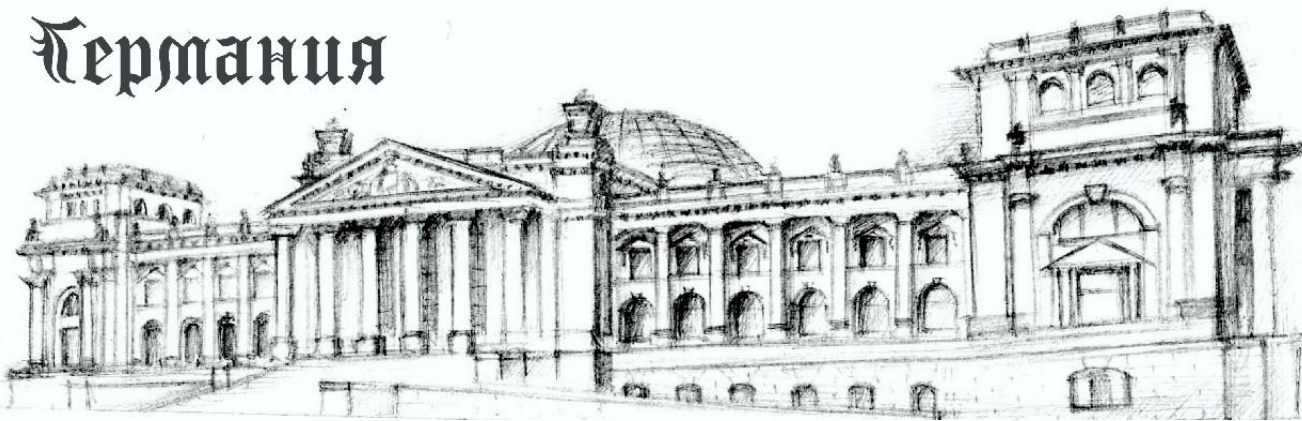
А вот и они! Вот – две стальные полосы рельс. Рельсы уехали вдаль в обе стороны. Куда? Никуда. Ромка упал на рельсы, пытаясь обхватить их руками, лицо его уткнулось в шпалы, пахнущие креозотом даже на лютom морозе, из глаз стали сами по себе капать слёзы, слёзы падали на шпалы, и там сразу темнело влагой, потом сразу леденело на холоде, потом опять темнело и опять... Ромка не понимал, что с ним происходит. Он даже забыл в этот миг, что поезда здесь ходят один раз в неделю. Конечно, поезда ходили чаще, но даже если один раз в день, то когда? Успеют? Даже если не успеют, никуда не уйду, никуда отсюда не уйду! Пойду по шпалам... пойду... сейчас пойду...

Ромка лежал на шпалах между рельс и ревел уже в голос, рыдания рвались наружу и вся окрестная тундра внимала его радости к жизни. Занимался день, просыпалась в тундре жизнь. Он даже не помнил, как уснул, он не помнил, как отключился... он не мог спать, он просто терял сознание, в бесконечном сне он слышал только одно, он слышал, что рельсы начали «стучать»... часто, быстро стучать. Так стучит на рельсах только небольшая дрезина или мотовоз, что возит рабочих-железнодорожников... так стучит спасение, так стучит, так поёт сама жизнь. А вот и ангелы... сколько их, двое? Ромка не видел лиц, он видел лишь замерший перед ним оранжевый тупомордый мотовоз. Мутный, большой, потому что остановился мотовоз в двух метрах от него. В двух метрах!.. В двух метрах от него!.. Потому и вижу, значит, люди, рядом... Чей-то голос крикнул:

– Живой? Хватай его!.. Под ноги давай, может, успеем...

Это не видение, мелькнуло у Ромки в смякшемся сознании, это люди... люди... маслом пахнет машинным кто-то... запах какой приятный!.. Зачем он купил капкан?.. Чтоб ты сдох... капкан!

Германия

Юрий Тубольцев

Родился 25 мая 1976 года. Известный современный поэт-неверифмист и минька-турист, писатель и публицист; член Западноевропейского отделения Союза писателей «Новый современник», Международного литературного клуба «ИнтерЛит», Международного союза писателей «Фракция Эпатажистов» и Сообщества Минькатуристов; лауреат Второго этапа Третьего международного конкурса «Вся королевская рать» литературного портала «Что хочет автор», главный редактор сетевого журнала «Речевые игры», яркий представитель современного сюрреализма и основатель течения абсурдософии в литературном авангардизме XXI века. Проживает в Германии (г. Регенсбург) и России (г. Москва).

Апогей минимализма

Обнулённый Коля и его желание

Коля никогда не стоял между двумя человека с одинаковыми человекоподобными именами. Он знал, что если вокруг тебя два человека с одинаковым именем – ты можешь придумать желание, для того что бы оно сбылось.

Коля обычно придумывал желание на нулевом километре, но они никогда не сбывались. А что, если на нулевом километре вокруг него будут стоять два человека с одним и тем же именем? Тогда его желание исполнится вдвойне!

Где бы найти двух человек с одинаковым именем и пригласить их на нулевой километр?

Коля уже давно лазил по социальным сетям в поисках таких двух человек, но ему никак не хватало смелости организовать встречу втроем. А желаний у него уже накопилось много, давно пора было их произнести про себя или вслух в ситуации когда они рано или поздно материализуются и не только в слова.

Он понял, что если задумает исполнение желания между двумя нулевыми километрами, то оно сбудется, но двух нулевых километров нет, потому что ноль один во вселенной.

И вдруг вчера Коля прошелся по улице и увидел двух безымянных такс и понял, что эти таксы и есть нулевые. Он загадал желание и сам превратился в безымянно-обнуленную таксу.

Но как теперь обратно стать человеком? Для этого, наверное, надо загадать это желание между двух Колей?

Вдруг Коля проснулся и решил больше не связываться с собаками, но они-то тут при чем?

Мои герои

Встретились два лирических героя и стали спорить, кто из них лиричнее.

– А давай спросим у самого автора? – предложил один герой.

– Мне автор не авторитет, я лучше знаю! – возразил второй герой.

Тут я не выдержал и вмешался.

– Вы оба нелиричны, я на вас схалтурил, – сказал я героям.

– А ты не наш автор, ты самозванец, – возразили мне лирические герои.

– Ах, Вы, самозванцы! Я Вас зачеркну! – пошутил я.

Но лирические герои, проигнорировав мои слова, пошли спрашивать, кто из них лиричнее, к памятнику Горького, но Горький оказался слишком реалистичен, чтобы разрулить такую столь нестандартную ситуацию, и направил их к Хармсу.

А Хармс их модернизировал до неузнаваемости, и теперь они показывают всему человечеству язык и говорят, что все относительно.

Как я познакомился с Достоевским

Я решил переманить Раскольникова у Достоевского...

– Давай ты будешь теперь моим героем, а то у меня творческий кризис! – деловито сказал я Раскольникову.

– А старухи у тебя есть? – также деловито спросил Раскольников у меня.

– Старухи? Нет, конечно. Зачем старухи? Давай я тебя познакомлю с молодыми ж.пастыми сиястыми девками, как раз для тебя.

– Мне нужны только старухи, у меня к ним социальный интерес, – мечтательно произнес Раскольников и, закатив глаза, щелкнул молодыми, крепкими зубами.

Я выдвинулся на улицу искать для него старуху, но попадались всё какие-то дурные и непонятные и всё просили у меня прибавку к пенсии в размере хотя бы трех баксов. Я зашел в секс-шоп и купил Раскольникову резиновую старушечку.

– Вот тебе самая что ни на есть безответная старушечка, и даже трех баксов у тебя не попросит, – сказал я и выложил старуху на стол.

— Зачем мне этот двуногий надувной шарик, — зарычал басом subtilный Раскольников: — Тварь ли я дрожащая или право имею? — и треснул мне по башке огромным ржавым топором.

Кровь из меня хлынула как из опрокинутого стакана, а Раскольников перевернул в своей жизни новую страницу и стал чем попало лущить мужиков.

Достоевский об этом узнал уже от меня в лучшем мире.

Не суй нос в правду - суй правду в нос!

Прозу жизни нужно срочно обстиховать, ибо конец близок.

Вы думаете, что не стоит разбирать мост, чтобы собрать плот, а я говорю Вам — разрушьте все мосты и постройте плоты, ибо великий потоп близко.

У современного человека есть только один выбор: или дебилизация, или одоливание.

Когда в лягушку попадает сразу две стрелы, она выбирает себе лучшую половинку первого принца, плюс лучшую половинку второго.

Чем сложнее человек, тем запутаннее у него отношения с миром.

Творчество — это цемент бытия«Я». Чтобы ты ни творил — ты творишь своё «Я».

В наш век недопустимое доступно, а необходимое недопустимо.

Человек — устройство надеждолюбное, но не зрящее и не ведомо ему, что не оно жрет надежду, а надежда — его.

Нельзя писать о тяжёлом без надежды.

Не задень ближнего за живое селфи-палкой.

Камень, который держат за пазухой, может прорасти бамбуком, чтобы проткнуть сердце злого человека.

Никогда не поздно начать свою игру и выиграть, ибо даже сыграть в ящик — все равно творческий результат.

Если у курицы петух - щёголь, она станет щеглом.

Мораль жизни выпрыгнула из гениальных книг и пошла своим путем невежества и слабоумия.

Напрасные опасения лучше безбашенного оптимизма.

В шаблонах есть материнская сила, пока ты сидишь в их матрице.

Обезьяна объявила человеку культурный бойкот и поэтому люди не разбираются в бананах.

Я убил первой фразой человека, но обезьяна в нем осталась жива, я отложил перо и пошел в хозяйственный за топором.

Трезвый расчет неизбежно проходит стадию бурных эмоций, натываясь на феномен неопределенности, возможности и вероятности, создающих в нашей жизни неисчерпаемость.

Хороший план должен учитывать поправку на Авось, потом постепенно превратиться только в «Авось», а потом провалиться, забыться, исчезнуть и всё погубить, чтобы быстрее пришло разрушение и Апокалипсис, к которому мы все никак не дойдем.

Чтобы быть человеком, надо реализовать себя в качестве бомжа, ибо жизнь — ошибка.

У них дело делается, у нас дело пихается, но кончается в никуда.

Новости — это спектакль для лунатиков, ибо ничего нового нет под Луной.

Мой лирический герой, подражая Раскольникову, убил человека и я больше не буду писать, чтобы это не повторилось.

Хочешь стать князем — найди сначала подходящую грязь.

И один клоп может обескровить слона.

Шариков сразу же замечал людей, которых профессор Преображенский сделал из кошек и сразу же кидался делать им операцию на мозжечке, чтобы они вновь стали доступными для съедения дворовыми кошками.

Эволюция движется в сторону прозрачности, ибо прозрачен сам космос и новое поколение людей будут прозрачными как амебы и их внутренности будут видны даже с других планет в мощные телескопы, однако их темные души все равно разглядеть будет не возможно, поэтому все останется по прежнему.

Никогда и никому не доказывай, что ты человек. Если кто-то считает тебя обезьяной, загони его на дерево, заряди в берданку дерьмо от Дарвина и шарахни ему в морду.

Соринка, ставшая необъятной горой, все равно станет соринкой, ибо желание увидеть соринку в чужом глазу сильнее необъятности.

Александр Крамер

Родился на Украине, в Харькове. По образованию инженер. Пишу стихи, рассказы, эссе. Публиковался в литературных периодических изданиях разных стран, в том числе в Германии, где живу последние 14 лет, России, Украине, США и Канаде. В 2010 году несколько рассказов вошли в «Антологию российских писателей Европы».

ЖИЗНЬ

1

Один человек, по фамилии Ложкин, купил себе лошадь. Дос-татки у него были не велики, и потому он купил себе не ахалте-кинско-го скакуна, а простую деревенскую кобылу. Впрочем, он в этом не разбирался, а значит и значения этому не придавал. Так что радости его это не мешало и ущербной ее, таким образом, не делало.

Еще утром этого дня он жутко нервничал. Сначала его сильно знобило, потом напал душераздирающий кашель, наконец прошиб холодный пот, и он вынужден был забраться под душ. Только перед самым уходом его, наконец, отпустило. Совершенно разбитый, Ложкин сел прямо на пол и так сидел, ни о чем не думая, минут двадцать, после чего, пожалуй, готов был одеться и отправиться в путь. Но что же надеть? (!) Почему-то оказалось, что это невероятно важно, как он будет одет. И тогда Ложкин оделся так, как одеваются на долгожданный и торжественный праздник.

Поэтому теперь он, одетый в свой праздничный темно-синий костюм, светло-голубую рубашку с галстуком и, начищенные до блеска, черные туфли, сияя обалделой улыбкой, церемониальным шагом шел возле гранитного бордюра и вел в поводу лошадь...

Он шел гордо, не оборачиваясь, всей кожей, всем нутром своим слушая музыку подков! У него была лошадь!

2

Большинство людей, одержимых какой-либо идеей, мало или почти совсем не думают о том, что будет, когда эта идея осуществится. Ложкин, к сожалению, принадлежал именно к этому большинству. Невероятно усталый и невероятно счастливый подошел он к своему девятиэтажному дому, прошел под аркой во двор, остановился у своего крыльца и вдруг в полной растерянности за-

мер: что делать дальше он не представлял себе ни на йоту. Как был, «при полном параде», он сел на грязную лавочку возле подъезда и стал пытаться превратить эйфорический туман в голове в простые и связные мысли. Острота ситуации была такова, что ему удалось это сделать довольно быстро. Когда туман окончательно разошелся, а мысли окончательно выкристаллизовались, оказалось, что основных мыслей три. Первая: чем кормить; вторая: где чистить – блистать; третья: где держать. Незамут-ненная конкретность ситуации вначале произвела в его мозгу новый поворот и образовала новый туман, который, впрочем, довольно быстро рассеялся под бурным натиском весьма не-конкретной мысли: действовать!

Для начала Ложкин мотнулся в булочную и купил буханку ржаного хлеба. Улыбаясь и глядя лошадь, он скормил ей хлеб и от этого сам успокоился. И такой успокоенный, и даже какой-то собранный, привязал Ложкин кобылу к крыльцу и пошел к себе наверх, переодеваться.

3

Уже в сумерках лошадь и человек перешли узкий мостик через Течу и оказались на огромном зацветающем лугу. Где-то далеко позади загорался вечерними огнями город. Где-то далеко позади остался этот безбрежный, бездонный день. Ложкин отпустил лошадь и она медленно ушла в темноту – пастись. Палатку и нехитрый походный скарб Ложкин оставил на лугу, а сам спустился к реке, сел на берегу и ненадолго задремал, укутанный невероятным днем. Ночь обещала быть тихой и теплой. А впереди было яркое быстрое лето, волшебная тихая осень и свирепая долгая зима. Долгая лишь для того, кто сможет ее пережить.

ОСЕНЬ

Все! Оставался какой-то десяток часов. Он уезжал. Навсегда. И ему напоследок хотелось исчерпать этот город до дна.

А кругом была осень. И желтые листья. И солнце светило вовсю. И ветер был теплый и ласковый. Этот приторно ласковый ветер рвал охапками желтые листья с деревьев и бросал их идущим под ноги.

И он тоже – высокий, изящный и соломенно-рыжеволосый – казался осенним листом, оторванным и гонимым все тем же приторным ветром. И еще он казался слепым, потому что на всех натянулся и чуть-чуть не попал под машину, и блуждал без цели и толку, ощущая с ужасом и восторгом, как время уходит, уходит, уходит...

Все... Он больше уже не мог ни носиться, ни ощущать. Город был по-прежнему полон, а он исчерпался до дна. Ветер еще какое-то время кружил его душу, напоследок давая возможность насладиться свободой, и теперь вот швырнул его также, как прочие листья, идущим под ноги. Он сидел на скамейке в крошечном сквере, зажато между домами, и был тих, и витал в облаках, и как будто уснул, улыбаясь теплу и покою, опустошенный.

О господи! Время! Он схватил свою сумку и понесся как вихрь, как тайфун, как торнадо, теперь уже целеустремленно расталкивая прохожих (мне кажется, что от этого легче им не становилось) и чуть было снова не попал под машину... Но вот и автобус. Привычная давка привела его в чувство. Он быстро восстанавливал силы перед дальней дорогой. Скорлупа разрушалась. Птенец выбирался на волю – чтобы жить!

Черт! Проклятое время! Как дикий зверь за добычей, пересек он вокзальную площадь, скатился в подземный туннель, вырвался вновь на поверхность, на перрон, и понесся к вагону, распуская пассажиров, разметая опавшие листья...

Откуда только взялась эта лужа! Состав уже лязгнул на сцепках, а еще два вагона... И Она закрывает проход между лужей и краем перрона. И о вихрь, о тайфун, о торнадо!..

Она была также изящна и соломенно-рыжеволоса. И казалось, что они два листа с одной кроны. Это ветер прибил их друг к другу, и теперь наслаждался творением крыл своих (вполне в его духе). И он обнял ее, приподнял, и затих, и несмело коснулся губами, и гонимый осенним временем, унесся, оставив Ее на перроне среди облетевших листьев.

ЗНАМЕНСК

АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Татьяна Леухина

Кузьмич

Утреннее шоссе, остывшее за ночь и вымытое коротким июльским дождём, было пустынно. Лишь изредка проносились большегрузные машины, увозящие к северу первые южные овощи и фрукты, да ещё реже торопились дачники на своих «копейках» и «шестёрках». Они сворачивали на просёлочную дорогу, по которой уже тянулись по одному старики да старухи с лукошками и ведёрками, доверху наполненными яблоками, грушами и местными абрикосами, мало напоминавшими азиатские или крымские – потому и стоили они дешевле – правда, вкуса они были отменного, с лёгкой горчинкой, сочные и душистые. Частенько вместе с другими хаживал по этой дорожке и Кузьмич. Вот и сегодня он брёл, как всегда, одним из последних. С трудом передвигая ноги, дедок тащил за собой самодельную деревянную тележку с колёсами от детской коляски, нагруженную дарами своего и соседского сада. Внизу, на сетке у самой земли, замотанные в большую мокрую тряпицу, копошились раки, а на ручке висела солидных размеров вязанка с вяленой рыбёшкой. Когда переставали ныть ноги, Кузьмич целые дни проводил на озере, где на удочку ловил рыбу и ставил раколовки. Сверху он привязал табурет на толстых коротких ножках, чтобы было на чём сидеть – ноги-то совсем не держали. Пока старик добрался до шоссе, лучшие, с его точки зрения, места были уже заняты, и его односельчане разложили свой товар по обе стороны тракта.

С полвека тому назад добротные деревянные дома сельчан стояли прямо у шоссе, тогда ещё не асфальтированного, а состоявшего из отдельных бетонных плит, видимо, кем-то забракованных, так как были сплошь покрыты трещинами и выбоинами.

Просёлочная же дорога, то и дело посыпавшаяся сельчанами галькой, шлаком и мелко битым шифером, шла вправо с полверсты – это и была центральная улица села, вдоль которой тянулись далеко отстоящие друг от друга дворы, застроенные небелеными мазанками, в которых располагались летняя и зимняя кухни – так здесь принято, – а жилые дома продолжались высокими заборами из плотно прилаженных друг к другу досок. В каждом дворе обязательный баз, так как прежде семьи держали многочисленную скотину.

На задворках разбивали сад и распахивали огород.

Повернув ещё раз, улица сползала вниз, к оврагу, растекаясь ручейками маленьких узких переулочков, где дома были поменьше, словно наполовину вросшими в землю,

однако, у них было одно явное преимущество: летом в них прохладно, а зимой дольше держалось тепло.

Облик села давно изменился, и о былом помнят лишь старики да напоминают разрушенные фундаменты домов и кое-где торчащие почти из земли полуразвалившиеся печные трубы. Всё заросло мощной травой, почему-то в здешних местах именуемой американкой, – порой она бывает в полтора и более человеческих роста высотой.

От прежнего посёлка осталось лишь два десятка убогих домиков в самом низу, ближе к озёрцам, коих здесь множество. Часть зданий покосилась; обломилась или сгнили резные ажурные украшения с фасадов и ставень. Заборы залатаны фанерками от посылочных ящиков, а где и вовсе отсутствуют – их заменили изгороди, сплетённые из ивовых прутьев или прибрежного чакана. Почти у каждого домика – врытая в землю скамейка для вечерних посиделок стариков. Крыши, по большей части из шифера, почему-то сплошь зелёные, словно покрытые мелким бархатистым мхом.

В самом центре старого села остались два дома с фасадом из красного кирпича, наполовину разбитого и осыпавшегося. Проёмы окон в них, словно пустые глазницы, не застеклены, крыльцо каждого разобрано по кирпичику. На одном – двери крест-накрест заколочены досками, на другом – висят на единственной ржавой петле. На здании, что побольше, сохранилась вывеска: «Читальня». На том, что поменьше, по оставшимся буквам: «М..п..кт» угадывается «Медпункт».

После каждого мало-мальски приличного дождя бывшая центральная улица села, а ныне просёлочная дорога, расквашивается так, что становится проходимой лишь для трактора. Правда, старики говорят, что по осени и те, застряв в колеях, при попытке выбраться из неё, нередко заваливаются на бок, погружаясь в жирную суглинистую жижу – потом его всем миром оттуда вытаскивают.

...Но в эту ночь дождик лишь покапал, едва прибив столь обильную в здешних краях пыль к земле. В поисках удобного и свободного места для торговли Кузьмич, мелко перебирая ногами, облачёнными в холщёвые полосатые порты и обувью в высокие калоши, расположился у остановки пригородного автобуса, спрятавшись за бетонной стеной на случай, если начнётся жара, которая к полудню в июле обычно бывает нестерпимой, расплавляя асфальт и изнуряя тело.

Часам к девяти шоссе оживило: один за другим проезжали по нему автомобили, всё больше с иногородними номерами. Местные знали почти наверняка, какие машины притормозят у обочины, а какие проедут мимо. Если это авто с номерами: 77, 99 или 50, что из Москвы и Московской области, то их владельцы обязательно начнут торговаться, будут до смешного сбивать цену, да и купят-то всего-ничего. А вот северяне, — те о цене редко спрашивают, а закупают всё ведрами, аккуратно раскладывая купленное в заранее приготовленные в багажниках и прицепках ящики.

Сегодня Кузьмичу повезло — какой-то проезжий оптом взял у него два ведра раков и вязанку тарашки, выложив шесть сотен, а это, почитай, полпенсии. Кроме того, за двадцатку он уговорил старика продать лукошко груш Бере, коими старик гордился — ни у кого в округе таких не было. Они с отцом грушу ту ещё в сорок седьмом, сразу после войны, посадили: «Всё ещё плодоносит, чертяка», — нередко хвастал старик. И, что самое удивительное, плоды её не вяжут даже тогда, когда не вызрели, и хоть урожай дают через год, но всегда обильный, грушка — к грушке, без червоточин, все ровненькие, похожие на крупные яблоки в мелкий жёлтый горошек, словно кто их обсыпал луговой кашкой.

«Подфартило те, Кузьмич», — бросила с завистью бабка Матрёна, что торговала чуть поодаль, расставив пластмассовые бутылки из-под минералки, наполненными топлёным коровьим и козьим молоком рядом с двумя ведрами, наполненными абрикосами. На старой пожелтевшей газете, которую старушка постелила прямо на землю, лежало несколько вязанок крупной, жирной вяленой чехони. «Ты вот что, дед, погоди, чуток погоди, не уезжай, — взмолилась Матрёна, — не ровен час, не продам ничего, вот на твоей тележке и увезём всё назад. Ты не думай, я не больно-то переживаю: жардынку на крыше высушу — будет компот зимой, а молока ещё поднакоплю да на сыр и перевожу. И тебя, старика, угощу, коли не побрезгуешь», — хитро улыбнулась бабка Матрёна, прикрывая морщенной ладошкой беззубый рот.

Старик не стал сопротивляться. «В дому всё равно всех дел не переделаешь. Посижу ещё маленько, валяй, торгуй, можа чо и продашь», — отозвался Кузьмич, привстав, доставая из порток старый отцовский трофейный портсигар с сигаретами «Астра» Астраханской табачной фабрики, напоминавшими и запахом, и вкусом послевоенные самокрутки. Он покупал их упаковками в автолавке, что приезжала в день выдачи пенсии, затем сушил их на печи — зимой, на чердаке — летом, чтобы ушли из них сырость и запахи плесневелого сена.

«Благодать летом-то: всё чего-нито да продашь, — затаившись, заговорил Кузьмич, — глядишь, на уголёк накоплю, да и сена овечкам на зиму купить надобно, сам-то нонче навряд ли накошу, совсем плохой стал, ногами хвораю, в дому ведь теперя и летом валенок не сымаю, а всё равно проклятушие болят, хушь плачь».

Дедок ещё о чём-то говорил, но Матрёна его не слышала, так как ветер уносил хрипловатый голос старика прочь, но из уважения к соседу она продолжала кивать головой, словно соглашаясь со всем, о чём тот ей рассказывал.

Машины останавливались, отъезжали, редели торговые ряды. У бабки же Матрёны купили лишь вязанку чехони, да и ту она продала за смешную цену, но собираться домой не торопилась. «Авось ещё абрикоски уйдут», — думалось ей.

Промчавшись мимо старика на бешеной скорости, метрах ста от него, резко затормозила серебристая иномарка, и из неё с визгом вылетела маленькая, почти крохотная рыжая собачонка, угодив в кювет с чертополохом. Автомобиль мгновенно набрал скорость, сорвавшись с места, и, оставив за собой лишь голубой дымок, через мгновение исчез за поворотом.

В кювете сначала всё было тихо, но вдруг псина заскулила надрывно и протяжно — видимо, колючки вонзились своими жалами в морду и лапы щенка.

«Батюшки, — запричитал Кузьмич, вставая с табуретки, увидев, куда упал щенок. Вдаль-то он всё ещё хорошо видел, а вот читать без очков совсем не мог. — И что за люд пошёл, собачьего ребятенка выкинули, так зачем заводили? Совсем в народе жалости не осталось». И, продолжая постариковски ворчать, он побрёл к кювету, смешно топоча калошами по пыльной обочине.

Дедок с трудом спустился, хотя, скорее, скатился по высокой насыпи, пробрался сквозь заросли чертополоха и аккуратно, чтобы не причинить ещё больших страданий кутёнку, бережно взял на руки испуганное и дрожащее всем своим тельцем выброшенное за ненадобностью собачье существо. Затем одну за другой, на ощупь, сам то и дело укальываясь, он вытащил из мордашки щенка все колючки, а тот, будто в знак благодарности, лизнул старика в шершавую щёку и сразу же, уткнувшись розовым носом в пупок Кузьмича, намочив выпцветшую ситцевую рубашу старика, засопел, засыпая.

«Господи, ты ж боже мой! — закричала Матрёна, завидев приближавшегося с кутёнком Кузьмича. — Ты чегой-то, старый, удумал? По што тебе псина? За ней, как за малым дитём, ходить надо! Ты ведь, прости Бог, на ладан дышишь, а коль помрёшь, на кого пса оставишь? На погибель верную? Это не то, что твои овечки! Тех-то быстрёхонько к рукам приберут! А на псину кто позариться? Вот и окажется она опять брошенной. Так что думай седой башкой, добро ли творишь?»

«Эх, Матрёна-Матрёна, ничего ты не понимаешь. Вот мы и заживём вдвоём. Домик собаке смайстрячим, цепку найдём — пусть учится дом сторожить. Я теперича помирать погожу. Нельзя мне, потому как за животину энту я как бы в ответе перед Господом, никак нельзя вскорости помирать, во как получается! — возразил Кузьмич соседке. — Ну, что расселась, собирай всё, грузи на тележку, вишь, я с кутёнком на руках. Спит, бедолага, настрадался, будить не хочу. Да давай-ко сама и вези поклажу, молодая ещё, годков на двадцать, поди, меня моложе?» — выпалил Кузьмич, хитро подмигивая новоиспечённой молодухе, и громко рассмеялся, обнажая беззубый рот.

«Скажешь тоже, — с нескрываемой грустью тихонько произнесла Матрёна, кокетливо подтыкая под косынку выбившуюся седую прядь, — мне ведь шестьдесят восьмой годок ноне пошёл. Хотя и то верно, я ещё не народилась, а ты уж по девкам бегал, — по-стариковски стыдливо прозвучало из уст Матрёны. — Айда, что ли?»

...Дед Кузьмич ещё прожил три зимы, а как помер, Матрёна Афанасьевна схоронила его на сельском кладбище, а Найдёныша вместе с будкой к себе забрала. Когда же соседки, такие же старушки, как и она сама, стали предлагать ей отдать пса в отару, она им ответила: «Ни в жисть не отдам! Пусть теперя он мне жизнь продлевает...».

ИЗРАИЛЬ

Марк Луцкий

(1940 – 2019)

Драма Вийона

(венки сонетов)

1.

Магистр и вор, грабитель, остро слов –
О Господи, как он парадоксален!
Пришедший, словно из иных миров,
Из снов, из сказок, но вполне реален.

Создатель изумительных стихов,
В своих балладах просто идеален –
Поэт дворов и куртизанских спален,
И предводитель городских воров.

«Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение – почет,
Я всеми принят, изгнан отовсюду».*

По жизни не статист, не вялый зритель –
Игрок, поэт, преступник, небожитель.

* Ф. Вийон «Баллада поэтического состязания в Блуа» перевод И. Эренбурга

2.

Игрок, поэт, преступник, небожитель –
Таким вошел в историю Вийон.
Он пять веков на творческой орбите,
И до сих пор недостижим он.

Теперь он не нуждается в защите,
Не с ним в противоречии закон,
Его творенья – вечный эталон,
Завистники Поэта, не взыщите!

«Господь простит – мы знали много бед.
А ты запомни – слишком много судей.
Ты можешь жить – перед тобою свет,
Взглянул и помолился, а Бог рассудит».*

Его судьба – удел еретиков.
Разбойник, классик – вот набор каков!

* «Эпитафия, написанная Вийоном для него и его товарищей в ожидании виселицы», перевод И. Эренбурга

3.

Разбойник, классик – вот набор каков!
Его познание жизни бесконечно –
Знал королей, придворных и шутов,
И нежных дам, и судей бессердечных.

И всяких проходимцев, шулеров,
Что с картами сдружились навечно,
И, формою владея безупречно,
Всех описать своим пером готов.

«Я знаю, как на мёд садятся мухи,
Я знаю смерть, что рыщет, всё губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю всё, но только не себя».*

Баллад изящных строгий повелитель,
Певец низов и высших форм властитель.

* «Баллада примет» перевод И. Эренбурга

4.

Певец низов и высших форм властитель,
Всего коснулось Франсуа перо –
Вот кокийяр*, внимание обратите,
Вот сутенёр прищурился хитро...

Общественных порядков возмутитель,
Нам показал парижское нутро
Предельно беспощадно и остро
«Блатных баллад» талантливый родитель.

«Подломишь карася — в шалман с наvara,
А там — вино и хавка на столе.
Но утром лишь очнешься от угара,
Шнифты протрешь — а ты уже в петле!»**

Изрядно наломал по жизни дров,
О нём твердят: «Не перечать грехов!»

* Кокийяр – член уголовной шайки
** «Блатная баллада 1», перевод Д. Клугера

5.

О нём твердят: «Не перечать грехов!»
И это верно – праведником не был,
Приятель проституток и плутов,
В его твореньях – вместе быть и небыть.

Здесь повстречаешь редкостный улов:
Монах, клошар и лавочник дебелый,
Бандит, святоша и налетчик смелый,
Комплект льстецов и умных дураков.

«Потомки наши, братия людская,
Не дай вам Бог нас чужаками счесть:
Господь скорее впусти в кущи рая
Того, в ком жалость к нам, беднягам, есть».*

Но нары не всегда его обитель –
Мелькал, бывало, в королевской свите

* «Баллада повешенных», перевод А. Парина

6.

Мелькал, бывало, в королевской свите,
И с принцами вершил весёлый бал,
Но признанный порядков нарушитель,
В поэзии ничто не нарушал.

Принадлежа к изысканной элите,
Особенные краски изыскал,
Заслуженно взошел на пьедестал
Вийон – эстет, баллажник, победитель.

«Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз – я вижу розы мая».*

В творениях огрехов не ищите,
Нет, вы его баллады оцените.

* «Баллада поэтического состязания в Блуа», перевод И. Эренбурга

7.

Нет, вы его баллады оцените,
Сколь широка безбрежность разных тем:
Любовь и смерть, плебей и злой правитель –
Баллады адресованы ко всем.

Найдёте в необычном алфавите
«Три фонаря», «Корову», буйный «Шлем»*
Епископа, прево, иной тандем –
Тут рыцарь и босяк, там шлюха и воитель.

«Люблю красотку я, служу ей страстно,
Но не дурак я, не простец смешной.
Она на всякий вкус, для всех прекрасна,
Обут и сыт из-за неё одной».**

Но приговор и грозен, и суров,
И вот – тюрьма, уже привычный кров!

* «Три фонаря», «Корова», «Шлем» – харчевни Парижа

** «Баллада Вийона к толстой Марго», перевод И.Эренбурга

8.

И вот – тюрьма, уже привычный кров!
Вновь парадокс – поэт и уголовник,
Да, за решеткой автор дивных строф,
И удостоен ордена чиновник.

О, сколько ожидания часов
На нарах, превратившихся в клоповник,
Жестоко обличаемый виновник,
И мрачный юмор арестантских слов:

«Я Франсуа – чему не рад! –
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея»*

Видать, привык удар судьбы держать,
Таких талантов надо поискать.

* «Четверостишие, сложенное Вийоном, когда он был приговорен к смерти», перевод И.Эренбурга

9.

Таких талантов надо поискать,
А сколько их у Франсуа Вийона!
На всем лежит иронии печать –
От лирики до грубого жаргона.

Ах, творчество – какая благодать!
Поэзии божественное лоно!
Когда на жизнь взираешь упоённо,
Спешит рука балладу написать.

«Где нимфа Эхо, чей напев весенний
Порой тревожил речки тихий брег,
Чья красота была всех совершенней?
Но где же он – где прошлогодний снег?»*

Тебя берут за душу строки эти,
Пожалуй, не найти на всей планете.

* «Баллада о дамах былых времен», перевод И.Эренбурга

10.

Пожалуй, не найти на всей планете
Таких контрастов, редкий симбиоз –
Разбойных сцен и грабежей свидетель,
Преступник, переживший столько гроз,

Познавший унижения и плети,
Любовь к своей стране сквозь жизнь пронёс.
Её любил столь страстно и всерьёз,
Что повторяют люди строки эти.

«Пусть, как Иону, кит его сожрёт,
Пусть в камень превратит его Медуза,
Иль, как Нарцисс, пускай утонет тот,
Кто посягнет на родину французов!»*

Поэзии французской – процветать,
Остра, блистательна его тетрадь.

* «Баллада проклятий врагам Франции», перевод Ф.Мендельсона

11.

Остра, блистательна его тетрадь,
Средь персонажей – множество находок,
Любить, страдать, играть, переживать
Заставил бурбоннэский* самородок.

Вийону не по нраву тишь да гладь,
Его характер и строптив, и громок,
Впитав в себя среду почти с пеленок,
Сумел всё живописно описать.

«Камзол расшит шнурами золотыми,
Дырявый плащ, опорки, всё мы тащим
Туда, где честно доят нас, как вымя, –
В таверну, прямо к девочкам гулящим»**.

Он верен, как всегда, своей примете:
Эстет и хулиган – в одном пакете.

* Бурбоннэ – место рождения Ф.Вийона
** Поучительная баллада», перевод Ю.Кожевникова

12.

Эстет и хулиган – в одном пакете.
Судьба-злодейка? Неизбежный рок?
Не знаем, сколько прожил он на свете,
Какие испытанья превозмог.

Свидетельства жестоких лихолетий
Хранят его баллады, каждый слог.
Но он преодолеть невзгоды смог,
Не клял судьбу за роковой билетик.

«Каких мужей сводила я в могилу,
Каких царей лишала я корон,
И замолчи, пока я не вспыхнула!
Тебе ли на Судьбу роптать, Вийон?»*

И вот – венчает Франсуа Вийона
Творца и уголовного корона ...

* «Баллада Судьбы», перевод Ф.Мендельсона

13.

Творца и уголовного корона.
Да, нелегко подобную носить.
Без жалобного ропота и стога
Прядёт поэт исповеданий нить.

Работает упрямо, иступленно,
Умеет всё – и славить, и язвить.
И будет мир его боготворить,
Отступника негласного канона.

«Несчастные, лишённые рассудка,
Испорченные, злые существа,
Вам правду заменяет прибаутка,
Движенье чувств – пустая голова»*.

Стихи совсем иного лексикона,
А память чтит озорника Вийона!

* «Баллада доброго совета», перевод А.Застыльца

14.

А память чтит озорника Вийона,
Хотя портретов и скульптур – мизер.
Внимает мир стихи заворожённо,
И автор их – бессмертия пример.

Маэстро ритма, рифм, оксюморона,
Баллад чудесных признанный премьер,
И новых жанров, стилей пионер,
Прославивший себя во время оно.

«Владычица над небом и землею
И над огнем великим, что в аду,
Я, может быть, и милости не стою,
Но смилуйся; прими, когда приду»*.

Освобожден от всяческих оков –
Магистр и вор, грабитель, острослов.

* «Молитва, написанная по просьбе матери», перевод В. Жаботинского

Магистрал (акростих)

Магистр и вор, грабитель, острослов,
Игрок, поэт, преступник, небожитель,
Разбоёник, классик – вот набор каков!
Певец низов и высших форм властитель.

О нём твердят: «Не перечать грехов!»
«Мелькал, бывало, в королевской свите!»
«Нет, вы его баллады оцените!»
И вот – тюрьма, уже привычный кров!

«Таких талантов надо поискать»,
«Пожалуй, не найти на всей планете»,
«Остра, блистательна его тетрадь»,
«Эстет и хулиган – в одном пакете».

Творца и уголовного корона,
А память чтит озорника Вийона!

Светлана Дион

Светлана Дион родилась в Ленинграде, в Нью-Йорке с 1983 г. С 1999 г. – в Испании и несколько лет во Франции. Поэт, прозаик, балерина и культуртрегер. Президент Международной Ассоциации Граждан Искусства – МА.Г.И. Член Союза Писателей России (МГО). Награждена литературными премиями им. А. П. Чехова и им. А. С. Грибоедова (от МГО). Лауреат множества литературных премий и конкурсов. Пишет стихи на русском, английском и испанском языках. Автор пяти поэтических сборников, десяти в соавторстве и романа «ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ» (La mendiante de l'amour).

Лауреат степени «Алмазный Дюк» *МЕЖД. КОНКУРСА ИМ. ДЕ РИШЕЛЬЕ за создание поэтобалета по мотивам романа «Попрошайка любви» и на свои стихи («Любовь семилетняя» – Las siete caras de amor – премьера в Мадриде 2012). Учредитель литературной премии им. Н.Брагинской с 2013 года. Победитель конкурсов МГО 2016-2017: «Королевы, феи русской литературы» и «Россия - Франция» (проза и поэзия на франц. языке). Лауреат премии «ГОМЕР 2017» роман «Записки ангела-хранителя», Межд. творческий конкурс Афины, Греция (Журнал «9 МУЗ»). Союза писателей XXI века, Союза писателей Израиля клуба Русских Писателей Нью-Йорка и Всемирного Клуба петербуржцев

ПОЭМА ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

(Обрывки стихов с посвящениями со сбоем ритма и рифмы)

1

Ирине, матери моей,
посвящается.....

Последняя ночь –
Мать и дочь.
Закричать бы...
Но не кричит.
Упасть бы...
Но некуда.
Остановить бы
Дождь
За окном.
Ночь
Уговорить бы сжалиться...

Имя Матери Божьей
У медсестры на халате –
Мария склонилась над
Моей матерью...
В палате
Мария в белом,
С глазами усталыми,
Отводит взгляд.
Сколько недель подряд?
Я рядом с мамой –
Тающей, причащённой,
Холодеющей.
Освобождённой.
Тусклый больничный свет.
Мама, сколько нам вместе лет?
Тишина не дышит...
Встретим ли вместе рассвет?
Памплонские спящие крыши...
Стынувшая рука в моей...

Родная самая.
Рука мамы.
Капли за окном – змейками вниз,
Становлюсь одной из них.
Тороплюсь, сбиваю соседку,
Вместе быстрее скользим,
Примкнули другие,
Ещё две, три, четыре...
Катимся, как дети с горки,
Увлекая такие же прозрачные
За собой...
Восторг.
Стоп.
В сугроб.
О лёд лоб.
Гроб?!
Коченеют руки...
Рама внизу.
Обрыв.
Там не властны муки...
Скрип кровати.
Последняя капля воли.
Сброшена чешуя боли.
Отмена переливания крови...
Капельница.
Прозрачный пакет
С чудо-средством
От рака.
Вот он. –
Но уже поздно.
И наложен запрет на слёзы.
Мама,
В телефон плакал
Минуту назад

Тот, кто любил тебя
Много лет подряд...
Не узнал мой голос.
Передал
«Прощай»
В трубку..
Слышишь, мама,
Дай руку,
Согрею,
Мы попросту не успели.
Мой младенец тоже тебя спасал:
Делили моё молоко на двоих.
Но тщетно.
Пирога – причал.
Ветер стих...
Бред ли всё, мама?
Этот стон и крик
Живого скелета
С твоими глазами
Небесного цвета,
Летнего неба...
Расцветет сирень,
Придёт день
Букет не тебе
Дарить, а... могиле?
Болезнь или рок?
Нас Ангелы позабыли?
Где сила любви?
Лава бессилья.
Капель из иглы в вену...
Кто-то бесшумно
Пройдёт сквозь стену,
Я знаю, мама...
Вот-вот...

Я дважды уже проиграла битву
За тебя, за твою сестру!
Что – Читала не те молитвы?
Я знаю, я тоже умру,
Так все, но не все – так.
За что, мои девочки,
Вам агония,
Сгорание, рак...
У меня на руках...
Шепчу:
«Отпущу – Прощу – Прости.
Последняя попытка.
Мама, возьми с собою
Улыбку
Моего сына.
Детский смех внука
Пусть излечит раны,
Что не лечит вечность
В краю Нирваны...»

Голос тишины многоликой:
«Я узнаю вас по цвету улыбки, –
Из-под закрытых
Пергаментных век, –
Так борются далеко
Не за всех
Матерей,
Дочурка, поверь...
Не столько всем суждено
Потерь.
И перед миром теней
Не бывает любви сильней,
Будь уверена в ней –
В дочерней любви
твоей...
Отпусти – дай уйти...»

Объятие.
Знаю: последнее.
Навсегда.
Руки матери –
Бессильные лоскуты
Сочатся любовью,
Замыкаются кругом
У меня на спине,
Сиделка им помогает,
Словно кукольник...
И что-то распорото
В ребёнке – во мне,
Склонённой над матерью, –
Вдали от жизни,
В чужой стране,
С дождливой ночью наедине...

Все медленней бьётся сердце –
Наше – моё и мамы.
И капли гибнут,
достигнув рамы,
И новые – вниз повтором...
Сиделка
Не ушла после смены:
«Тебе впервые, а мне не ново.
Останусь.
По эту сторону Кровати.
Я знаю, как это – терять мать.
ЛЕГЧЕ САМОЙ УМИРАТЬ.

В палате –
Я, Мария и Мать.
Исчезает эхом

Щепотка минут...
Там свои уже ждут...
Но зов младенца, –
И ток материнства
В пружинах сердца,
Но лишь моего.
Ледяная ладонь мамы.
Общий ров.
Яма.
И вспышка –
Открылись очи:
«Будь сильной,
Дай слово, доча,
Вырасти сына...
Всё хорошо.
Я жила не зря:
Ты светлая-светлая у меня...»

2

...моему сыну...

«Виноградная гроздь – лоза»,
Парра – Парра,
На щечке – родинкою слеза...
Рукою милости или кармы?

Смысл имени сокровенный
Разгадан душой.
Мой единственный и мой первый
Рождён на земле чужой...
Совпадений блики.
Мой сын Энрике,
Вдвоём с тобой я шла
(Нет – втроём с судьбой)
Босиком по осколкам стекла,
Я тебя на руках несла
В то хмурое утро,
Когда выдавали урну,
С именем мамы...
Выбирала футляр (не яму),
Вас двоих прижимая к груди,
На плечах – вместо шали – тучи...
В тот день я стала могучей.
Или это ты – из завтра –
Шёл впереди,
А за тобою ребёнком – я?
Спасенья карта...
Спираль пути...
Молитва отчаянья –
«Мама, прости...»

Энрике «Лоза»,
В ту ночь в вещем сне
Рыдала гроза.
В пустынной стране
Ты мечом рубил скалы,
Пролагая нам путь.
За тобой я едва поспевала,
(Тенью за нами Грусть),
Из глаз – капли дождя.
Я опиралась на два локтя,
Кто справа – и слева?
Ангелы Хранители –
Мои небожители? –
Рассмотреть не посмела...
С того дня – за тобой
По тонкому льду,
Не касаясь земли,

Над бедой,
Над студёной водой,
Цепляясь за наше небо...
В то памплонское утро
Младенцем ты не был,
Знаю,
То крылья твои,
Мой ангел,
Шумели над нами,
Когда наше горе,
Словно цунами,
Покрыло землю
У нас под ногами... Энрике,
Ты ещё не умел ходить,
И мы вместеу чились жить –
Шаг за шагом.
Рассвет за рассветом.
Ночь за ночью.
Ответ за ответом.
Вместе, даже когда мы врозь,
О, моя Виноградная Гроздь!

3

Посвящено Н. Джину □ □ □

Времени – горсть.
В горле – гвоздь.
И между капель
В больничных окнах
ПисАл мне кто-то
Строки и ноты,
Родные стихи...
Скажи, мой друг,
Ты в тот миг был рядом?
Ты, кто при жизни
Звался Нодаром,
Ускользнул из снов?
Обрывки твоих стихов,
Забывшие много лет, –
О любви, о нас,
И в тот жуткий час
Твой ответ:
«Смерти нет».
Лишь синь...
И струящаяся
Световая мысль,
Словно ток:
У каждого цвет
Невидимый
И обет
Исполнить долг.
Мужайся.
Придёт рассвет,
Твой первый,
А мамы навеки нет.
Вынут иглу из вены –
Знаменье конца...
Чуть изменённый оттенок
Души и лица...
Но будет и свет...
Ещё – твой секрет –
Строчки гонца
В каплях дождя
В ту ночь для тебя
Пролитые свьше.
Исповедь сердца тише и тише,
Небо бездонное ниже и ниже,
И самое дальнее ближе и ближе...

КАРЕЛИЯ

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем и удивительном крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе.

Печаталась в различных альманахах, газетах и журналах. В 2014 году в свет вышел авторский сборник стихов: «По кончику пера скользило Слово», а в начале 2019 года сборник стихов «Запах осени».

Долгое время входила в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент». Была главным редактором изданий.

До чего дошел прогресс...

(из невыдуманных историй)

Это было настоящим кошмаром!

В мой дом неожиданно-негаданно нагрянули гости: веселые и нарядные, с подарками и цветами. Дверной звонок заливался колокольчиком, квартира наполнялась радостным смехом. Было шумно и немного тесновато, а гости все приходили и приходили. Я бы даже сказала – прибывали, как скорые поезда.

Почему я это называю кошмаром?

Я никак не могла понять, не могла вспомнить, по какому поводу пригласила столько народа, и приглашала ли вообще!

По крайней мере, я не была готова к приему гостей.

Холодильник был пуст, стол не накрыт, никакими вкусностями в доме не пахло. И гости, к моему ужасу, со временем это поняли.

Они переглядывались между собой, перешептывались, а потом и расходились: грустные и растерянные.

Мне было так неудобно и так стыдно, что я проснулась...

Переливы звонка из моего сна продолжались и в реальной жизни. Звенел мобильный телефон моего мужа.

В нашей семье у каждого члена семьи, кроме кошки Люськи, имеется свой телефон. Самая крутая модель, конечно же, у сына. Мой телефон, как и полагается дамскому, вызывающе элегантен и не такто прост. А у мужа – обыкновенная, уже устаревшая модель Нокии.

В ту ночь наши супружеские телефоны мирно и спокойно лежали на журнальном столике. И было два часа ночи... Мобильный телефон мужа продолжал звенеть... Муж спал.

После нескольких моих тычков в бок он все-таки проснулся, недоуменно повертел головой, прислушиваясь к мелодии звонка, и, нехотя, протянул руку к столику.

В этот момент звонок мобильника резко оборвался, муж облегченно вздохнул, обнял подушку и продолжил сон.

Утром меня обуял интерес: а кто же ему в это ночное время звонил?

О нет! Вы не подумайте обо мне плохо. Никаких секретов у нас с мужем нет. Мужу звонят редко, и все члены семьи в курсе: кто, когда и по какому поводу. Дело в том, что позже он сам делится с нами своей телефонной беседой: буквально тютелька в тютельку.

Итак, я открываю телефон мужа, нахожу в нем функцию: «не принятые звонки» и... столбенею. Сегодня, в два часа ночи, мужу звонила... Я!!!

Я понимаю, что ничего не понимаю. И, чтобы успокоить себе нер-

вы, открываю свой собственный телефончик.

Так оно и есть... В «исходящих вызовах» в два часа ночи высвечивается телефон мужа!!!

До чего дошел прогресс – до невиданных чудес!

Опустился на глубины и поднялся до небес.

Позабыты хлопоты, остановлен бег.

Вкалывают роботы, а не человек...

– именно эти слова из известной песенки в тот миг пришли мне на ум. Ничего себе, дожили! Телефоны сами по себе ночами переговариваются друг с другом!

Иду за помощью к сыну. Докладываю обстановку

Сын, не отвлекаясь от своих компьютерных бродилок, пулялок и стрелялок советует позвонить в Сервис мобильной связи.

Звоню. Там меня терпеливо выслушивают, проверяют информацию по своим каналам... «Да, с вашего телефона этой ночью был сделан неотвеченный звонок». И тоже удивляются, сокрушаются, наверно улыбаются и, как я подозреваю, вертят пальцем у виска. Намеком в мою сторону...

Весь день чувствую себя не в своей тарелке. Кошка Люська определенно мне сочувствует, трется о ноги и даже не требует еды.

К вечеру мои недоумения разрешились.

Подошел сын, явно уставший от контакта с компьютером, и наконец-то обративший внимание на разнесчастную мать...

– Да ладно, мам... Ну, чего ты? Да, я это... с телефоном. Пошутил просто!

И все сложное оказалось обыденно простым. А тайное – явным...

Дорогой читатель! Не помню, на каком канале телевидения в десять часов вечера на экране появляется вопрос: «Дома ли ваши дети?».

Именно в два часа ночи этот вопрос можно продолжить: «А чем занимаются в это время ваши дети?».

В два часа ночи сыну не спалось. И, чтобы чем-то себя занять, он – из своей комнаты, со своего мобильника (через стенку!) подключился к моему телефону.

Погулял-побродил по его содержимому, почитал присланные мне sms-ки, полюбовался на хранившиеся фотографии. А потом решил попробовать с моего телефончика сделать звонок другу. Вернее – папе. И это у него получилось...

А что из этого вышло, вы уже знаете. До чего дошел прогресс...

Сергей Пашков

Издатель, художник, публицист. Занимается формированием научного представления космогонии, как писаний народов мира (предания, мифология, легенды). Получил в составе авторской группы три международных сертификата Академии Естественных Наук России, Института Интеллектуальной Собственности Р.Ф., Российского Общества Оценщиков. (Программа по использованию экспозиционных субъектов Р.Ф. в качестве носителей информации, которая была признана Ноу-Хау). За свою издательскую деятельность, издавал авторские альманахи и газеты, входил в редколлегию Американского журнала «Острова/Islands».

У Сергея очень оригинальный художественный стиль картин, который несет в себе огромную ассоциативную информацию. Картины могут сопровождаться толкованиями или такими же емкими ассоциативными текстами. Кроме авторской художественной выставки, работы Сергея публикуются в Российских и зарубежных журналах. Имеет множество российских и зарубежных наград.

Классическая наука и космогоническая мифология

ДАВАЙТЕ РАЗБИРАТЬСЯ

Итак, в прошлом моём материале в журнале «Интеллигент Избранное» № 5 за 2019 год было дано короткое толкование всей Библии. У меня даже есть и письмо-рисунок, в нём также описаны правила и основные сюжеты Библии. В чём суть моих работ? Все свои работы я делаю для того, чтобы академические науки и здравомыслящие учёные, а также люди с классическим мировоззрением, пришли к единомыслию в понимании мифологической космогонии, хотя бы на примере самой распространенной из них – Библии. Почему я обращаюсь именно к таким людям, а не к неким служителям культов и к их фанатичным адептам, мной коротко, но чётко описано в предыдущих работах.

Прежде всего, я не нашёл среди них людей, обладающих Святым Духом, но такие люди имеют чины святых отцов или духовников, учителей или просто считаются истинно верующими. Вот полно сейчас развелось тех, кто имеет звания богословов, но где же их богословие можно почитать? Или сейчас можно называться богословом, но не обладать словом от Бога? Также сейчас полно называющих себя христианами, но, по факту, эти люди от христианства очень и очень далеки, более того, чаще оные – антихристы.

Конечно же, многие могут обратиться и ко мне, мол, а кто тебе дал право судить и делать подобные заявления? Считать, что именно в твоих материалах написано, мол, именно вот так и следует понимать космогонию этой же Библии или исторические и иные факты и события?

Действительно, что и как мной нечто представляется и толкуется, ещё никем так не представлялось и не толковалось! Однако это вовсе не означает, что мои материалы лишены здравого смысла, покрыты вуалью некоего мистицизма, который трудно представить и соотнести в реальности. Прежде всего академическая наука, для некоего подтверждения неких информационных древних источников, опирается на археологию, повтор этих же событий из других источников, на подобный опыт у других людей и народов, а также на открытия в той же биологии, географии и так далее. И есть вполне признанные наукой профессии, например, библиист, культуролог и т.д., и т.п.

Вот недавно даже читал интервью с одним из библиистов и переводчиком библейских текстов Андреем Десницким: «Зачем нужно переводить Библию заново и почему никто её не читает?», где он, в частности, предлагает её (Библию) из космогонических мифологических текстов переводить в более художественные, литературные. Дословно это обозначено так: «Новый Завет, например, переводился, когда Пушкин только заканчивал Лицей, то есть русский литературный язык тогда ещё не сложился. Поэтому язык Нового Завета получился непонятным, тяжёлым, местами тяжелее, чем у Василия Тредиаковского». Также Андрей в интервью заявляет: «Нет ни одного грамотного русскоязычного человека, который не читал хоть что-то из Евангелия, хотя бы в пересказе из "Мастера и Маргариты", крылатые выражения вроде

"Не суди, да не судим будешь" тоже все знают». Есть и некие служители культов, которые даже пытаются совместить, а, точнее, перемешать классические представления с текстами духовных преданий, и получается у таких полный сумбур.

Прежде всего, не надо смешивать классическую науку и её правила и представления с космогоническими мифологическими преданиями, как и противопоставлять их друг другу! Так же глупо доказывать классическими науками божественное или дьявольское, так как у кого есть глаза, уши, чистые сердцем люди, прекрасно это видят, слышат и различают, а глухим и слепым надо лечиться. Ну вот как глухому и слепому можно рассказать, например, что есть нечестивые люди, которые своим только сквернословием многое оскверняют, а есть божий человек, который благословляет. И, даже услышав и поняв эти различия, многие люди считают, что, мол, мистическая нечестивость тут не при чём, тем более, как и Божественное! Это же Вася, и пусть он скверные слова говорит, но он же уважаемый директор! А уж как можно относить к Божественному Петю, когда, пусть он и не сквернословит и добросовестный, но работает бедным слесарем у этого же Васи? На это я как раз отвечал и отвечаю, мол, именно воображаемая сверхъестественная нечисть или божественность вовсе и не при чём, а за этими образами – сами же реальные люди и есть! Только одни нечестивые, а иные – праведные.

Вот Андрей Десницкий, когда заявляет, мол, космогонические мифологические тексты надо переводить, например, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите». Вот он как переводчик-библиист позволит себе при переводе Святого писания представить, как Булгаков, Иисуса Христа Спасителя немощным, полным идиотом, духовным слепцом, который даже доброго-то от злого отличить не в состоянии? Зато дьявола представлять духовно прозорливым, всемогущим и справедливым, как всё это и представлено у Булгакова в романе «Мастер и Маргарита»? Зато сейчас этого Булгакова многие превозносят, а вот писатели, которых превозносили в СССР, стали ненужными и скучными, даже великий пророк А.С. Пушкин. А ведь Пушкин – один из великих наших пророков, которых в наших культах верования просто не сыскать! Лично мне таких не встречалось, хоть слепых, хоть зрячих, а каких выдают якобы за отечественных пророков и святых, так мне даже стыдно это обсуждать. Более того, никаких истинных пророчеств на России никогда не сбывалось, все они сбылись только в Советской книге Жизни или в истинно живой исторической советской летописи.

Итак, что я пытаюсь этим сказать? В конце «Откровения» у Иоанна Богослова записано, что, кто прибавит или убавит к его текстам, тому Бог наложит всяческих язв и болезней. Всё потому, что к иносказательным текстам нужен, как сказать, ключ от шифра, всё потому, что, если извратить такие тексты прибавлениями или убавлениями и, тем более, переписать их, как у того же Булгакова, то многие таким и будут представлять божественное и дьявольское. Тот, у кого же есть ключи к таким текстам, уже не будет проникновенен к ним, т.е. их не откроет – не пой-

мет. Именно поэтому переводчики с одного языка на другой и должны передавать тексты точно, а вот, у кого есть дар толкования духовного в буквальное, тот и должен истолковывать, но только то, что ему и дано истолковать! Если же у кого-то будет не тот ключ или кем-либо испорченный ключ или замок, пусть даже от его квартиры, то он же не сможет проникнуть в квартиру, так и ожидающий послание, если получит его в искаженной форме, то не сможет проникнуться таким посланием.

Однако это не означает, что другие не могут пробовать некий текст истолковывать, пытаться расшифровать. Ведь, что может происходить в истории даже одного человека, то может происходить и с целым обществом, даже с мировой державой, и наоборот, а, может, в стране, и даже на планете, будут одни происходить процессы, а у кого-то одного или группы людей – противоположные. Ведь о каждом типаже и почти обо всех духовных сущностях в людях описано в Большой Книге – Библии. О героях, которые, жертвуя собой, спасают кого-то или многих от ран и смерти, ибо, если бы не их подвиг и жертвенность, то раны бы получили другие и погибли. О нарушителях клятв, как о клятвopреступниках – проклятых, о простых добросовестных людях и искусителях к пороку и беззакониям, о предателях и псевдоученых и мудрецах и псевдомудрецах... То есть, по Большой такой книге можно судить о лобом, как по его личной небольшой жизненной истории.

Прежде, чем перейти к новым толкованиям из Библии, мне всегда было интересно, почему люди не принимают простых, но здравых толкований? Вот я истолковал обычную метафору, конкретно – о лепке из праха земного Адама, при этом уже много раз по этой теме писал, особенно на социальных и религиозных форумах в Интернете. Однако это почти никем не воспринимается, но все обсуждают, мол, как переводится «прах» – глина или пыль? Пытаются доказать, дескать, как много различных микроэлементов в глиноземе и потому люди из этого произошли, другие включают в это генную инженерию, иные – всякий мистицизм, а вот служители культа в их представлениях рисуют буквальную картину такой лепки! То есть у различных людей нет никакого единомыслия и единодушия по простейшей метафоре, которая просто говорит, откуда и был родом земной Адам, при этом даже четко же написано, что из земли наслаждения или рая, он и был выслан обратно туда, откуда он родом, где теперь ему в поте лица уже добывать себе хлеб. Если здравомыслящие ученые и, возможно, здравомыслящие и без фанатизма люди не захотят веками вести нелепейшие дискуссии, а начнут совместно признавать здравые толкования мифологической космогонии, то это и должно привести к взаимопониманию! Если же одни будут рисовать буквальное сотворения земного Адама из праха земного, а другие над этим смеяться или еще вести дискуссии по нелепым объяснениям этой простой метафоры, то для тех и других Библия будет всегда закрытой книгой, притом, как извне, так и изнутри. Тем более, таким псевдоученым и псевдобогословам никогда не написать ни только своей мифологической космогонии, но и верно историю своей страны!

Вот классические историки переписывают якобы реальный факт крещения Владимиром Руси и принятия христианства, но никто из таких вот историков не удосужился понять, что реально должно после этого произойти в том обществе? Ведь побиение неких идолов, купания в речке, замена своих служителей культов на других, НЕ ОТНОСИТСЯ К КРЕЩЕНИЮ ПО ВСЯКОЙ ПРАВДЕ! Зато с приходом только Советской власти, когда очищали народы от суеверий, невежества, пороков, скверны, очищали от всякого нечестия и мракобесия, изгоняли нечестивых во тьму внешнюю, что и следует считать только истинным крещением, вряд ли признают. Ведь затем именно Советская власть народ просвещала, воспитывала в высокой культуре и на моральных принципах, на социальном равноправии, что и есть реальное святое их причастие, и это тоже не признают. Спрашивается тогда у таких вот историков и якобы истинных служителей культов, мол, если вы ничего не понимаете или не признаёте Святого Писания и его

правил, то зачем берётесь писать то, в чём вы не понимаете, а поняв не принимаете? Потому, что одни не могут идти против векового ложного стереотипа и боятся служителей культа с их пугалками, а другим просто это не выгодно, ведь это они считали верным, а тут им некий якобы бред предлагают.

Естественно, многие главы-рассказы из Библии могут почти точь-в-точь совпадать с другими писаниями и историями, но, как я уже писал, все духовные сущности, что есть в людях, могут не только повторяться историями. Более того, у многих народов шли заимствования между собой различных изречений, например, даже Иисус цитировал Сократа, мол, всё тайное станет явным. Хотя в древности и шли взаимные обмены товарами и услугами, между народами шла и война, одни народы учились у других и так далее, но тогда не было многих даже географических открытий и известный мир был тогда ограничен.

Но даже тогда более развитые государства проецировали на небо некие свои истории, они могли себя считать покорителями вселенной, завоевывая большие по их меркам пространства на земле. Один из первых таких покорителей «вселенной» был царь Саргон. Покорив Элам (государство на северо-востоке Персидского залива, территория современного Ирана) и земли вплоть до современного Мосула в Ираке, царь Аккада сумел построить империю, простирающуюся с северо-запада на юго-восток от Средиземного моря до Персидского залива. Как считал тогда Саргон, ничего подобного ещё в истории человечества не было, посему он принял титул повелителя вселенной. Египтяне, греки, а затем и римляне, когда были в своем величии и могуществе, также считали себя покорителями вселенной.

Издrevле более цивилизованное сообщество или более цивилизованный человек делали из более диких людей, так сказать, для неких своих нужд человека. В Месопотамии боги Ануннаки делали их для добычи им золота, в Библии сделали земного Адама для ухода за садом, т.е. не следует впадать в мистицизм и в фантастические воображения, все надо понимать мудро, но проще. Просто более просвещенные и цивилизованные люди дикарей за людей не считали и именно из них и создавали себе рабов, а иные создавали равных себе человекoв.

Постепенно происходило смешивание этих групп людей, так как верховному правителю и сонму его соплеменников всё больше нужно было прислуги и таких рабов. Это смешивание приводило к классовому делению таких государственных образований. Где были высшие касты или небожители – бессмертные, а также смертные – покоренные народы или некие людские общности. Кроткие люди никакого наследия как рабы не имели, а именно наличие наследия или последователей неких учений и объявлялось бессмертием. (Можно вспомнить несколько изречений, например, «умер король, да здравствует король!») Или вспомнить, что мной писалось еще в первой работе («О пространстве и времени»). Однако позже, за свой честный и преданный труд и принимая культурные манеры и просвещаясь, они стали получать некое движимое и недвижимое имущество и переходить уже в категорию гражданских лиц, но, даже имея уже наследие, всё равно считались простолюдинами. Даже и сейчас простые граждане себя называют смертными, а верховных правителей порой называют небожителями, всё это и идёт из древности веков. Хотя уже тогда покорители и победители обращали в рабов и цивилизованных людей. Даже своих граждан из привилегированного сословия обращали, специально или по суду своих же чиновников, на рабское положение, на тяжёлую и опасную работу, либо делали таковых изгоями внутри некоего общества или изгоняли из общества и так далее. Как я писал ранее в моих работах, социальные группы между собой не только могли смешиваться, через интимные отношения или по неким заслугам одних возвычали, а других унижали.

В Библии даже описано, как высшие божьи люди опускались до смертных, и от этого началось якобы всеобщее разращение на всей земле. Бог тогда все якобы и затопил водами, отчего и произошел «Всемирный потоп». Да, по всей Земле порой слу-

чаются очень большие наводнения и с большими жертвами, а те, кто сумел спастись на лодках-ковчегегах и с достаточной провизией, могли причалить к новой земле и начинать уже там обустриваться. Почему я взял в кавычки словосочетание «Всемирный потоп», так я уже объяснял, что в древности не было еще великих географических открытий, и потому разрушительные долгие наводнения тогда и представлялись так. Однако, если внимательно прочесть, к какой земле причалил Ной на своем ковчеге, то к обитаемой, т.е. и при потопах Ноя, земля не была вся под водой! И у других народов в то время представления о больших наводнениях были такими же, но это не означает вовсе, что при этом вся поверхность земли оказывалась под водою, что порой нелепо пытаются доказать служители культов и даже некоторые ученые.

Также я писал, что одним из первых, конкретно по Библии, именно Моисей предпринял попытку образовать уже свой народ и новое своё государство из людей суеверных, озлобленных, рабов, невежественных, но с тем, чтобы возвысить их над многими народами, чтоб они побеждали сильных и превзошли даже самые цивилизованные страны и народы. Однако ему это не удалось, т.к. не всех нечестивых он уничтожил и изгнал тогда в новом обществе. Согласно Библии, это удалось именно Иисусу Христу, а как именно? Мною это также было описано и не только потому, что в его сонме были самые простые люди, но и был осуществлен план относительно Римской державы. В нашей же истории России и страны Советов, это удалось осуществить только при Советской власти. Опять же, т.к. не всех тогда мракобесов, лжецов, порочных искusstелей и преступников смогли обратить в добродетельных членов общества, изгнать таковых, то Советское мироустройство предало негодяи и захватили власть. Хотя главные пророчества все же сбылись на Советской исторической живой летописи!

Понимаю, что предателям сейчас надо распространять как можно больше ложной информации, почему были якобы не преданы все дружественные СССР страны, а затем – СССР и советский народ, мол, по разным иным якобы причинам, но только не от предательства. Хотя предатели сейчас и построили духовно падшее в несправедливость, суеверия и пороки царство! При этом только благодаря заложенным в первые десятилетия СССР плодам, люди ещё и могут чем-то гордиться, а власти паразитировать на этом, выдавая это за некие якобы свои достижения. Ведь порой не все плоды человек, ещё не уходя в вечность, может даже лицезреть, многие заложенные им семена в неких поприщах последуют лишь, спустя время, и только после ухода сеятеля начнут приносить реальные достижения. Люди, которые этого не понимают, сами обманываются, или их с легкостью обманывают, мол, тогда был только большой негатив, а вот уже якобы при Хрущёве и был покорен Космос. Однако что-то заложенные семена кукурузы по многим территориям или большой убой скота даже на час не сделали его мировым лидером, а только принесли вред. Именно чтобы подменить собой основателей СССР, он наделал столько вреда и дал, как раз, начало развала «всему зданию СССР», однако, на выросших ранесоветских плодах даже яростные антисоветчики ещё и могут спокойно жить и им есть, чем гордиться.

А вот, когда выдают некие кости или вещи за некие святыни, то это глупейшее суеверие! Так как одних святых, как основателей нового мира, наделяли нетленным телом и помещали в мавзолей. Они находились там в ожидании, пока их приемники не бросят к подножью символы поверженных врагов, что и было в СССР после победы в ВОВ. Однако если божий человек был особого статуса, то его последователи или духовные наследники делали всё возможное, но, чтобы никакой вещи и его тела не смогли найти после его смерти. Это делалось для того, чтобы их никто не смог выдавать за святыни, и чтобы люди не шли поклоняться им. Такие люди давали некое особое учение или пророчества, которые были из мира высшего, а после их смерти уже их ученики и распространяли по особому плану это учение. То есть, после ухода таких людей в иной мир, делалось всё, чтобы от этих людей НИЧЕГО не оставалось, и никто бы не обнаружил мест их захоронения и их останки. Потому археологи часто и не могут

найти даже намёка на какие-либо следы таких посланников. В давние времена посланники передавали всё в устной форме, но только по прошествии некоторого времени появлялись уже запечатленные учения или послания таких божьих людей. Потому-то казалось, что они писались гораздо позднее, чем говорилось о посланнике и неких его пророчествах или посланиях.

Итак, ещё в прошлой своей работе я писал, кем были поначалу эти боги, и тут напомнил, но главное, что сейчас не имеет значения, какое и у кого социальное положение! Божьи люди обладают Святым Духом, а смертные обладают падшим духом и уже пребывают в первой своей смерти, т.е. наследники или чада Божьи, как и чада от дьявола сейчас определяются только по духовной их естественности.

Бывают ли прегрешения у Божьих людей, а у нечестивых – благие поступки? Конечно, бывают и у Божьих людей прегрешения, но они могут и не обращать их в падших, а благие поступки грешных могут не обращать их в истинных. Это зависит от справедливого суда, где на одну чашу кладут всё, что свидетельствует о благом, а на другую – то, что свидетельствует о греховном, а также от степени содеянного благого или грешного смотрят, какая чаша перевесит, такой вердикт и будет! Потому, когда люди, кто бы такие ни были, пытаются без справедливого суда всех записывать в грешных, да ещё и приплетают согрешивших земного Адама и Еву, ещё приводят цитату уже из Нового Завета, мол, все согрешили и потому лишены славы Божьей, (изречение апостола Павла), то это непонимание не только Библии и той ситуации с посланным к иудеям Иисусом Христом, но это нечестивая попытка таким образом всех людей обобщить как чада дьявола.

Немного, опять же, дам здравого понимания, что есть проклятье, а что есть заклинания. Итак, когда человек официально и прилюдно в чем-либо клянется, но потом нарушает эту клятву, без форс-мажорных, так сказать, обстоятельств, то такой человек автоматически и становится клятвopеступником или проклятым. Заклинания – это мольба к некому человеку, чтобы он вспомнил некое обещание, зарок, клятву и не отступал от этого, а оставался бы верен этому. А все эти мистические бормотания или проклинания кого-то, притом невесть за что, это обычное шарлатанство и глупые толкования сути этих терминов. Порой такой бред несёт из различных СМИ, мол, цыганка просила одной девушке погадать, но та грубо ей отказала, цыганка тогда её проклала. Прошло время и вот проклятье цыганки СБЫЛОСЬ! Эта бывшая тогда девушка всё же в 92 года умерла, в окружении заботливых детей, внуков и правнуков. Либо иной суеверный бред, мол, один кладоискатель искал некий клад, но не нашёл, т.к. на клade было особое заклинание.

Надо всё же прийти и к пониманию терминов, например, кто такие язычники? Издревле язычниками называли людей далёких от культуры, от центров просвещения, от цивилизации, проще, это были люди низшего сословия или даже провинциалы, а общее значение «язычник» – невежественный человек, он может выглядеть респектабельно, но в душе он дикарь. Когда же Иисуса Христа посчитали за язычника, мол, что может доброго выйти из Назарета, то он не стал объяснять, откуда он. Однако Иисус показал, что и в столице полно как раз бывает невежд, а из небольших поселений могут выходить очень славные и одаренные люди. Самое интересное толкования атеиста – этот человек который не верит в воображаемых сверхбожественных или дьявольских существ, а прекрасно понимает, что за этими образами скрыты сами же люди, только одни добросовестные и непорочные, а другие нечестивые и порочные. То есть истинный атеист не отрицает ни богов и ни дьяволов, что стали выдумывать и приписывать к термину атеист, а этот человек, если не фанатик, то он более прозорлив в духовном, чем служители культов!

Конечно, есть ещё некоторые моменты, которые подлежат истолкованию, но это уже в другом из наших номеров.

На этом пока закончим.

РАЗГОВОР С МИРОМ МЁРТВЫХ

(как злоупотребление влияет на душу и дух - на психику и сознание)

Славик и Виктор получили хорошие премии, а в придачу ещё зарплату и отпускные. Виктор уже решил, как потратить деньги, а именно — съездить в отпуск и покататься по европейским странам. Славик с грустной завистью говорил, мол, везёт тебе, что ты не женат, а моя Люся уже категорически против моих поездок по курортам. Однако у Славика появилась идея сходить в ресторан, присоединившись к коллегам, тоже получившим премию и собравшимся отметить её, так сказать, культурно. Виктор как-то быстро согласился, наверное, на радостях.

В ресторане друзья обнаружили не только многих работников своего предприятия, но и почти всё начальство.

— Ещё бы начальство забыло себе премии выписать и, наверное, не такие, как у нас, — сразу же съязвил Славик.

— Давай, ты не будешь портить никому настроения и, главное, не напивайся, а то я сразу уйду! — резко оборвал его Виктор.

Однако, обидевшись, наверное, на весь белый свет, Славик сразу стал себя накачивать спиртным и уже более громко выражать недовольство «хапугами» начальниками. Виктор, не доев даже второе блюдо, встал и пошёл к выходу, бросив Славику: какой же, мол, ты дурак, давай пошли со мной или я уйду один.

— Ну и езжай в свое европейское турне, а я один с ними разберусь!

Дальше можно упустить многие детали, но Славик подрался с начальниками, поразбивал посуду, и его забрали в полицию. Проснувшись в полиции, Славик почувствовал во всем теле болевые ощущения, немного заплывший глаз и болевший нос. Ему выписали штраф за ночевку и сообщили, что он должен оплатить солидную сумму за возмещение ущерба ресторану. Сумма оказалась соразмерна его отпускным. От всех этих свалившихся на него несчастий, едва выйдя из отделения на улицу, он сразу же решил искать выпивку. С похмелья его начало сильно трясти, а магазины винно-водочные ещё довольно долго не будут работать. Он лихорадочно стал думать, у кого бы перехватить выпивки, хоть его голова и плохо работала, но он вспомнил, у кого всегда есть про запас. Купив у этого знакомого пару бутылок водки, он отправился домой, по дороге судорожно пытаясь сочинить некую оправдывающую его легенду для Люси, но её дома не оказалось. Трясущими руками он безуспешно пытался открыть замок, но тут напротив дверь открыла пожилая грузинка:

— Что такое случилось?

— Напали хулиганы и избili. Вроде, в драке ещё и солидную сумму потерял.

— Не надо мне врать, вчера вечером звонили и сказали, что тебя уволили с работы и отвезли в полицию. Зайди ко мне, посидим, поговорим, а твоя Люся уехала сразу к маме после звонка.

Славик согласился, ведь пить в одиночестве, особенно в таких обстоятельствах, как-то не хотелось. Сели у соседки на кухне, но та стала обоим разливать чай и приговаривать, что-то неутешительное, мол, беда в таких случаях одна не ходит.

— Вот напился так, что всего трясёт, голова болит, нос содран, под глазами два будет синяка, тело тоже болит, с работы уволили, жена ушла из дома, да и штрафы придётся оплачивать. Сколько бед ты сам для себя же натворил?

Славик так сильно не любил, когда он с похмелья, а Люся ещё начинала его так же «добивать», а его надо было утешать. Потому он резко встал, сказал пожилой соседке спасибо, а, уходя, в резкой форме заявил, мол, десять бед — один ответ!

Прошла неделя его сильнейшего запоя и Славик каким-то чутьём стал понимать, что ему самому не остановится, т.к. он не мог забыть свои беды спиртным, а образ его стал походить на самого последнего бомжа. Раздался звонок в дверь, он даже

обрадовался, думал, его Люся пришла спасать, но на площадке стояла всё та же пожилая грузинка. Она сообщила, что, пока он не закодируется, Люся не придёт домой и на работу его назад не возьмут. А, почему ещё и могут взять, так потому что переживают за то, как того поколотили.

— Славик, давай так, признай, что ты стал падшим человеком и ты — ходячий труп и тебе срочно надо закодироваться.

Славик понял свою безысходность и согласился, так как у него уже стали появляться некие «глюки». Однако он не согласился на кодировку, а сказал, что знает адрес хорошего экстрасенса, и тот ему поможет, ведь этот экстрасенс проводит ритуалы с миром мёртвых, и те уже помогают советами. Соседка устала, видать, стоять возле его порога и удалилась к себе. Славик, конечно, к экстрасенсу не пошел, а дошёл только до винно-водочного магазина, там он брал спиртное с расчетом на два дня, чтобы на второй день было чем опохмелиться. Но, когда же очухивался на другой день, то всё почему-то было выпитым. И вот как-то, проснувшись, он вдруг у себя в голове услышал голос соседки, опять про падший и ходячий труп. От неожиданности Славик перепугался и начал названивать тому знакомому экстрасенсу, мол, срочно нужна помощь. Экстрасенс сообщил, что они уже все собрались, потушили даже свет, и скоро начнется сеанс, но если ему так срочно нужно, то пусть заходит, двери для него будут открыты. Славик посмотрелся в зеркало, но с первого раза даже не узнал себя — на него действительно смотрел ходячий труп. Одежда его выглядела грязной, мятой, запах был ужасным, нос и всё лицо распухло, а белки глаз стали кровавыми — наверное, от давления полопались сосуды. Всё же он побежал к экстрасенсу. Дверь в квартиру была действительно открытой, но в прихожей был мрак, а, зайдя в плохо освещаемую комнату, он увидел сидящих за круглым столом каких-то пожилых дам и своего знакомого. Дамы возмущались, что сеанс с миром мёртвых задерживается. Экстрасенс, устав, судя по всему, ждать Славика, объявил, что они начинают, тогда все положили руки на стол.

— Дух падших из мертвецов, здесь ли ты? — при этом как-то устрашающе и шипяще спросил экстрасенс. И тут Славик хриплым басом объявил, мол, да он уже здесь.

Экстрасенс и его гости, видимо, не сразу и сообразили, что это говорит Славик и потому экстрасенс задал второй вопрос:

— А как звать тебя?

— Да я ходячий мертвец, твой хороший знакомый и пришёл к тебе.

И тут Славик вышел из темноты поближе к столу, там было светлее от горящих свечей. Однако, увидев в мерцающем свете жуткое лицо Славика и услышав его хриплый голос, пару тётушек упало в обморок, другие подняли такой визг, что Славику чуть не заложило уши. Его знакомый экстрасенс, видать, никогда не видел ходячих мертвецов, притом в теле как бы Славика, а потому тоже закатил сильную истерику. От всего этого и Славику почему-то стало сильно страшно, он с криком выбежал из квартиры и побежал к себе домой, но страх не отставлял его даже дома.

Самое удивительное, но после такого ужасного для всех сеанса по разговору с миром мёртвых Славик не пил полмесяца, а потом сходил и закодировался. К нему пришла его Люсенька, его взяли обратно на работу и даже возместили ему оплату за кодировку. Экстрасенс бросил заниматься с дамами этими сеансами, даже не потому, что стал после этого сеанса немного заикаться, а, скорее, потому что от тяги к миру мёртвых их вылечил Славик. А именно своим появлением в полуосвещенной комнате, со страшным хриплым голосом, с красными глазами, с опухшим лицом, в общем, ходящим мертвецом.

Краснодар

Дмитрий Мирошников

1984 года рождения. Сотрудник рекламного агентства. Участник литературного объединения «Интенция», бывший организатор городского конкурса поэтического мастерства «Свободный микрофон», публиковался в ряде номеров литературно-публицистического журнала «Альт» (Краснодар).

В чём тайна истинного выбора свободы?
Возможность двигаться, смеяться и дышать.
Возможность жить и нарушать законы,
Которые должны существовать
Из года в год,
От века в век.
Которые придумал человек,
Чтоб оправдать немилость небосклона,
Чтоб оправдать тот несуразный бред,
Чьему велению следовать мы склонны,
Чьё имя разум – воля поколений,
В кулак зажатый, ради главной цели –
Мир вечно новой жизнью наполнять.
И в кубики рассудка сложен хаос,
Непостижимому стремясь название дать.

Вероника Еременко

Родилась в 1993 году в городе Краснодаре. Интерес к литературе у меня появился в раннем детстве. В 10 лет я написала своё первое стихотворение. Также увлекаюсь рисованием. Люблю путешествовать, читать. Любимый поэт – Сергей Есенин.

Венец бесчестия себе кладу на плечи,
И говорю, что больше не живу,
Что выживать не в силах – я не вечен,
Я будто по течению плыву.

Иссохли вены, разрубили жилы
И выпили мою живую кровь,
Прозвали телом, а попроще – тылом,
Чтобы прикрыть поганую любовь.

Плоть истерзали и изрешетили,
И вывесили на людской простор,
Любуйтесь, дети, вот такие были,
Со всех сторон уж слышался мне хор.

Убоги эти языки пророков,
Которые бубнят себе по нос,
Что нету человека в теле строгом,
И нету человека без оков.

Елизавета Двоеглазова

А вечность – да что до вечности?
было б что...
Я так, петушком, петушком,
и кому какое –
добраться али довраться до силы той,
что вечно хочет лобзаний,
а клянчит покоя.
Одна из тех заполошных серебряных жён,
влюбляясь в поэта после стихов,
влюбляясь в стихи после поэта,
я медленно пячусь, мнусь
становлюсь коржом,
виражом исторического рулета.

Татьяна Бобровская

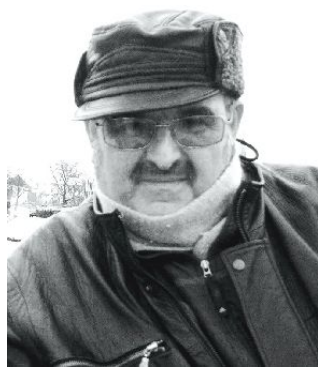
Хандра

Когда хандра накатит – жизни смысл
Теряется в однообразье буден.
Невольно вспоминаешь ты свой путь.
Он с юности был и тернист, и труден.

Но «всё проходит» – это изречение,
Что к нам пришло ещё от Соломона,
Даёт надежду обрести покой,
Не нанеся морального урона.

А если уж совсем неумогу,
На сердце боль, в душе пустая яма,
Налей в бокал хорошего вина,
Открой и почитай Омар Хайяма.

Александр Ралот

Автор пятнадцати книг. Публиковался в периодических изданиях: Литературно-художественный журнал «Южная ночь», «Земляки», «Метаморфозы», «Созвучие», (Беларусь), «Зарубежные задворки», «Эдита» (Германия), «Новый континент» (США), «День литературы», Русско-Новозеландском Вестнике «Наша Гавань», «Планета писателей», альманах «Чайка», «West US» (США), «Что есть истина?» (Великобритания), «Лица», «Таврия», «Русский переплет», «Камerton», «Приокские зори», «Таврия литературная», «Огни над Бией», «Кольцо А», «АЛЕКСАНДРЪ», «Южный остров» (Австралия) и др. Член Союза писателей России. Победитель конкурсов «Золотое перо Руси», «На пути к гармонии» (Белорусь), «Плавская осень», «Венок Победы», «Поэт и гражданин», лауреат Международных конкурсов: «Кавдолия», «Белая акация». Финалист всероссийских конкурсов «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь», международного литературного форума «Славянская лира», «Русский стиль» (Болгария), памяти Али Герасимович. Награждён медалями им. И. Бунина и им. М.Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А.Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе».

Проходимец

На основе реальных событий.

У главного героя великих произведения Ильфа и Петрова существовали некоторые разногласия с действующей властью: она желала побыстрее построить социализм, а он нет. Разногласия действующего лица моего рассказа с императором Романовым тоже существовали. Самодержец утверждал, что воровать грешно, Свавов придерживался иного мнения.

1887 год София. Фешенебельный отель «Лихтенштейн».

Битый час цирюльник ожидал вызова в президентский люкс. Но настроение от этого хуже не становилось. Ещё бы, ведь именно его, а не кого-нибудь другого, пригласили обслужить французского графа Де Лортека! Заплатили щедро! А какие могут быть чаевые! Если он сумеет угодить высококородному клиенту! Ещё пара подобных заказов – и можно думать о расширении своего маленького бизнеса.

Но то, что произошло двадцатью минутами позже, не мог представить ни брадобрей, ни клиент.

– Не он! Точно! Подбородок этого господина мне хорошо известен! Я его брил! И не раз! В империи! Он не француз! Это другой человек, из России!

Как и многие из нас, не умел мастер помазка и бритвы держать язык за зубами. А посему остался без щедрого вознаграждения, а несостоявшийся клиент – без болгарского трона.

Софийская полиция, от греха подальше, экстрадировала лжефранцуза в Российскую империю.

1937 год. Шанхай. Китай. Полуподвальная каморка.

В этот день Никита Генрихович Свавов разоткровенничался. Виною тому обаятельная журналистка Стефана Бедельсон, прекрасно знавшая своё дело.

– Де Лортек это, скажем так, ваш профессиональный псевдоним? – женщина поставила галочку в блокноте, исписанном убористым почерком.

– Вовсе нет. Я потомственный дворянин. Матушка Свавова, в девичестве, графиня де Лортек.

С минуту помолчав, журналистка внимательно посмотрела на собеседника и вдруг выпалила: – А расскажите, с чего всё началось?

– Что началось?

– Мммм, как это будет по-русски? Грехопадение.

Интервьюируемый нисколько не смутился. Наоборот. Его лицо посветлело, а в глазах забегали чертенята.

– Так назначили же!

– То есть? Не поняла?

– Это история длинная.

Вместо ответа женщина демонстративно перевернула страницу блокнота и приготовилась записывать.

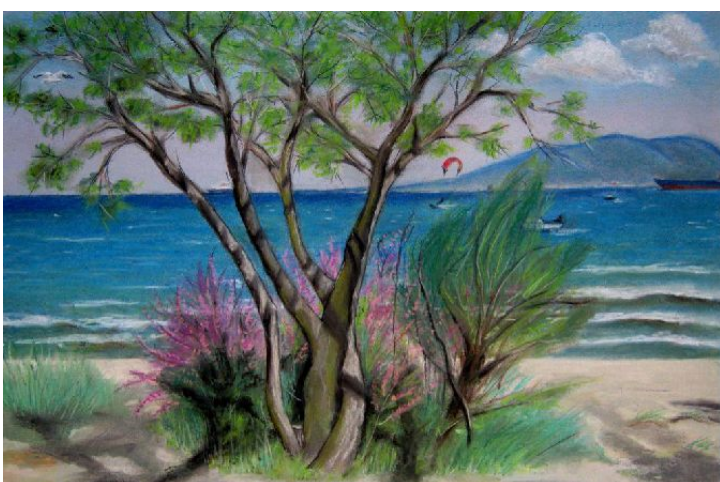
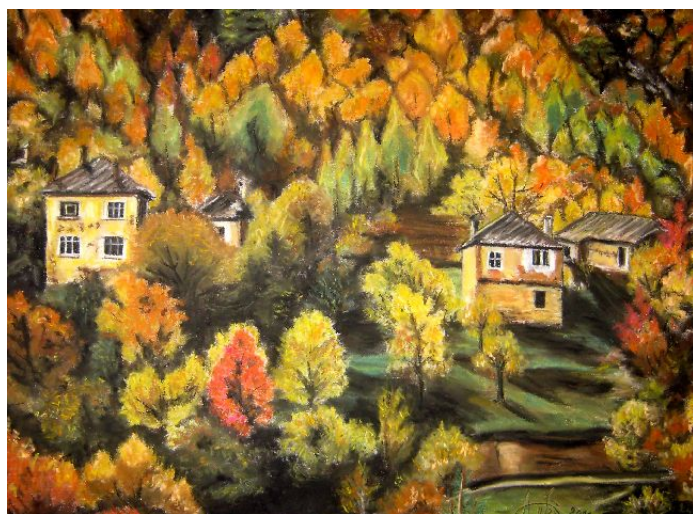
– Я в молодости не обладал даром великого актёра или оратора-политика. Хотя, чего греха таить, Всевышний вложил в меня некие частицы этих ремёсел. Плюс к тому, тягу к изучению чужих языков. Знаю их штук десять или двенадцать. И кое-кто это оценил! – старик ждал вопроса, но журналистка писала, не поднимая головы, и он продолжил. – В молодости развил в себе ещё один талант. Обладал способностью чувствовать себя как рыба в воде в аристократическом обществе. Однако для этого требовались немалые деньги и соответствующий прикид.

– И как же решали эту проблему? – поинтересовалась собеседница.

– Элементарно. Вам, наверное, известно, что в те годы я на законных основаниях носил военный мундир офицера. Облачившись в него, посещал мастерскую по пошиву элитной обуви. Просил изготовить дорогую пару модных туфель. После чего поспешал к конкурентам и делал аналогичный заказ. В положенный срок приходил за обновкой и требовал переделки правого ботинка. Утверждая, что тот нестерпимо жмёт. При этом левый забирал с собой. В другой мастерской

продолжение на стр. 52

начало на стр. 49

мне уже не нравился левый! И вуаля! Ваш покорный слуга, не заплатив ни копейки, щеголял на балах и светских собраниях в дорогой паре новенькой обуви.

А трюк с засахаренным тараканом, обнаруживаемым в ресторанном десерте, в скорости стал классикой. До сих пор успешно используется авантюристами разных стран. Вы можете не поверить, но я горжусь выдумкой с участием мёртвого насекомого.

– Вы упомянули, что получили приказ из некой секретной службы. Расскажите поподробнее.

– Барышня! Приказать Свавову не может никто! Что помню, поведаю. Извините, ежели детали этого дела запамятовал. Возраст, знаете ли, не тот. Многое забывать стал. Было это, кажется, в феврале 1872 года. Из Канцелярии Императора в жандармерию переслали письмо, адресованное одному из членов царской семьи. Некая особа, по имени Фанни, банально соблазняла племянника Александра Второго. Обыденное дело. В Российской империи подобных дамочек пару-тройку сотен сыщется. Однако шеф жандармов Пётр Шувалов, не без основания, полагал, что мадмуазель завербована германской разведкой. О моих способностях этому господину было известно многое. Вот он и предложил вашему покорному слуге, в обмен на амнистию по прошлым аферам, сделать так, чтобы воздыхательница навсегда забыла о существовании богатой дичи для любовной охоты. Деваться некуда. Пришлось стать другом высокопоставленного вельможи и как можно скорее оказаться в его свите.

Журналистка отложила ручку. – Припоминаю. Об этом писали крупнейшие газеты. Кажется, у матушки молодого князя пропали бриллианты и другие украшения. Тем не менее доблестная полиция Российской империи быстро отыскала их в ломбарде Санкт-Петербурга. В светских салонах шептались, что высокородный сынок это и организовал для бесперебойного финансирования всё возрастающих потребностей некой танцовщицы, по имени Фанни. Я ничего не путаю?

Старик кивнул. И продолжил. – Царская семья быстренько спустила дело на тормозах. Князя объявили больным и сослали куда подальше. Меня же выгнали со службы. Да я об этом нисколько не жалел. Вырученных денег хватало на шикарную жизнь за пределами империи. За сутки мог обзавестись паспортом любой страны и стать доверенным человеком в свите высокопоставленного вельможи.

– А героиню этой авантюры, надеюсь, арестовали?

– Успела удрать за границу. И тут же состряпала книжицу мемуаров. Для убедительности опубликовав в ней полный текст писем опального члена царской фамилии.

– Вы ведь тоже осели в Париже? Не так ли?

– Свободный город. Лёгкие нравы. Выдал себя за идейного политэмигранта. По приезду организовал интервью прикормленным газетчикам. Откровенно поведал, что царские побрякушки реквизирует исключительно для нужд будущей революции. Потом меня перестали пускать казино Монте-Карло.

– Почему? – Стефана удивлённо вскинула брови. – Проиграли все деньги?

Нет, конечно. По старой привычке устроил скандал. Орал, что прилюдно разденусь догола, тем самым докажу, что меня обобрали в столь приличном заведении. В качестве компенсации потребовал тысячу франков. И получил! Чуть позже прочёл в газете: «Итальянской армии требуется не один десяток табунов породистых лошадей». В знании особенностей коневодства равных мне не было. Вот и выходит, что сам Бог велел развести «макаронников» на многомиллионный аванс. Но заметьте. Из этих денег я честно погасил государственный болгарский долг. Хотел преподнести на блюде «братушек» Российской Короне. А попутно стать царём Болгарии! Если бы не гнусный брадобрей, то всё бы удалось!

– Кажется, после этого случая за вашу персону взялись основательно. Упрятали в далёкую Сибирь!

Вместо ответа старик с трудом поднялся. Вынул из тумбочки пожелтевшую газету. Протянул гостю.

«Ленский листок» информировал, что гражданин С.. умудрился продать местному купцу пять тысяч вёдер спирта с завода, существующего исключительно на бумаге.

Через пару недель после этого интервью «великий комбинатор» очутился в госпитале католической миссии. Цирроз печени не оставлял никаких надежд на благоприятный исход. Поняв это, старик потребовал к себе Православного священника. Сердобольные люди отыскиали в окрестностях только монаха-единоверца.

Проходимцу пришлось исповедоваться ему. Но даже заглядывая в лицо смерти, великий обманщик, мягко скажем, лукавил. Утверждал, что отыскал в Китае сына, которого родила, брошенная много лет назад, любовница. И последняя, неудавшаяся, афера с продажей вагона часов затеяна исключительно для того, чтобы оказать материальную помощь молодому человеку.

Вечером Никиту Генриховича уже отпевали в малюсенькой церквушке, приютившейся на окраине большого города. Монах, опуская в могилу измученное тело, бросил в неё горсть русской земли, привезённой им с далёкой Родины.

КРАСНОЯРСК

Эльдар Ахадов

Обладатель Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси» (2007 г.), индивидуального губернаторского гранта Красноярского края за 2008 год и литературной премии «Золотой листопад» за произведения для детей (Восточная Сибирь, 2008 г.), лауреат Всероссийского литературного конкурса имени В. М. Шукшина «Светлые души» (2006 г.) и Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2007 г.). В 2009 году Ахадов стал соавтором книги «Путешествие по Красноярскому краю» – уникального школьного пособия по национально-региональному компоненту. Член Союза писателей России, Международного литфонда и множества других литературных организаций, делегат 4-го съезда писателей Сибири. Центр национальной славы России в 2010 г. объявил его победителем всероссийского литературного конкурса «Святость материнства».

ОЧАРОВАННАЯ ДУША

Как-то раз душа заблудилась. С ней это случалось и раньше. Но в тот раз – уж точно: окончательно. Одинокая душа, заблудшая, стоит между трёх сосен и плачет. Жалеет себя. Если бы одна сосна была или хотя бы две, то она, может, и выпуталась как-нибудь. Но три! Это уже – лес, тайга, глухомань...

Чу! Вдалеке послышался топот. Время скачет мимо леса – само не своё. Потерянное какое-то. Проскачет чутко, остановится и озирается, своих ищет.

– Эй! – рванулась душа, – э-ге-гей! Помогите! Спасите! Перепугалось время. Как шарахнется подальше от леса в чисто поле. Только его и видели.

А душа – как рванулась, так и стоит нараспашку. Холодно на ветру. Мёрзнет. Оглянулась, а лес-то кончился. Все три сосны – позади. В чистом поле хорошо видеть: нигде ни единой дороги, всё снегом замело. Поглядела душа в небо, а там ворон чёрный кружит. «Видать, судьба», – решила она, заблудшая, и закрыла глаза. Подхватило её что-то и понесло через поля чистые, через моря бурные, через горы высокие...

Слышит она: птички поют, цветами нежными пахнет... И так ей стало хорошо, что она нечаянно заснула. Просыпается – в хоромах белокаменных. Вокруг неё бояре в халатах белых хлопчут, в себя её, заблудшую, возвращают.

И вот вернулась душа в себя, лежит в белоснежной постели, как царица, обеда дожидается, гадает: что принесут? Кашу-размазню или овсяную? А компот из сухофруктов – будет ли?

Тут в палату боярин заходит – дородный, при бороде, при очках: красавец писанный. Душа сразу в него влюбилась. Надо же доброй душе любить хоть кого-то? И вот спрашивает она его:

– Не ты ли судьба моя? Не ты ль спасла меня, заблудшую: из беды вызволила, в когтях молодецких сюда доставила? Как же мне тебя не любить теперь? Давай, поженимся!

Задумался боярин, бровки свои чёрные, густые насупил, а потом вдруг просиял лицом и молвит душе спасённой голосом медовым, душеспасительным:

– Не судьба я тебе, душенька. Не судьба.

– А кто?

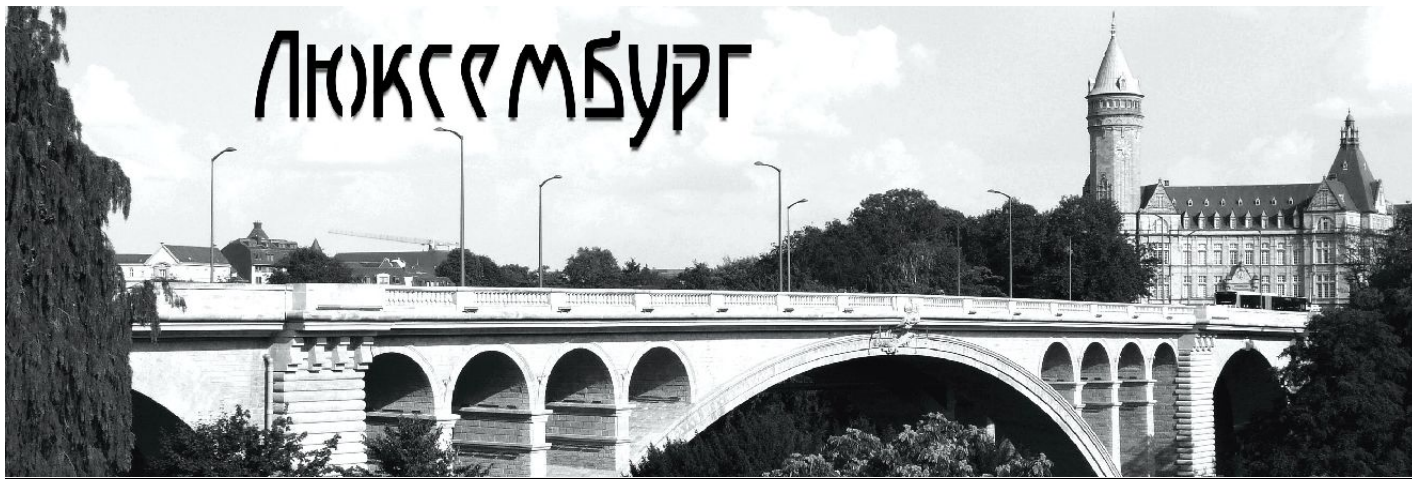
– Я – ангел-хранитель твой. Я тебя, душу заблудшую, спасаю. В себя тебя возвращаю. И признаюсь открыто: не одна ты у меня. Много вас.

– Так что же мне делать теперь? Кого любить прикажешь, боярин, как не спасителя своего?

– А люби ты людей, и не только добрых, но и потерянных временем, душами заблудшими покинутых. Помогай им. С душами-то которые, тех любить легко. А ты – и тех, и этих люби, не сдавайся. Помогни им и тогда, когда станут кричать на тебя, от помощи отказываться, смеяться над тобой... Не бросай их. Я тебе помог, а ты им помоги.

И ушёл боярин. А душа осталась в палате – очарованная, влюблённая, готовая ради людей – на всё.

Люксембург

Марина Гарбер

Родилась в 1968 году в Киеве. В эмиграции с 1989 года, жила в США и Европе (Италии и Люксембурге). Закончила с отличием аспирантуру денверского университета (штат Колорадо), факультет иностранных языков (русский язык и литература, итальянский язык). Преподаватель русского, итальянского и английского языков в колледжах. Автор четырех поэтических сборников («Дом дождя» (Филадельфия), «Город» (Киев), «Час одиночества» (Филадельфия), «Между тобой и морем» (Нью-Йорк)). Автор более сотни публикаций. Стихи, переводы, рецензии и эссе публикуются в литературных изданиях США, России и Украины («Новый журнал», «Встречи», «Побережье», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Стороны света», «Грани», «Рубеж», «Ренессанс» и др.). Зам. главного редактора литературного ежегодника «Побережье» (Филадельфия). Член редакции «Нового журнала» (Нью-Йорк). В прошлом со-редактор альманаха «Встречи» (Филадельфия). Участвовала во многих поэтических антологиях. В настоящее время проживает в Люксембурге.

* * *

А в птичьем мире снова кутерьма,
Кого-то там клюют, кого-то кличут,
Кромсают день, как мертвую добычу,
И ствол вишневый, словно рябь письма,
Мне ведает про эту долю птичью.

Пойдем, пойдем туда, где время ждет.
Где ты мне снишься зло и еженощно.
Такой высоко-грустно-светлый, точно
Сон – это явь, а не наоборот:
Минуты сыплются, в окне шурша песочно.

И я ищу тебя в своих стихах,
В вишневых письмах, в птичьем крике-гаме,
Вожу тебя-любившими-губами
По воздуху, где о семи холмах
Нежданно Рай раскрылся перед нами.

Ищу тебя и вновь не нахожу,
Лишь чувствую присутствие и даже
Предчувствую, описывая страже
У Райских врат, и глаз не отвожу,
Когда редеет сон – прозрачней, глаже...

А в нашей яви пятятся года –
Не по холмам, а плавною рекою,
Ты жив, ты рядом... Но над головою,
Ты слышишь, птицы нас зовут туда,
Где нет тебя и всё же ты со мною.

* * *

...И всё, что ты скажешь потом, оборвется, слетит,
Пойдет под откос, как вагон на крутом повороте.
И всё, что ты сделаешь после, пускай бередит
Смертельною раной – воронкой в таежном болоте.

Потом, когда – точками – язвы над долгими «и»
Улягутся, кровью пойдут, зачернеют на белом,
Мне будут еще вспоминаться обеты твои:
Молчания, верности, преданности – не телом,

А тем, что легко воспаряет над этим столом,
Над нашей вечерей, над скатертью в розовых пятнах.
И всё, что ты сделаешь после и скажешь потом,
Мне будет, как мертвый язык, бесполезно-понятно.

О, как по-мужски я сдержу этот стон, удержусь
От каверзных слез, от нелепой девической драмы.
Спрошу: «Это снег или дождь?». Это северный блюз
В стекло-барабан отбивает свои телеграммы.

Пока еще штиль – архаичная, спелая тишь,
И в ней назревают слова снеговою каплейю...
Но всё, что ты скажешь, и всё, что во мне умертвишь,
По-бабы – навзрыд – голосит за прикрытую дверью.

ПОЭМА ОДНОГО

Иногда о тебе, иногда о земле и небе –
 То есть о тех, кто рядом и кто – в бесконечности,
 Никогда о себе, ибо «я» – это просто Liebe,
 Полушутя рассказываю о вечности.
 Мой язык не богат на рифмы, все рифмы – мимо:
 «Кровь-любовь», «неба-хлеба» – приметы плоти.
 По-английски «рифма» – с горчинкой тмина,
 А у нас – колючие рифы, вроде
 Тех, что теснятся на скалах далеких Греций:
 Обомлевший коралл, ни кровинки в шершавом теле –
 Наша рифма, красителей или специй
 Всего мира не хватит... На самом деле,
 Я пишу о тебе, даже если вломила осень,
 Даже если вот так – отвлеченно – о том, об этом.
 Если сбивчиво, то не взыщи – так просинь
 Разбавляет ночь, не предвещающую рассвета.
 Изовьюсь поименному, сброшу кожу
 Вместе с тем, что прилипло к ней, прикипело
 (В междустрочье прочти, если можешь: ношу;
 В междустрочье увидь, если можешь: тело).
 Мы с тобою – нигде. Это дух кочевья,
 Это легкий, черненный наш крест изгоев.
 И в узоры сплетает стволы деревьев
 Бог-художник, назвавший картину «Двое».
 Мы с тобою – одно. О дно, как оземь,
 Как с высот – в глухоту, в немоты провалы –
 Разобьемся. Так листья роняет осень,
 Так вот слезы... А, впрочем, уже немало
 Понасказано на языке, на щедром...
 Помолчим? Так «одно» молчит, а не двое.
 Мы с тобой – за сотысячным километром,
 Где поэмы обходятся без героев.
 Помнишь ветер Испании? О, ее несмолкающий ветер!
 Обезглавленность пальм на одичавшем пляже.
 С Богом все говорят по-испански – дети,
 Ветер, море, песок, рыбаки и даже
 Пальмы, точнее, то, что от них осталось:
 Онемевший ствол – белый столп из забытой сказки.
 Нам, как ветру, нужна высота – самая малость.
 Мы, как дети, у ветра подслушиваем подсказки.
 Иногда я пишу для тебя чужими,
 Незнакомыми буквами: будь то «свят» иль «светел» –
 Всё едино. Давай воспарим над ними –
 До безбуквенности! Как южный испанский ветер...
 Направление не важно, если сильны истоки:
 Наводнит, унесет... Предсказание неуместно.
 Если дышат отрывисто эти строки,
 Значит, слово есть шаг, а бумага – бездна.

* * *

Я иду к тебе поступью тигра – в капкан –
 С упоительным рвением, не замечая
 Ни людей, затаивших дыханье, ни ран
 Мне обещанных... Так обещанием рая
 Оправдаются слезы, мозоли и пот
 Подневольных на воле, свободных в темнице.
 Я иду к тебе медленно: медом из сот,
 Что, расплавившись, дышит: струится, струится...

Я иду к тебе: солнце восходит, но я
 Не взойду – не спущусь, пусть барьеры – горою!
 Я иду к тебе – к пешему пешей: земля
 Так идет к себе равному – синему морю.

Пусть пришпоренный снег замедляет пути, –
 Мне и снег – проводник, мне и выюга –
 подруга.

Я иду к тебе – я не могу не идти! –
 Терпеливо и долго: по кругу, по кругу...

И, ослепшая от ледяной белизны,
 Долго шедшая – да по отвесному краю,
 Из прошедшего – из непрожитой жизни – сны
 Разожгу, разукрашу да разыграю.
 Растревожу! Пурга так пурга! В снегу
 Отыщу тебя, в адовой тьме крошечной
 И в раю непотерянном... На бегу
 Лгу-твержу себе, будто иду неспешно...

А у времени в жилах стоит вода:
 Тренированной, смелой рукой хирурга
 Выжигает – да по сердцу! – «никогда»,
 И кружит между Питер- и Люксем-бургом,
 Время жжет: «никогда», «ни один», «нигде»,
 Время жжет, и огнем его не согреться!
 Будет сердце – кругами, да по воде!
 Будет смерть отражением ста Венеций.
 ...Но качнувшейся капелькой на стекле
 Зазвенит (и не колоколом по раю!)
 Голос: «Знаешь, как долго я шел к тебе?..»

* * *

*Человек человеку – Бог!**Л. Фейербах*

Сгорает Рим под чье-то «улю-лю»,
 Хрустят, как соль, иссохшие поленья,
 И что – мое несмелое «люблю»,
 Когда империя томится на коленях?
 Ты – эта соль: по горсточке в ладонь
 Ссыпашься и жжешь. Первопрестольно
 Сгорает Рим! И ты – его огонь,
 Незнающий, что делает мне больно.
 А где-то музыка, чеканящий тромбон,
 Веселый бубен, «до-ре-ми» базара.
 Нет, не огонь, а золото корон,
 Не гарь, не дым, а сердце – паром, паром...
 Высокий мой, мой статный, облака
 Плечами задевающий невольно,
 Печет прикосновением рука,
 Не ведая, что делает мне больно.
 А в переулках – голуби на мед
 Последней осени слетаются и кличут:
 «Угу-угу...» Ответь, который год
 Подряд я умираю?.. Но обычай
 Не позволяет просто снизойти,
 Сказать: «Пойдем дороною окольной»,
 А я могла бы, я могла б идти
 Из Рима в Рим, где не бывает больно.
 А там, наверно, звон под купола
 Сзывает неустанных пилигримов,
 «Быть иль не быть», «была иль не была»,
 Как коршуны, не мечутся над Римом.
 Иду, не уставая от дорог,
 Вслед за тобой к столице хлебосольной.
 Ведь сказано: не брат, не волк, а Бог –
 Тот человек, что делает мне больно.

Интеллигент

МАГАДАН

Петр Цветков

Родился в 1975 году в городе Магадане. С детства увлекается охотой и рыбалкой, свою жизнь неразрывно связывает с Колымой. По трём образованиям и призванию автотранспортник. В рамках общественной деятельности проводит много встреч с жителями города и области, активно участвует в решении их проблем.

Ночь в лесу

На сентябрьском небе столько звезд, больших и маленьких светящихся точек, словно все искры от костра, подхваченные вихрем морского бриза, взмыли вверх, и на мгновение остановились, на показ, всем на обозрение. И от них очень трудно оторвать взгляд. Забываешь об усталости и ноющих от дневного перехода коленях. Слышится только треск углей в затухающем костре и черное небо с мириадами звезд перед глазами. Столько звезд можно увидеть лишь в юности, они останутся в воспоминаниях, и с возрастом их становится все меньше и меньше, потом они тускнеют и теряются в небесной черноте. Я пытаюсь заснуть, прижимая к себе ружье. Постель, наскоро выстланная лапами кедрового стланика, мягка и ароматна. А в закрытых глазах брусника, брусника, крупная как вишня, рассыпанная бордовым ковром по белому мху.

Лес вокруг затих, он устал и засыпает вместе со мной, растворяясь в темноте. Засыпают птицы и тот медведь, что не давал мне покоя целый день. Взрослый, с рыжей широкой спиной, он следовал за мной по тропе от самой избы, выдавая себя тяжелым дыханием, треском поломанных веток и шелестом сухой листвы. Три раза он обгонял меня, срезая путь через ольшаник, оказывался впереди. Он останавливался, смотрел на меня, повернув голову назад, и, увидев мое приближение, с шумом убегал в кусты. Затем снова оказывался впереди и шел, виляя коротким хвостом, как будто он мой пёс. На больших полянах я останавливался для сбора брусники, медведь же бродил в нескольких метрах, не поднимая головы и не обращая на меня внимания. Он ел ягоду, вытягивал длинные губы и ловко «причесывал» брусничник. Медведь не проявлял никакой агрессии ко мне, его постоянное присутствие уже не беспокоило меня, и я начал ловить себя на мысли, что стал меньше следить за ним. А внутренний голос все время мне твердил, что он медведь, а не моя собака, призывая к бдительности. Хотя к обеду я уже стал разговаривать с ним, как со своей собакой, делясь самым наболевшим за дни, проведенные в одиночестве в лесу. И, как мне казалось, он иногда соглашался со мной, кивая своей лохматой головой. Потом был привал на обед, и мой спутник совсем осмелел и подошел ко мне метров на пять, почуяв запах свежего варева с тушенкой. Я крикнул, пытаюсь его прогнать, а он лишь сел на зад, отвалив в сторону лапы, с шумом вдыхая ноздрями приятные запахи, и не сводил с меня глаз. И я, понимая, что такое сближение может плохо для меня закончиться, встал и начал громко кричать пока он не ушел. Медведь сначала отскочил на несколько метров, потом повернулся ко

мне, посмотрел и обиженно рывкнул. Он побежал назад, в сторону избы, что не могло меня не радовать, давая надежду на спокойное продолжение пути и комфортную ночевку...

Ночь обещала быть холодной, и я сложил костер из трех толстых лиственниц и заготовил веток на подтопку. Темнело стремительно и я сразу лег, стараясь быстрее заснуть. Мысли о сегодняшнем общении с медведем не давали покоя, да еще эти звезды на невероятно прозрачном небе, от которых не оторвать глаз, потом эта брусника. И я все ворочался, подставляя теплу от костра то один бок то другой. А потом начался сон – цветной и яркий, в котором я увидел весь свой сегодняшний день и медведя, который разговаривал со мной. Он рассказал мне об одиночестве в лесу и о непонимании медведей людьми, и мне его стало очень жалко. Я позвал его к себе, чтобы обнять, и он стал лизать мне лицо, как преданный пёс. Сквозь сон явственно почувствовался шершавый мокрый язык на моей щеке, и еще раз он прошелся по правому глазу, и еще. Меня как будто ударило током, схватив рядом лежащее ружье, я вскочил на ноги. Я попытался закричать, но от испуга грудь сдавило, словно в тисках, и я выдавил нечто похожее на мычание. В кромешной тьме я с трудом разглядел рядом со мной виляющую хвостом собаку. Это она лизала мне лицо, пытаюсь разбудить. Я узнал ее, это была лайка Сергея, моего знакомого, который охотился в этом районе, и мы часто встречались в лесу. Стало быть, ее хозяин остановился на ночлег где-то недалеко, и собака, учуяв, пришла ко мне. Я потрепал ее за ушами, как она любит, и она залезла мне на руки и принялась снова лизать мне лицо, потом спрыгнула и исчезла в темноте, видимо решив вернуться к хозяину. Как же хорошо, что это был не медведь. То ли от испуга, то ли от холода, тело мое стало словно чугунное, ни руки ни ноги не слушаются, колотит озноб. С трудом оживил костер и поставил греть воду.

Я наслаждаюсь горячим чаем и жгу жаркий стланик, служивший мне ночью постелью, думаю о вчерашнем медведе, одиноко бредущему по лесу в поисках нового собеседника на ночь. На часах уже без четверти шесть и на вершины сопков со стороны моря стал пробиваться рассвет, по-осеннему белый, предвещающий утренний заморозок. Я наблюдаю, как свет, спускаясь по склонам сопков, проявляет растения и камни, окружавшие меня ночью, вытесняя пустоту ночи. Открывая мне путь домой. Эта ночь была лишь мгновением в моей жизни, одной из многих, проведенных в лесу, но она останется в моей памяти навсегда.

Москва

Зинаида Кокорина

Живёт в г. Королёве МО. По образованию инженер-энергетик. Поэт, публицист и пишет для детей. Писать начала с детских лет. С 1994 г. регулярно публикуется в различных изданиях, в это же время начала писать для детей.

Её стихи вошли в альманах г. Королёва «Большевский Парнас», 2010 и в детский журнал «Либерия» (2011 – мюзикл). Является лауреатом премии конкурса С.Я. Дурылина по детским произведениям 2010 г. (3-е место). Изданы сборники стихов «Не по радуге-дуге», 2004 (Москва), «В осеннем танце», 2009 (Москва), сборник прозы и стихов «Птица вольная», 2011 (Москва); детские сборники стихов, 2004, «Солнышко для всех», «Мой зоопарк», «Остров мечты». Детские книжки «Солнышко для всех», «Времена года», «Весёлый паровоз» издают «ЛИНГ» и «АЛТЕЙ» с 2005 года.

Член ЛИТО им. Новикова-Прибоя, г. Королёв, Союза писателей-переводчиков МОСПР, МСП «Новый современник», редсовета журнала «Московский BAZAR», Московского Салона Литераторов.

Ночная бабочка

Зачем, впорхнув в открытое окно,
ты пламя фонаря ночного обольщаешь;
танцую рядом, тело, крылья обжигаешь,
трепещешь обезумевшая?.. Но,
упав к моим ногам без чувств от ран,
вновь судорожно поднимаешь крылья,
пытаясь побороть боль и бессилье...
И вот, расправив резко гибкий стан,
опять уже порхаешь у огня...
Ночная бабочка, как мы с тобой похожи:
объятий пламенных и ты желаешь тоже.
Возьми в полёт свой дерзкий и меня!

Земля родная! Я хочу опять
Припасть к тебе, как к маминой груди.
Хочу твоим дыханьем тёплым стать,
Лёд растопить, перетерпеть дожди...

Хочу с тобой единым пульсом слиться
И, растворившись в сладких ароматах,
В далёком детстве снова очутиться,
Забыть о болях, горечах, утратах...

И пусть потом печаль с моих ладоней
Уносит в небо ветер озорной!
Пусть с пеньем птиц,

со звоном колокольным

Сойдёт на землю милую покой!

Культура поэзии –
времени веянье...
Метафоры свежесть пробилась
ключом!
Красиво читают верлибры нам
гении...
Досадно, когда непонятно
«О чём?»
Понять дисметричность стиха
виртуального
пытается кто-то.
Увы!.. Не дано.
Витает заблудшее ваше
сознание
по лирике Фета и Пушкина...
Но,
хоть время и вносит
свои коррективы –
неоспоримы
законы природы.
Реальность
меняет сюжеты, мотивы...
В октавах
созвучны всё те же аккорды...
Что эти – поэты,
а те – графоманы,
просеет эпоха:
кто был, а кто есть...
Но будут во все времена
актуальны
и красота,
и духовность,
и... честь.

**ИЮНЬ НА
СЕВЕРНОМ МОРЕ**
(ЯС. Японский сонет-
ренга)

ДЕНЬ

Хмурое небо.
Туч кучевых полотно
Падает в море.
Северный ветер.
Волны по пляжу стеной.
Кружево пены.
Воздух пропитан сырой
Запахом моря.
Чаяк ликующих крик...
Вольному воля.

УТРО

Всхлипнула чайка.
Робко касается луч
Краешка рамы.
Шелест прибоя.
Ветер очистил от туч
Сонное небо.
Нехотя шторм отступил.
Море вздыхает...
Кот появился в дверях,
Доброе утро!

Т Е Л О

(фото в газете «Жизнь»)

Есть в «жёлтой» прессе
модная страница:
шедевр фото –
полуголая девица.
Естественно, что не Даная:
эпоха Рембрандта иная –
творил художник кистью
и душой!
Здесь топ-модель за гонорар
(какой?).
Фасон наряда не мудрён:
с плеча спадающий шифон,
минуя чувственный сосок,
смещается наискосок...
Полупрозрачная дорожка
под стройной исчезает ножкой...
Всё схвачено не как-нибудь:
слегка – наверняка – чуть-чуть...
Под модной шляпкой невысокой
прищур с интимной поволокой.
В улыбке вызов и сарказм:
«Скажите, чем я не соблазн?!»
Какое самовыражение –
подать себя на обозрение...
Да, телом дева хороша!
Жаль, что отсутствует душа.

ВСЯКОГОВОРКИ
(для детей и взрослых)

Осу, несмотря на присутствие жала,
Болотная Жаба весьма обожала.
Была нужна подкова Блошке,
Как маникюр Сороконожке.
Змея Хабу живёт за триста лет (!)
И никаких не надо ей диет.
Трудиться Пчёлка обожала,
А потому всегда жуж-ж-жала.
Луна за тучку зацепилась...
Не то б упала и разбилась.
Так долго по дереву Дятел долбил,
Что к Белке в дупло тайный ход прорубил.
Пустили как-то слух о Бегемоте,
Что лечится он ГРЯЗЯМИ в болоте.
Упал с потолка на Бычка Паучок,
Свалился от страха Бычок на бочок.
Лиса свой имидж поменяла:
Не Рыжей – Чернобуркой стала.
Знает Мышка, чем гордится:
Тем, что Слон её боится.
Кто колючей: Ёж или Ёрш?
Не погладишь – не поймёшь.
Без грибов опустела полянка.
Без друзей загрустила Поганка.

* * *

Не зажигай звезду...
Так этот час беспечен,
когда заката бронзовые свечи
сжигают пламенем черту
на дальнем горизонте.
Повремени искать покой;
дай насладиться красотой
лазури в позолоте!
Спешат за солнцем облака;
дыханье их задует свечи...
Уже штрихует блики вечер
гуашью синей...
Но пока
не зажигай звезду.

* * *

Мой Пегас закусил удила
И, понуро уставившись в землю,
Сделал вид, будто спит или дремлет...
Эх, ему б в стремени без седла
Музу! Чтоб она – ему шпоры в бока,
Щекотнула б крыло поводком,
Свежей рифмой дохнула б легко...
И – умчатся они в облака!

Мария Сидлер

Родилась и живёт в Москве. Окончила Библиотечный колледж (1993), Московский Университет Культуры (1998). В 2010 году вышла в свет первая книга для детей «Тигруша ищет папу» (изд-во «Новый Современник»); рассказы, очерки, миниатюры печатались в альманахах «Не случайные встречи», «Автограф №1» (2009), в сборниках «Записки современных охотников, рыбаков, грибников» (2009), «Просто о...» (2010) (изд-во «Новый Современник»); «Московский дом прозы» №1, 2 (изд-во «Моссалит», 2010), «Гоголь-фантази-2010» (Украина, 2011), в интернет-журнале «Московский базар» №1 (2011).

Некоторые детские произведения увидели свет в рамках благотворительного проекта «Сказка всем» в сборнике «Калейдоскоп сказок» (включая аудио-версию) и в аудио-сборниках «Белые сказки» и «Котосказки» (2010-2011).

С 2010 года регулярно сотрудничает с газетой «Сибирские разносолы» и является ведущей детской рубрики «Поварёнок».

Член МСП «Новый Современник» и Московского Салона Литераторов.

Сапоги. Невыдуманная история...

Моему деду, Василию Сомову, посвящается

В предрассветном лесу стояла тишина. Непривычная, настораживающая тишина войны. Казалось, что лес вымер или затаился. Затаился в ожидании...

В эти дни на передовой под Курском перестрелки велись вяло: прострелочет то здесь, то там автоматная очередь, и снова затишье. Противник отдыхал, подтягивал силы – атаки красноармейцев сильно его потрепали. Но и наши бойцы, несмотря на воодушевление последних побед, нуждались в этой передышке. Постоянные бои последнего месяца измотали людей.

Старшему лейтенанту Василию Сомову, двадцати двух лет от роду, однако, было не до отдыха. Как раз в периоды подобного затишья у разведки наступали «жаркие дни». Для определения стратегии дальнейшего ведения боевых действий, требовалось собрать как можно более полную информацию о планах противника. Сегодняшним утром Сомов вместе с несколькими бойцами своей разведроты шел «брать языка». Пятеро разведчиков старались ничем не нарушить молчание природы, не выдать неловким движением свое присутствие на передовой врага. Василий планировал подобраться как можно ближе к штабу, благо немцы побросали окопы, оставив лишь часовых. Но план был нарушен при переходе первой же оборонительной линии. Часовой, которого разведчики планировали без труда «снять», казалось, ждал их появления. Лопоча по-немецки, он вышел навстречу Сомову, держа автомат в поднятой вверх руке.

– Гитлер капуг! – долетело до Василия.

Настороженно держа ППШ наготове, Сомов сделал несколько шагов вперед:

– Вас из дас? – негромко спросил он на сносном немецком.

– О! Их бин офицер! – немец обрадовался контакту.

– Эргбен?***

– Я воль! Их хабен информации!****

Василий переглянулся с бойцами. Такая неожиданная удача – «язык», который сам сдается, – выпадает нечасто на долю разведчика. Глупо было не воспользоваться случаем, и старлей жестом показал дезертиру, чтобы тот положил оружие. Немец бросил автомат на землю. Один из бойцов, рядовой Поликарпов, подобрал его, закинув за спину, подошел к пленному. Ловкими движениями обыскал немца. Кроме пачки бумаг, кисета и губной гармошки в карманах ничего не обнаружилось.

«Неужели правда собирался к нам бежать?» – подумал Василий немало удивленно. До этого момента он все-таки подозревал какой-нибудь подвох со стороны немца. На всякий случай пленному все-таки связали руки за спиной, и отряд отправился в обратный путь.

На ходу Василий бегло просмотрел бумаги. Оказалось, что это копии карт с указанием мест дислокации немецкой дивизии.

«Чудной! – думал Василий, шагая следом за пленным. – Что ж он думает, что его у нас как родного встретят? Пусть даже и с ценными сведениями?»

Вася украдкой рассматривал немца. Это был интеллигентного вида мужчина, лет тридцати на вид. «Небось бывший учитель», – сделал вывод Сомов. Обратный путь преодолели без происшествий.

В соответствии с предписанием, пленного «языка» требовалось доставить в штаб. И «во избежание вступления в сговор с врагом» пленного должен был сопровождать офицер НКГБ.

Разведотряд остановился возле командного блиндажа. Василий вместе с немцем вошел внутрь, бойцы остались снаружи.

За столом, в клубах едкого дыма и стойкого перегара, сидел старший лейтенант Особого отдела***** Заболотский. Перед ним стояла трофейная фляжка, были разложены свертки с нехитрой закуской.

Сомов доложил:

– Товарищ старший лейтенант! Пленного «языка» доставили! – и продолжил менее официально: – Сам сдался. Говорит офицер. При нем оказались копии дислокаций.

– Старлей! – Заболотский пьяно прищурился. – Да ты никак побеседовать с ним успел? Вот я всегда говорил, что твое знание немецкого-то добра не доведет!

– Никак нет! – отрапортовал Сомов. – Пленный сам назвал при сдаче. В контакт с ним никто из отряда не вступал.

Сомов терпеть не мог «особиста». Приставленный к разведроты с целью «не допустить идеологического подрыва» среди бойцов, слишком часто контактирующих с противником, Заболотский большую часть времени пьянствовал. А выпив, любил начать разборки, придираясь к любому неосторожно вырвавшемуся слову. Правда, серьезных прецедентов пока не случалось, все ограничивалось его угрозами «написать докладную куда следует». Разведчики старались держаться от него подальше, не вступая в открытую конфронтацию. Как известно «не тронь... и вонять не будет». Да и известные случаи, когда боевых офицеров благодаря наветам «особистов» расстреливали как «предателей Родины» без суда, так сказать, по законам военного времени. Чтобы не накалять атмосферу, Сомов и сейчас постарался свести общение с Заболотским к минимальному. При допросе ему присутствовать не полагалось, поэтому, положив бумаги на край стола и отдав честь, Василий вышел из блиндажа. После проспиртованного дыма воздух показался особенно освежающим.

«Не повезло фашистику!» – с неожиданной жалостью подумал Сомов, осторожно пытаясь понять, чем это чувство вызвано. Хорошим ли настроением от удачно проведенной операции? Или человеческим состраданием?

Все в роте знали жестокий нрав «особиста». Прежде чем отвезти в штаб пленного, он любил проявить собственную власть и самостоятельно провести, как он называл, «предварительный допрос». В довоенном прошлом Заболотский, по слухам, имел власть в Москве, на Лубянке. И по какой-то неведомой причине (по тем же слухам, из-за пьянки) переведен в действующую армию с понижением в звании. Пить после этого он стал еще больше, пользуясь бесконтрольностью своего положения в роте, а в пьяном виде проявлял к пленным звериную жестокость. Иногда после подобных допросов некое было и в штаб везти, и Сомову приходилось добывать другого «языка». Впрочем, обычно старлей относился к выходкам «особиста» философски, хоть и с безразличностью. Нет, не по нему была подобная неоправданная ненависть. Не в бою, не защищая свою жизнь, Родину, а жестокость над безоружным, зависимым человеком... Но война есть война. В конце концов, фашисты тоже не больно церемонились с нашими пленными. Но вот именно сегодня и именно по отношению к этому интеллигентному немцу, Вася почувствовал безотчетное сострадание. К чему зверствовать, если немец и сам был готов сотрудничать?

Василий остановился покурить недалеко от блиндажа. Неторопливо свернул самокрутку, раскурил. Вскоре к нему присоединился прохо-

дивший мимо Поликарпов.

– Шо, старлей, не пришлось бы второй раз нам за «языком» топать, – Поликарпов озвучил мысли Василия. – В другой раз так не свезет...

Василий сплюнул.

– Надо бы поскорей увезти в штаб немчину.

– Верно бачишь, вот токмо хрен он его отдаст, пока не натешится, изверг. – Поликарпов тяжело вздохнул. – Отчего таких людей земля носит, а, старлей? Нет, все понятно – врагам смерть, но по совести же надо... И, сказать по правде, мы с ребятами уже по нужде идем, оглядываемся, шоб ЭТОГО где не оказалось... Услали бы его куда от нас, а...

– Ты, Поликарпов, не разглагольствуй, а ребят собери, кто понадежней... И здесь, неподалеку, будьте. Попробуем по совести...

Василий затоптал самокрутку, одернул гимнастерку и двинулся к блиндажу. Дверь сама распахнулась ему навстречу. Покачиваясь, Заболотский вышел наружу. Сфокусировав взгляд на Сомове, он махнул рукой.

– Иди сюда, старлей. Я как раз тебя искать хотел...

– Зачем? – настороженно спросил Василий.

– Заходи, заходи... Дело есть, – Заболотский сделал приглашающий жест рукой.

Василий вошел в блиндаж. К прежнему запаху алкогольных паров и махорки добавился сладковатый запах крови. Сомов взглянул на пленного. Так и есть – лицо уже расквашено. Сидит, утирает соплю вперемешку с кровью. Выругавшись про себя, Василий перевел взгляд на «особиста». Тот уже стоял возле своего стола, приготовившись сделать пару глотков из заветной фляжки.

– Вот тебе приказ, старлей. Шлепни эту гниду, – Заболотский кивнул в сторону немца.

– За что? – Василий ожидал чего угодно, только не такого приказа.

– А на кой он нам? – вопросом на вопрос ответил «особист».

– Но его же в штаб надо доставить! Для допроса, – зачем-то уточнил Сомов.

– А на кой...? – повторил Заболотский.

– А на кой мы его брать ходили? – Василий начал злиться.

– А это не твоего ума дело! Твое дело приказы исполнять! – «особист» повысил голос и, наконец, выпил. Отерев рот рукой, костяшки которой явно были разбиты о лицо пленного, поставил флягу на место. На лице остались разводы крови. Сомова затошнило.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности! Пленного надо доставить в штаб! И вы инструкцию знаете не хуже меня! Он сведения ценные может иметь! – Краем глаза Василий видел, что немец напряженно прислушивается к разговору.

Тот глаз, который еще у него открывался, стал тусклым, и в нем явно светилась обреченность. Неожиданно немец наклонился и принялся снимать сапоги.

– ...Скажем, что был убит при попытке к бегству, – вещал тем временем Заболотский. – А сведения-то вот они! – Он потряс листами, изъатыми у немца. – Пойми, старлей, ну не охота мне с ним куда тащиться... Не в форме я, – «особист» развел руками: мол, со всеми бывает.

Василий не поддержал его беззаботный тон:

– Я отказываюсь выполнять приказ.

– Что ты сказал, щенок?! – Заболотский вытаращил осоловевшие, красные от бесконечной пьянки глаза.

– Что слышали, товарищ Заболотский. Я отказываюсь убивать пленного. – В голосе Василия не было уже злости, только усталая твердость. – Он сдался добровольно, без боя. Поэтому заслуживает справедливого суда, а не так...

– Да я сейчас сам тебя... – «Особист» полез в кобур за пистолетом. – Я тебя по закону военного времени... как изменника Родины! Ты ж знаешь, что мне ничего не будет! – Дрожащая рука никак не могла справиться с кобурой. Заболотский яростно дернул портупею, сорвав ее с себя. Теперь он стоял перед Василием расхристанный, с портупеей в руках. Пистолет габзник наконец достал и навел на Сомова.

Немец неожиданно произнес, обращаясь к Василию:

– Вегебен! Вегебен! Вир ерахмен! *****

Сомов скосил один глаз на пленного. Тот протягивал ему свои сапоги и кивал головой на ноги старлей. Вася понял, что пленный по интонациям

догадался о своей судьбе и хочет, чтобы сапогигодились ему, Сомову. У старлей что-то сжалось в груди, и комок подкатил к горлу. Василий сжал кулаки.

– Слышь, ты, гнида политическая, смотри, как бы тебе самому ноги отсюда унести! Ты тут один... А моих бойцов много...

В это момент за спиной у Василия открылась дверь и показалось круглое лицо Поликарпова.

– Я шото дивитися давно нашего командира нетуть? Случилось чево, старлей, а?

– Входи, Поликарпов. У нас тут спор небольшой ... возник. Вдруг сможешь разрешить?

– Енто мы завсегда. Заходи, ребята!

Вслед за Поликарповым в блиндаж ввалились те, кто ходил с Сомовым сегодня за «языком». Бойцы встали за спиной командира, молча переводя взгляд с Заболотского на немца, затем снова на Сомова. «Особист» судорожно сжимал пистолет. Палец на спусковом крючке побелел. Но Василий стоял спокойно. Минута противостояния длилась вечно. Даже немец затих и больше не тряс сапогами.

Неожиданно Заболотский шумно выдохнул и положил оружие на стол. Туда же бросил и портупею. Резким движением расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки, сел и привычным жестом приник к фляжке. Булькающий звук пробудил к жизни остальных. Бойцы задвигались, начали вполголоса переговариваться. Лишь Сомов еще чего-то ждал.

Заболотский крикнул, запихнул в рот кусок сала и посмотрел ему в глаза.

– А черт с вами! Хотите везти в штаб – везите сами! Нашли за кого заступаться – за фашиста!

Василий чуть заметно усмехнулся, а вслух сказал:

– Заводи машину, Поликарпов! Прокатимся с ветерком! Сам товарищ старший лейтенант госбезопасности разрешил!

– Щас сделаем! – Поликарпов хохотнул.

Бойцы потянулись на выход.

Сомов посмотрел на пленного. У немца на глазах блеснули слезы. Они стекали, смешивались с кровью на щеках. Сапоги он по-прежнему протягивал Василию. Тот отмахнулся:

– Одевай, походишь в них еще сам...

Старлей повернулся, чтобы выйти вслед за своими бойцами. Сзади раздался сухой щелчок. Сомов замер.

– Слышь, старлей, не думай, что ты победил...

– А я и не думаю. Куда нам, бойцам, с «особистами» тягаться... Наше дело – приказы исполнять. Есть доставить пленного в штаб! – Сомов отдал честь.

– Молодец. Тогда свободен... пока. И не болтай, что тут произошло...

Василий подождал, пока немец натянет сапоги. И только тогда сказал:

– Пленного я сейчас заберу. Так, на всякий случай...

Раздолбанный трофейный «Виллис» трясся по дороге в штаб армии. За рулем сидел Поликарпов. Сзади рядом с пленным подсакивал на ухабах Василий. Он вполуха слушал сбивчивый рассказ немца. Ему в принципе неинтересно было, что подвинуло солдата вермахта на сдачу в плен русским. Ганс, как, оказывается, звали немца, говорил что-то о том, что ему не нравится убивать, что война противна ему в любом своем проявлении, что он раньше, до войны, учил детей...

«Надо же, я не ошибся! – несколько удивленно и отстраненно подумал Сомов. – Он и вправду учитель!»

Василий не анализировал мотивы своего поступка, не гордился тем, что одержал маленькую победу над «особистом», не радовался спасению немца... Он просто был уверен, что сегодня защитил честь мундира советского офицера.

А немецкий учитель все благодарил и, кажется, плакал... Но старший лейтенант Сомов не обращал на это внимания.

«И может, мне где-нибудь потом зачтется, что хоть одну душу я спас в этой мясорубке?» » Василий смотрел на медленно тающий над верхушками деревьев закат.

* – Кто вын

** – Я офицер!

*** – Сдаюсь!

**** – Так точно! У меня есть информация!

***** – соответствует званию майора сухопутных войск

***** – Возьми! Возьми! Мне не надо!

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Москвы». Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

Член редакционного совета и постоянный автор изданий «Интеллигент».

ГРАЖДАНЕ СТРАНЫ ФЛАМИНГО

В особенно засушливый год устроила волчица логово под свернутым наводнением корнем. И только лишь родились щенки, выползла на охоту.

С недоумением обнаружила хищница справа и слева множество гнезд непонятно откуда взявшихся розовых птиц, кинулась за первой же наседкой, да поднялась мать Фламинго над озером. За нею весь птичий базар затрепетал крыльями. Загомонил. Взметнулся розовым облаком. Погналась за птицами волчица, но устала шлепать по волнам, угодила в омут. Забили ее, ослабленную, птицы крыльями.

Остались щенки. Холодно им. Жутко. Птицы орут. Спать не дают. Вышли за мамкой. А мамки нет. Видят – теплое гнездо с крупными яйцами. Устроились щенки над ними, и уснули. Возвращается птица мать Фламинго. И видит, среди яиц детки пушистые спят. Накрыла их розовыми крыльями, стала ждать появления других.

А как вылупились из яиц выводок, стала мать рыбой потчевать всех детей без разбора.

Растут у Фламинго волчата. Кушают рыбу. Охраняют стаю. А птица ими знай гордится.

Придет коварная лиса птенцов воровать – залают волчата – убежит лиса. Притащится злобная росомаха – зарычат волчата – убежит росомаха. Сунется шакал – и тот, скуля от страха, тут же исчезнет. А придет недобрый охотник завоюет волчата, прогонят охотника.

ГОРЫ И ДЕРЕВЬЯ

Когда в этом мире ты один одинешенек, кажется, что незачем жить. Хочется натворить массу глупостей. И никто не обращает на тебя внимание. Особенно высокие красивые мужчины. Они не для тебя...

У Ларисы тоже была скучная серая жизнь. Но она решила её раскрасить. Купила акварель. И нарисовала на всех тетрадных листках горы и деревья. Она искренне верила, что лучше гор могут быть только деревья, а лучше деревьев, только горы.

Потом она купила гуашь и нарисовала горы и деревья на кухне, покрыв их лаком, чтобы не испортить случайно, если кухню придется мыть.

Ей захотелось иметь свою графскую родословную. Она купила пастель, и на огромных ватманских листах развесила по стенам портреты животных: кошек, собак, верблюдов, гиен, которых знала, в шляпах и бальных платьях, со шпагами и высокими воротниками среди гор и деревьев. Лариса подписала их, чтобы никого не перепутать. Это мой прапрапрадедушка, а это моя прабабушка, а это тетка по материнской линии, и так далее. Теперь у нее появилась семья. И это показалось ей забавным.

Лариса купила краски для батика, нарисовала горы и деревья на шелке, задрапировала им стены. Получилось неплохо, если учесть, что на эти же стены она повесила мнимых своих

родственников. Лариса расписала мебель и окна.

Купила белой глины и вылепила фамильный сервиз. Сама его обожгла в электрической плите, сама расписала. И с фарфоровых чашек смотрели на неё горы и деревья.

Потом Лариса отважилась купить масляных красок. И расписала потолок.

Когда в квартире не оставалось ничего серого, она вышла в подъезд и взялась за него. Но и в подъезде серое пространство быстро кончилось. Тогда Лариса купила мелки и принялась рисовать горы и деревья на асфальте. И тут случилось что-то необыкновенное. Мужчины начали обращать на Ларису внимание. И почему-то непременно высокие и красивые. Мужчины напрашивались в гости, звали с собой пообедать, восхищались её талантом, хотя талантливой себя Лариса никогда не считала. Самое непонятное, что ей стали завидовать. Мужчины низкие и высокие, средние и красивые все чаще говорили ей: «У тебя такая яркая жизнь! Я так тебе завидую».

Но Лариса не могла на них теперь глядеть, особенно на их серые пиджаки. Ей все время хотелось их раскрасить.

СОЛНЦЕ

В волнах облаков плавала рыба-солнце. Целовала золотыми стрелами соцветья одуванчиков. Щедро откладывала желтую икру на ветки больших мимоз.

Потом рыба-солнце захотела уйти, но пламенно забилась, застряв меж ребер скалистых гор. Пульсировала, пробуждая осознание, что и наши сердца от рождения до смерти не выходят из клетки.

ЛЕСНОЙ ОЛЕНЬ И ГОЛУБЫЕ ПТИЦЫ

Это только кажется, что деревья все одинаковые. На самом деле разные. Как люди.

А народ, как лес. Это только кажется, что оленей не отличить одного от другого. Но у каждого из них свой характер.

В голубом лесу, там, где пасутся голубые олени, на голубых ветвях деревьев выют гнезда голубые птицы Счастья. Это наши мечты.

– С первого взгляда может показаться, что мечты у людей разные. На самом деле, у них одно лицо – птиц Счастья.

МЕДУЗЫ

Горячая Земля ёжилась от падающих метеоритов. Они казались ей снежинками, и обжигали холодом.

– Мне зябко, – с надеждою взглянула Земля на Солнце.

Материнская Звезда Солнце ласково согрело планету, укутало вуалью пара, которая обернулась водяною шалью.

Теперь звездчатые осколки космоса не так досаждают Земле, падая в океан, они превращаются в дивных разноцветных медуз. Правда-правда. А вы не знали?

ДУМУШКА

Погоди, послушай, сказка бьется родниковой жилкою, на волю просится...

Как-то витал могучий Дух леса над соснами в плохом настроении. Видит – женщина как женщина. Не красива, не страшна, не велика, не мала. А с нею ребятушки, да и муж с ней.

Затаился Дух леса. Смотрит, как женщина детишек в хрустальной речке выкупала, волосы шелковые их причесала, мужа, что наловил тут же рыбку, приголубила. И не зависть его взяла, и не оторопь, а любопытство.

Направилось семейство домой. А Дух леса им то коряжину на дороге подбросит, то гриб пыхтучий. Женщина улыбается. Голову на плечо мужнино склонила. Ребятишки подле бегают. На проделки духовы никакого внимания.

Стал Дух леса то семейство каждый день встречать, да и полюбил женщину не на шутку. А как полюбил – прикинулся добрым молодцем, на дороге ей попался. Выходи, говорит за меня замуж, и все тут.

Поклонилась ему женщина в пояс за такую честь, но согласия не дала.

Рассердился Дух леса. Мужа ее в речку скинул. Рванулась женщина. Ухватила руку мужнину. И слаба была, да родное на берег вытащила. Запалил тогда Дух вокруг торф сухой. Затлела земля. Загорелась. Стало все семейство пожар тушить. Кто чем мог. А потушили-таки.

Успокоился хозяин леса. И предстал пред ними во всем своем великолепии.

– Смелая ты женщина, хоть и слабая, – сказал он ей.

– Слабая – не слабая, а за себя постою.

– Ну что ж, не буду я вам больше препятствия чинить. А на прощанье возьми подарочек.

И подарил на память листик высохший березовый. Приказал беречь, на шнурке носить. Так удача с тем листом в семью вошла. Места чудные открываются. Грибы-ягоды все виднеются. Травы медвяные выстилаются. Птицы песни свои переливчатые петь стараются.

Дух же леса запечалился. Сел у речки на крутом берегу и стал грустить. Так грустил, усыхал, сох по женщине, что деревья вокруг, точно осенью, пожелтели все, с ветвей осыпались. И так крепко он задумался, вспоминая свою любимую, что разломилась его голова, а оттуда на свет вышла девочка. Кудри желтые, точно сохлый лист. А глаза-то как речка чистые. Лицом и походкой похожа на ту женщину, а силой – в отца. И назвал он ее Думушкой. В густой чаще, куда нет дороги ни пешему, ни конному, где бьют семь родников, лесной терем выстроил. Оставил там Думушку, и полетел в другие леса, развеять грусть-тоску.

Росла Думушка среди диких зверей и птиц. Плела одежду себе из тонких жил подорожника. Когда есть хотела – охотилась. Когда пить – поклонялась роднику. Умывалась дождями, ветром обсушивалась. Лес родной берегла. А выросла – потянуло ее мир вокруг посмотреть, и себя показать. Стала она все дальше уходить из лесу. Вот и дороги людские высмотрела. Вот и поля. И деревни. Да и люди ее заприметили. Девушка ловкая, быстрая, одна с волком может справиться. Стали легенды о ней по округе ходить. Стали песни складывать.

Потянулись молодцы в лес ее искать. Непрístupной оказалась Думушка. Тех, кто шел к ней с уважением, награждала

подарками леса щедрыми, но сама не показывалась. А кто шел к ней с грубой похотью, отрубала тому буйну голову. Отрубала и на кол вешала.

Возвратился как-то Дух леса к терему. Решил попроведать дочь. И остоленел от ужаса.

– Что же, Думушка, ты наделала? Сколько глупых парней загубила! Полезай-ка ты лучше опять ко мне в голову! И сиди там, дитя слабое, неразумное!

Только Думушка не послушалась.

– Слабая – не слабая, а за себя постою.

Ножкой топнула. И нет ее. Стала Думушка невидимой. Хочет – в мысли зайдет. Хочет – в лес вернется. А в лесу уж она – хозяйка! Может жизнь пред людьми их разворачивать. Может сказки листвою рассказывать, успокаивать любовный жар. Может песни, стихи нашептывать. Может до смерти одолеть. А может и на путь истинный вывести.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВНУК

В богатой успешной семье жил мальчик Тимур. Это был очень хороший мальчик. Красивый. Умный. Добрый. Он помогал по дому матери. Ухаживал за больным дедом, отлично учился.

Но у Тимура был один недостаток. Когда приходил Новый год, малыш не пропускал ни одной Елки. Незаметно для всех он выбирал самую красивую игрушку. И не успевали хозяева опомниться, та оказывалась в цепких руках маленького воришки.

Мальчик рос. И росла его коллекция. Каждый Новогодний праздник в своем доме Тимур наряжал теперь свою елку, и гордился перед друзьями и родственниками – где и как он уворовал то или иное праздничное украшение. Нет. Ничего плохого с ним не происходило. И, если он видел двадцать шишек, и такая золоченая шишка у него была, он оставался к предмету совершенно равнодушным. Но стоило увидеть какое-нибудь блестящее необычное индийское солнышко, красный китайский фонарик или английскую стеклянную сосульку, Тимур превращался буквально в рецидивиста, и ухищрений по мелкому его воровству не было пределов!

Причем, со временем он утаскивал елочные безделушки не только у чужих людей, но и у родственников, потом у детей, и даже у собственных внуков!

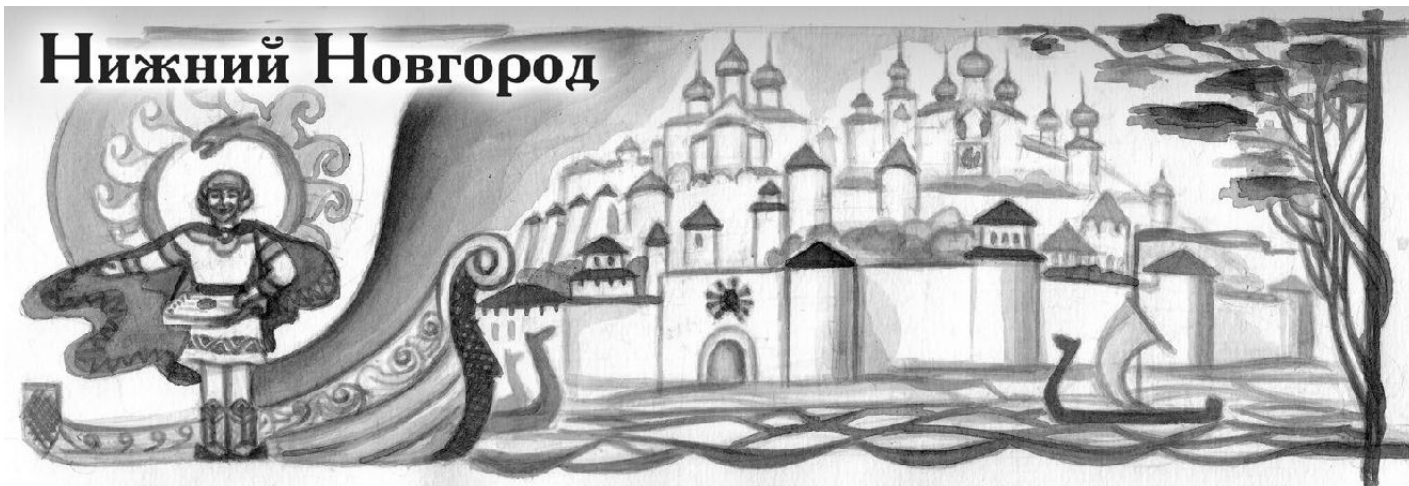
В остальном подросток Тимур был совершенно обычным человеком. Осыпал подарками родных, помогал городу. Вел успешный бизнес. И даже очень успешно нажил большое состояние. Он уже подумывал, кому бы из двенадцати внуков отписать наследство.

Зная о наклонностях щедрого деда Тимура, знакомые и родственники, ожидая прихода старика, вывешивали на свои елки необычные игрушки, чтобы дед их украл, и даже огорчались, если Тимур этого не делал. Значит, такая игрушка в коллекции уже имела.

Шли годы. И вот появился тринадцатый внук. Дети Тимура называли ребенка Румит в честь деда, только наоборот. Но напрасно они его так называли. Когда настал третий новый год Румита, родители привели его к деду на елку. И первое, что сделал внук – украл с елки самую красивую игрушку.

Все гости замерли в ожидании бури гнева хозяина. Но тот рассмеялся, и переписал на Румита все свое состояние вместе с елочными игрушками.

Нижний Новгород

Виктор Шмелев

Виктор Александрович Шмелев, родился 8 мая 1985 года в Нижнем Новгороде (на то время г. Горький) где постоянно проживает.

В 2008 году закончил юридический факультет Нижегородского Колмерческого Института и в том же году поступил на службу в ФССП по Нижегородской области, где проработал на различных должностях 6,5 лет. В настоящее время трудится в коммерческом банке.

Литературой увлекается с ранних лет, читая многое от классики, стихов и исторической прозы до прозы современной и фантастики.

Попав однажды на охоту, понял, что «пропал». С тех пор является страстным охотником, а также занимается «подсадными» утками, считая данную охоту одной из самых ярких и насыщенных.

Увлечения охотой и литературой выливаются в рассказы и зарисовки посвященные темам охоты и взаимоотношений человека с природой.

Ток Весны

Тихая глубокая ночь до краев напоила темнотой бездонный колодец неба. Янтарными свечками молчали сосны, посверкивая на маковках языками звезд. В коронованном ледком бочаге купалась луна. Прошлогодня трава, освободившись, наконец, от надоевшей тяжести зимы, крепко прижалась к земле, посверкивая холодным серебром инея. Ни огонька вокруг, ни звука. Тихая глубокая ночь.

Но вот вспыхнул, заматавшись, едва видимый в узком запыленном оконце «зимовья», робкий светлячок лучины. Скрипнула, на миг нарушая плывущую тишину, давно не смазываемыми петлями низенькая дверь и на пороге приютившейся под соснами лесной избушки темным силуэтом появился человек. Вдохнул легкий весенний морозец, замер, всматриваясь в непроглядную вязкую темь, словно не осмеливаясь переступить невидимую черту. Молча постоял и, будто решившись, человек закинул за спину ружье, сделал шаг, другой и окончательно растворился в дегтярной темноте. Далеко еще до рассвета, всласть гуляет ночь. Охотник отправился на ток.

Спала лесная опушка, крепко спал по ее краям молодой березняк, уныло свесив голые ветви. Безмолвной темной стеной растекался лес, куда-то дальше, за горизонт и, наверное, где-то там, в его дебрях досматривала сны заря. Луна, запутавшись в тенетах дремы, лениво и сонно роняла скупой, неверный свет на широкую поляну.

Но вот что-то неумовимо нарушилось в этой темноте,

будто сместилось невидимое, предвещая конец ночному царству. Нет, рассвет еще не лизнул оранжевым языком по краю блюдца, хмарь утренних сумерек не закурилась над землей, однако тетерев-косач, словно уловив это неведомое, настороженно приоткрыл глаза, выныривая из сонной вязи. Замер, прислушиваясь. И, словно в подтверждение не обманувших чувств, с другого края поляны раздалось приглушенное «чуж-фы», сменившееся булькающим бормотанием. Такое же «чужфыканье» эхом отозвалось и откуда-то сбоку. Просыпалась поляна, решительно прогоняя ночь. Заворковала, забулькала со всех сторон, захлопала крыльями. Гулко, казалось на всю опушку, бухнуло тетеревиное сердце, разгоняя кровь, вмиг сбрасывая остатки дремоты. Косач, «чужфыкнув» в ответ, сорвался с места. Тетерев отправился на ток.

Тесный конус шалаша соломенной юбкой прикрыл тонкий стан молодой березки. Застыл, словно остров, посреди затерянной в лесной глуши старой вырубке. Щекощет ноздри пыльный запах жухлой травы, пробуждает аромат рождающегося дня. Притаившийся внутри человек, замерев в волнующем чувстве ожидания, напряженно вглядывается в темноту сквозь узкую прорезь «бойницы»¹.

Едва различимой тенью промелькнул неясный силуэт и рядом – казалось, протяни руку – раздалось бормотание, а за ним и долгожданное «чуж-фы», заставив обжигающий холодок азарта пробежаться по телу. Появившийся из-за кулис токовиц², важно расхаживая, словно конференсье,

¹ – Бойница - узкое отверстие в шалаше. Служит для выстрела из укрытия по заданному направлению.

² – Токовиц - самец тетерева. Прилетает на токовище первым и своим голосом привлекает других косачей и самок-тетерок.

отдавал команду к началу представления. Провернулось незримое колесо, окончательно меня стекла калейдоскопа на утренний орнамент, рассыпалась осколками ночь, а вокруг зашумела переключка. Замелькали по краям белые наряды подхвостий, полилось мелодичное бормотанье и все чаще разносилось задорное «чуффыканье». Вспыхнув от спички-токовика, ярким костром разгорался тетеревиный ток.

Охотник ждал, внимательно вглядываясь в карусель белых пятен, разгораясь от этого пожара. Чувствовал, как отдается задором каждый хлопок крыльев все прибывающих на поляну косачей. Чувствовал, как замирает сердце и чуть подрагивает в руках ружье. Чувствовал, как пьянящим хмелем загулял по венам весенний ток.

Робкий звон рассвета взбудоражил вырубку. Разбилась где-то наверху кринка и в черный байховый чай ночи мо- локом пролилось утро. Попятилась темнота, укрываясь в лесу, наступал ее черед прятаться в дебрях. Вся поляна задышала в унисон с тетеревиной песней. И в самую ее середину, шумно разогнав крыльями воздух, плюхнулся тетерев-косач. Настороженно огляделся. Старый токовик уже крутился на месте. Вон он выхаживает поодаль, гордо подняв голову. Косач с бормотаньем покосился в его сторону. Для молодого петуха начиналась вторая весна, и если первую он провел у самого края опушки, то в эту претендовал на ее сердце. И быть может на следующий круг уже он, на правах самого сильного объявит начало тока. От задорных мыслей вспыхнула кровь. Развернув веер хвоста, надув шею, косач просеменил по кругу, явно показывая, что не собирается уступать облюбованное место.

Как не собирался уступать его и соперник, возникший словно из ниоткуда, раздувшимся шаром вкатившись на поляну. А, скользнув взглядом дальше, петух заметил, как на самом краю опушки, на ветках берез рассаживаются пестрые тетерки-невесты. И с их появлением словно упала последняя, раскаленная капля – терпеть рядом с собой конкурента косач никак не мог. Тетерев опустил голову, вытягивая над землей шею, чувствуя, как налившись до краев, красным огнем загорелись брови. Чувствуя, как бешено заколотилось сердце и чуть подрагивали крылья.

Готовясь дать отпор, зардел в ответ и оппонент. Два косача, два противника, распушив лиры хвостовых перьев, будто увеличившись в размерах, застыли друг напротив друга.

Ток запылал во всю силу. Ток весенним хмельным дурманом ударил в голову. Лихим азартом вскипела кровь и тетерев, не помня себя, бросился в драку.

Нескончаемым бурным потоком неслась тетеревиная песня, поднималась ввысь, растекалась далеко за края ставшей ей тесной опушки. Словно гимн самой Весне, глашатай ее расцвета. И в такт песне заходило стучом сердце, разнося по венам ток. Ведь в плотном киселе сумрака, варившегося за узкой «бойницей», почти сошлись головами два петуха, рассеивая утренний полумрак красными маяками. Каждый удар крыльев, каждое паровозное «чуф-фы», только разжигало пыл охотничьей страсти. Мурашками озноба пробегал по коже переполнявший человека

азарт, выметая из головы все иные мысли, раскрашивая каждый миг самыми яркими красками.

Охотник медленно поднял ружье, ловя мушкой черный тетеревиный силуэт. Замер, казалось даже забывая дышать. Вот один из косачей подпрыгнул, грудью налетев на соперника, шумно ударил, отгоняя со своего места, сверкнул белым подхвостьем, повернулся, так удачно открывая выстрелу бок.

Словно застыло мгновение, вскипела азартом кровь, и охотник плавно потянул спуск.

Косач наскочил на конкурента, ударил всем телом, громко захлопав крыльями. Прошелся взад-вперед, низко опустив голову, красуясь перед невестами, показывая свою силу и удаль. В это мгновение тетерев жил особенно ярко, дышал жизнью полной грудью, чувствовал теплое дыхание весны. Еще один рывок и противник будет с позором изгнан. Черныш подпрыгнул, отрываясь от земли.

Но что-то горячее вдруг обожгло бок, раскаленным шаром сбивая вниз. Косач дернулся, однако предательски подломилось крыло и петух завалился на бок.

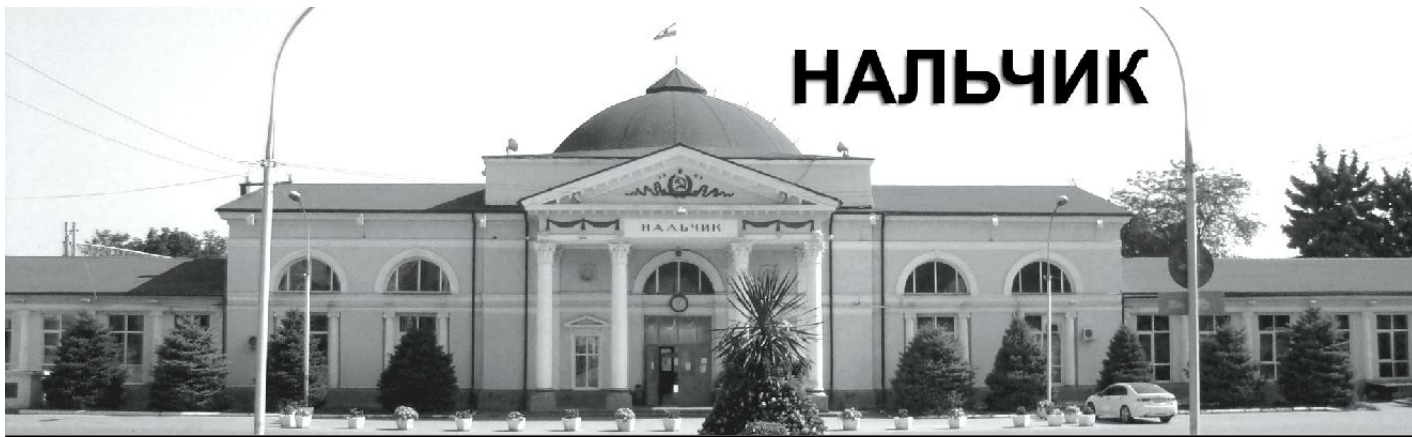
Разбился калейдоскоп, заливая мир медью. Растворялась в ней и старая вырубка, и все краски, и теплое дыхание, остывали угольки бровей. Смолкла и песня, утонув в медном море. Не гулял больше по венам ток, погасили искры. И лишь налетевший откуда-то ветерок погладил черный фрак петуха.

Заметалось в тесноте шалаша эхо выстрела, завился голубоватый дымок, вплетая свой аромат в палитру запахов. Тишина сменила, только что журчавший ручей песни. Оборвался тетеревиный ток, разлетевшись вместе со свинцовыми каплями. Смолкла поляна, притаилась, напуганная чуждым ей аккордом. Черными пятнами порскнули певцы, разлетаясь в разные стороны, оставив на серебрящейся инеем сцене одного исполнителя. Безмолвие поплыло над затерянной в лесной глуши старой вырубкой. И в этом безмолвии из-под самого купола трубным голосом словно отзвонил крик гусиной стаи.

Охотник медленно опустил ружье, чувствуя, как утихает мгновением назад бушевавшая страсть, угасает в венах ток. Эта весна вышла удачной. Прогулялась ветреная барышня, до краев напоив человека хмельным задором и оставив на память желанный трофей. Охотник аккуратно выбрался из укрытия, подобрал добытого косача и пошагал в сторону зимовья. Его Весна только начиналась. Еще не одно утро будет проведено на старой вырубке, не один концерт будет услышан из шалаша.

Медь растворялась в ярких красках наступающей Весны. Откуда-то сверху, где виднелись бескрайние луговые просторы, залитые теплым светом, послышалось задорное «чуффыканье». Край Вечного тока открывал ворота, призывая собрата в свои владения. Застывшими рубинами осыпалась кровь, расправив крылья душа косача, подхваченная азартом, тенью устремилась вверх. Его Весна теперь не закончится. В том краю будет сыгран не один концерт.

НАЛЬЧИК

Георгий Яропольский

Родился в 1958-м. Автор нескольких стихотворных сборников и двух десятков переводов современных англоязычных романов. Состоит в СП России. Член редколлегии альманаха «45-я параллель».

Дым

Все заплутали: нет ни оград, ни вех.
Бах ли поможет или подскажет Блок?
Сизые нити дыма струятся вверх,
сизые нити дыма вдыхает Бог.

Впрочем, навряд ли:

всё поросло быльём.
Нет нам ответа, смутен нам Божий лик.
Блэкное небо пялится вниз бельмом,
ангелы скрылись, всяк прикусил язык.

Бог позабыл ли с нами Своё родство?
Равен эпохе каждый протяжный вздох.
Можно ли рушить зыбкое статус-кво,
если застряли мы посреди эпох?

«Явственно только чувство –
не здесь, не так», –
строчка сложилась – в прошлом,
с чего невесть.

Зло прорастает, ровно какой сорняк,
и не изводит –
множит мерзавцев месть.

Как раскурочить цепь, что сковали нам?
Станет ли время –

без дураков – иным?
Верится: ждёт нас обетованный храм,
зренье вот только застит
прогорклый дым.

Пустое место

В уверенной хозяйской позе,
как Ряба на родном насесте,
сидит ворона на берёзе:
берёзе – шесть, вороне – двести.

Да только в вечности масштабах
их возрасты неразличимы:
чуть-чуть покаркаешь – и набок,
пошелестишь – и нет дивчины.

О грозных звёздах стих слагая,
ars brevis*, – мыслишь поневоле,

но их не ждёт судьба другая:
не век пастись им на приколе.
«Всё чёрные поглотят дыры,
всё сгинет скоро в пасти мрака...»
Не вой, собака! Звуком лиры
я присмирю тебя, собака.

Того и время не зарежет,
что неподвластно спешки блуду;
пустое место всё содержит,
«нигде» равняется «повсюду».

**«искусство быстротечно» (лат., [ars brevis]): переделанное латинское высказывание «ars longa, vita brevis» – «искусство долговечно, а жизнь коротка».*

Хрустальный шар

Шар хрустальный – вот всё,
что я помню о нём.

Он был небом завещан. Опустит
его в тигель, испробуй огнём –
ни царапин, ни трещин.

Шар я помню, в котором текли облака
с невесомым сияньем,
но с годами – упорно твердит мне
строка –
я расстался с тем знаньем.

Невзирая на то, что так скоро умру,
что забвенье – химера,
я мотался, как ржавая жесть на ветру,
и летал, как фанера.

Где хрустальный мой шар?

Хоть шаром покати –
ни числа, ни излучин.
Ветер жухлые листья прогнал по пути,
что до скуки изучен.

Всё равно! всё равно! –
бьётся пульсом в висках.
Это было недаром.

Шар хрустальный
в моих согревался руках.
Я владел этим шаром.

* * *

Когда смыкается печаль
над выщербленным суесловьем,
то переход к иным речам
природой ночи обусловлен.

Он обусловлен тишиной,
дождём, распластанным по крышам,
и очень внятной виной,
чей голос в гомоне чуть слышим.

Тогда являются слова
о том, что якобы забыто,
и – распрямляется трава
из-под глумливого копыта!

Разъятые на «я» и «ты»,
мы искренности не стыдимся –
так разведённые мосты
томит желание единства.

Мосты, естественно, сведут.
Сомкнётся линия трамвая.
Загонит весёлый люд,
друг дружке медь передавая.

Дурная привычка

Дурная привычка: при свете
над ворохом книг засыпать.
Пусть яркие полости эти
заполнятся дёгтем опять.

Коль примесью мёда (you promise!)
пахнёт из клубящихся лет –
смолчу, с головою укроюсь:
всё сходит – и с рук, и на нет.

Что будет – прибавка ли, вычет, –
когда перережется нить?
Дурнее всех прочих привычек –
привычка настырная жить.

НОВОРОССИЙСК

Михаил Ярохович

Автор более 300 публикаций в периодических изданиях (журнал «Вокруг смеха», «Литературная газета», «Фонтан» и др.) и сборниках («По секрету всему свету», «Улыбка Пегаса», «В точку» и др.). Журналом «Вокруг смеха» назван «Мистером Вокруг смеха – 2005 года». Автор нескольких сборников иронических стихов, каламбуров и одностиший.

Лирика и сатира

Беззуба лирика. Она
Нежна, задумчива, скромна,
А вот сатира, та – зубаста,
Та в горло вцепится, и – баста!

* * *

Друзья есть разные, причём,
Различий в них немного –
Один подставит вам плечо,
Другой подставит ногу.

* * *

Из наук, по крайней мере,
Я одну сумел понять,
Что нельзя давать Сальери
В пьянках рюмки наполнять.

* * *

Меняется мой жизненный уклад:
С постели поднимаюсь в воскресенье,
Жена приносит тапки и халат,
А раньше приносила вдохновение.

* * *

Жизнь прекрасна, спору нет,
Мне давно она по нраву,
Будто пачка сигарет
С разъяснением Минздрава.

* * *

Я сержусь, когда неправ
На себя за жуткий нрав,
Но особенно сержусь,
Что сердитым спать ложусь.

* * *

Хоть в риторике множество блюд
Безупречных на вкус и на слух,
Не докажешь, что ты не верблюд,
Коль доказывать надо ослу.

* * *

Пиво каждый по-своему пьёт,
Кто степенно, а кто торопливо,
Не боясь за растущий живот;
Он растёт не от пива – для пива.

* * *

России современное движение
Назвал бы увязанием во лжи:
Чем больше говорим про достижения,
Тем хуже почему-то наша жизнь.

Чёрный квадрат

Казимир Малевич, кстати,
Хоть пророком не бывал,
Всех точнее в своём «квадрате»
Нашу жизнь наМАЛЕВАЛ.

* * *

Сплетал бы в стих хорей-ямбы,
Хвалил Россию, что есть силы,
Когда в родной поменьше ям бы
Да воровства поменьше было.

* * *

Раньше только по балету
Возглавляли мы планету,
А сейчас, погрязши в хламе,
Возглавляем по рекламе.

* * *

В Интернете вся планета,
Лишь лентяй в него не вхож.
– Есть ли жизнь без Интернета? –
Скоро спросит молодёжь.

* * *

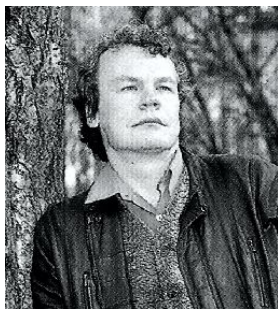
Наша жизнь не мёд – горчица
Очень горькая и злая.
Хорошо, что быстро мчится,
Раз она у нас такая.

* * *

На то, что делается нами
Господь взирает с высоты
И кроет всякими словами
За полный крах своей мечты.

* * *

«Интеллигент!» из уст подонка,
Какого – независимо,
Звучит с издёвкой и громко,
Но всё-таки завистливо.

Юрий Беликов

Родился в 1958 году в городе Чусовом. «Махатма российских поэтов» (Гранпри на Первом всесоюзном фестивале поэтических искусств «Цветущий посох» – Алтай, 1989). Награждён Орденом-знаком Велимира «Крест поэта». Лидер движения дикороссов и главный редактор одноимённого сайта www.dikoross.ru. Член Высшего творческого совета Союза писателей XXI века. Член редколлегии альманаха «45-я параллель».

Клавиши

Книжный шкаф – клавиатура.
Сколько клавиш-корешков!
Пианист, губа не дура,
ах, рояль-то твой каков!
Нет единственного звука.
Есть единый звукоряд.
В безучастной гамме духа
книги рядышком стоят.
До – для Данта, фа – для Фета,
ми – Мицкевич, ля – Золя...
Пианист, ты слышишь это?
Где же музыка твоя?
Отчего по книжным полкам
водишь пальцем сверху вниз?..
Ты возьми аккорды с толком!

Но ответил пианист:
– Я сыграл бы на рояле,
я бы взял аккорды те –
только клавиши запали
у рояля кое-где.

Портрет в глубине пещеры

Зачем творец сменил наземный свет
на острый мрак пещеры безымянной,
где сам себя, негорбившийся, сверг
на гулкие колени покаянно,
и на коленях в глубь её проник,
и там, в одном из дальних ответвлений,
нарисовал на камне женский лик,
не распрямив ободранных коленей?

Затем ли ты под своды тьмы и льда
уносишь, мастер, замысел портрета,
чтоб скрыть его от света навсегда, иль
навсегда открыть его для света?

Тень Тинякова

*Со старой нищенкой, осипшей, полупьяной,
Мы не нашли угла. Вошли в чужой подъезд.*
Александр Тиняков

По пояс – в тине, весь – в тени
но мордую багряной – к свету:
– Подайте бывшему поэту! –
он просит ангелов. Они,
поэта в нём не признавая,
но бывшего поэта чтя,
швыряют из карманов Рая
монеты мелкого дождя,
как если бы по горло – в нимбе,
весь – на свету, лицом – во тьму
он демонов об анонимке
молил надсадно, а ему
одни лишь лестные посланья,
где есть обратный адресат,
шли без труда и угасанья,
Рай выворачивая в Ад.

– Подайте бывшему поэту! –
гремя веригами веков,
в тени и тине Тиняков
чеканил чистую монету
среди проституток и плевков.

Был Тиняков. Я сам таков.
Среди плевков и проституток,
очей, околышей, оков
пример мой мерзостен и жуток.
Но есть последняя строка:
– Подайте бывшему поэту! –
в хребтину мира острога
за то, что был поэт – и нету.
Зато деньга – на сотни га,
в подъезде старая карга
и та сипит:
– Гони монету!

И Тиняков напомнил свету,
что жизнь поэта – дорога.

Время мое миновало.
Слово моё не сбылось.
Видимо, времени мало
Слову, что с Временем врозь.
Бог ещё нужен. Но Слово
тихо покинул Господь.
Нету для Бога покрова –
можно лучом проколоть.
Кто ж там, совея от пиршеств
клича парчою паршу,
Словом отринутым пишет,
ежели я не пишу?!

Не трепещи, ангелочек,
и за меня не моли
Времени для проволочек:
то ещё не перечли.

Со мною скоро онемееет мать.
Я тоже скоро онемею с небом.
А небо онемееет с кем? Сказать?
Никто не скажет.

Стикс впадает в Неман.
Безгласие. Хоть ором полон двор.
А звук, который

приближался к Блоку,
на пересылке звёздной кто-то спёр,
и проку нет с печи слезать пророку.
А те, кто взнуздан тягой слуховой,
летят на отзвук трубного регистра –
там холодно, там олово с лихвой
из олухов вытапливают быстро.

Санкт-Петербург

Юлия Рудомазина

Родилась и почти всю жизнь живёт в Ленинграде/Санкт-Петербурге. Неоднократно публиковалась в изданиях «Интеллигента» и дружественных изданиях.

Основное направление в творчестве – верлибр, как вид поэзии, относительно свободный от давления формы.

Главный редактор Международной медийной группы «Интеллигент».

Весна Лизы

В этот месяц космических сил
Опять на свободе гормоны и аллергины.

Город, осипший,
Тяжело дышит
Нервно
Дрожит
И зябнет

А где-то в нём,
Почти на окраине,
Под чьими-то окнами кто-то
На асфальте мелом
Написал «Лиза»
И нарисовал сердечко

Теперь я знаю,
В соседнем доме
В первой парадной
Живёт какая-то Лиза
И у неё – весна

А весна у Лизы
(Мне так хочется)
Пахнет морем
Свежескошенной травой
Свежеспеленным деревом
И кое-чем ещё,
Одной ей ведомым...

Кто эта Лиза?
И чем хороша?
Ей, должно быть, совсем мало лет
Она смела? Весела и задорна?
Впрочем, как знать,
Не зло ли она во плоти
Не читает ли про
«Пятьдесят чего-то там до чего-то»
Вдруг, слушает не того Егора...

Но кто-то ведь
Взял мел
И признался в любви ей

Прям вот тут, на асфальте.
Невидимой Лизе,
Одному ему ведомой.

А она смотрит, наверное,
Из окна квартиры,
Которую едва покидала
В этом месяце этого года.
Она знает, кто это
И, может быть, тоже...

Глядя за утренним кофе
На весну Лизы,
Хочешь уверовать
В победу, пусть временную,
Той светлой и чистой
И порочной, конечно,
Жизненной силы
Над вот этой вот тёмною
Над мрачною, мутornoю
Над Авадою, над Кедаврою...

* * *

Город чихнул –
Пыльно, и листья почти распустились.
Жизнь льётся в стволах деревьев
Выплёскивает себя на улицы
И на нашу, маленькую, где
Лишь собаки выводят своих людей
На прогулку,
Да дворник из солнечных стран
Старательно вычищает весь мусор
И мёртвые листья.

С поливальной машиной жизнь
Несёт себя на проспекты,
На узкие улицы, что плетут пути
Вокруг старых домов
Где слегка заплутал
По младенчеству
И звонко плачет
Новорождённый трамвай...

* * *

Потом прошёл дождь
Очень банальный
Про него писать неинтересно.

Он размыл слегка надпись
Но совсем скоро
Та же рука, ещё раз
Обвела тем же мелом
Ту же «Лизу», да и сердечко.

Так любовь победила
Злую стихию.
У Лизы – весна.

* * *

С вечерним односолодовым
Стаканчиком я
Хожу по квартире,
Поглядывая в окно
На весну
Я слушаю «Пилот»
И жужжащую на кухне
Машинку для стрижки,
Борющуюся с мужской бородой,
И думаю,
Кто и с кем
Должен спариться,
Чтоб получился
Новорожденный трамвай...

Жила-была девочка...

Жила-была девочка
В городе,
Который простоял под небом
Почти двести сорок лет,
Пока большие дяди
Не решили
Поиграть в солдатиков.
И один из них подумал,
Что сейчас у всех выиграет,
И с неба начали падать
Бомбы

На континенты, на страны, на города
И на тот Город,
Где жила, где была
Девочка

Мир горел
И тот город горел
Люди горели,
Обратились
В прах
В небытие.
И родители девочки
Так же рассыпались
Растаяли в вечности
Вместе со всеми.
А девочка...
Подождите.

Где-то рядом,
Где дачи,
Где совсем недавно
Была другая страна,
Под осаждённым Городом,
Туда пришёл человек,
Который жил,
Который был.
У него были родители,
Жена, дети, дом,
Церковь, куда он ходил.
Он верил

Тому, кто послал
Его и остальных
Солдатиков
Поиграть.
У него было ружьё
(Автомат, карабин, алебарда,
Не разбираюсь)
Он стрелял
И в него стреляли
С ним что-то случилось:
Убит, выжил, пропал,
Я не знаю...

Но

У него тоже был Город,
Откуда он.
Простоявший под небом
Почти семьсот сорок лет,
Но во время большой игры
В солдатиков
С неба
Начали падать...
Бомбы

И всё горело,
Рассыпалось всё:
Родители, жёны и дети
Дома и церкви –
Все ринулись в вечность...

А девочка?
Девочка выжила, может быть,
А, может, и нет –
Все умирали....
Какие шансы остаться?

И тут бы мораль,
Но нету морали
Нет справедливости

НЕТ

Просто,
Да горите вы все,
Кто играет в солдатиков

Я – небо

Я – небо
Я лежу у вас под ногами
Как пролитый чай,
Как лужа,
Передёргиваемая рябью
От падающих в неё капель дождя.
Я брежу
Вы отрицаете мой бред,
Как отрицают дырявый непарный носок
Вы не правы,
А я – небо
И, если приглядеться,
Я у вас над головой.
Я смотрю на вас

Сансара

Когда тишина, когда ни витринки
Воздух густой, птицы молчат
Не колыхнется ни одной травинки
Слышно как пронзает
пространство
собственный взгляд...

Наверное, вот так вот разомкнётся
Колесо Сансары
И колесница разобьётся
На пары...

Виктор Криницкий

Поэт, декламатор, педагог и интересная творческая личность.

Родился далеко, живёт в Санкт-Петербурге

Подарок геймеру В.Г. на день его рождения

Если вдруг у любимой женщины
(у твоей у любимой женщины)
вдруг окажется День Рождения,
(её собственный День Рождения).

И ты будешь усиленно думать
(головой своей будешь думать),
какой подарить ей подарок
(чтобы был оригинальным подарок).

Не ломай себе долго голову
(свою буйную светлую голову),
а садись за любимый компьютер
(свой любимый домашний компьютер).

Ты возьми игру виртуальную
(крутую игру виртуальную),
где можно стрелять и драться,
и начни и стрелять, и драться
и пройди её всю до конца
(от начала пройди до конца).

И этот геройский поступок
(очень геройский поступок),
который называется – подвиг
(несомненно называется подвиг),
подари ей на День Рождения
(как подарок на день рождения).

И твоя любимая женщина
(очень милая любимая женщина)
будет тобой гордиться
(несомненно будет гордиться)

и расскажет всем друзьям и подругам
(всем своим друзьям и подругам),
какой классный подарил ты подарок
(в День Рождения подарил ей подарок).

И все её многочисленные подруги
(очень многочисленные подруги)
будут ей жутко завидовать
(несомненно будут завидовать).

Потому, что ты её рыцарь
(очень сильный и смелый рыцарь)
совершил для неё подвиг
(такой героический подвиг).

И будут тебя в пример ставить
(мужьям и друзьям в пример ставить).

И узнает об этом президент наш
(очень народный президент наш)

и вручит тебе за это орден,
(несомненно вручит тебе орден)
и ты станешь героем страны
(героем нашей героической страны).

И конечно ты скажешь спасибо
(ты мне конечно скажешь спасибо)
за этот классный совет
и угостишь коньяком!

В L I N !

Где-то там далеко на конце земли,
где северный город в тумане и корабли,
на краешке стула за столом у окна –
она.

На экране беспрерывно мелькает что-то.
Это утомляет, но такая работа,
и пока от этого никуда не уйти.

Прости,

я далеко на другом конце земли,
где южный город солнце и корабли,
на табурете за столом у окна.

Она

мне снится наверно (или это бред).

Не покидая свой табурет,

я сажусь на стул за её спиной.

Зной

её жаркого тела обнимаю руками,

прижимаюсь к её шее губами,

шепчу:

«Хочу

быть с тобой! Мне с тобой хорошо!

Ты мой самый позитивный шок!»

Но открываю глаза и снова один –

В L I N !

Пьеро

Ты – жалкий мим!

И грим

твоё печальное лицо

белее сделал, чем яйцо

у курицы.

Висящие концы

твоих длиннющих рукавов

без слов

дают понять,

что уже не поменять

тебе ту роль,

которую король

подмостков дал тебе играть.

Но ты не будешь проклинать

тебя создавшее перо,

Пьеро.

И хоть в народе много подлецов,

которым нравится плевать тебе в лицо,

не перестанешь веселить народ,

(какой бы ни был он урод)

не возмутишься ни потом и не сейчас,

ведь ниточками правит Карабас!

Это уже слишком

Сижу,
в окно гляжу,
скучаю,
на звонки не отвечаю,
сам не звоню,
никого не виню
в том, что сижу один,
сам себе господин.
А где-то там, среди льдин,
на северном полюсе живут медведи
и их соседи –
тюлени.
И лень им
в жуткий мороз
свой нос
высовывать из воды.
Смотри –
температура воды
плюс три,
а температура воздуха минус тридцать!
Есть, от чего взбеситься!
(Поэтому там больше никто не хочет селиться).
Но тюлени и медведи
не всегда неразлучные соседи.
Иногда их зоопарки и цирки разлучают
(они же не знают,
что медведи по тюлениям скучают,
когда их разлучают).
А вот тюлени по медведям не скучают.
Надо должное им отдать
они конечно замечают,
что медведей уже не видать,
но так, чтобы по ним скучать,
это – уже слишком!
(это не их фишка)

Вот и я уже не скучаю,
тюленей и медведей угощаю чаем.

В начале было не слово
(сказка)

Вот, кто-то там говорит,
что в начале было слово.
А в начале было не слово.
В начале не может быть слово.
Потому что слово
не может себя придумать,
не может себя сказать
и не может себя написать.
В начале было не слово.
В начале был тот,
кто это слово придумал и сказал,
или, может, написал.
Но если слово придумать,
а потом сказать, или написать,
а его никто не услышит, или не прочтёт,
то какая в нём польза?
А даже, если кто его и услышит, или прочтёт,
но не поймёт,
пользы ведь тоже будет не много.
Поэтому, в начале был тот,
кто придумал слово;
и была та,

которой это слово было предназначено.
И та,
которой это слово было предназначено,
ещё никогда не слыша и не читая этого
слова,
уже его понимала.

А тот кто придумал слово,
придумал его таким,
чтобы оно сразу ей понравилось.

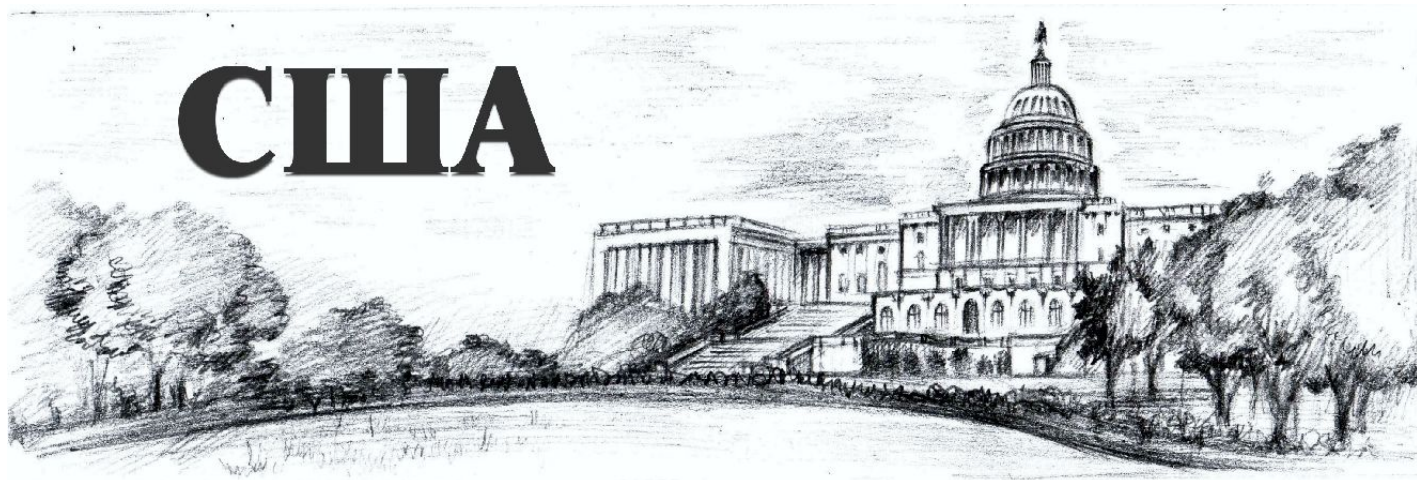
И когда она услышала это слово,
то очень обрадовалась.
И для того, чтобы ему сказать в ответ
тоже что-то очень приятное,
она придумала второе слово.

А тот,
кто придумал того, кто сказал первое слово,
и ту,
которой это слово было предназначено,
смотрел на них
и радовался.

Сказка о том, как появилось лето

Давным-давно было всего три времени года:
зима, весна и осень. И их погода
не очень сильно тогда отличалась
(просто по-разному называлась).
Они дежурили, поочерёдно сменяя друг друга,
год за годом ходили по извечному кругу.
И (от однообразия) одолела их пренеприятнейшая штука –
скука.
Весна и осень так скуку преодолевали:
они тайно о горячей любви мечтали.
Зима бы тоже с удовольствием помечтала,
но, как это делается, она не знала.
И вот (когда такой образ жизни стал уже совсем не сносен)
встретились как-то на смене дежурства весна и осень.
И, хоть настроение у обоих было не очень,
потому что каждый был своими проблемами озабочен,
но слово за слово и разговорились.
И очень сами себе удивились,
чего это они раньше между собой никогда не общались,
лишь просто встречались, передавали полномочия и прощались.
А тут им вдвоём стало до того хорошо,
что они даже не заметили, как срок дежурства зимы подошёл.
Ведь, пока они от взаимной любви балдели,
незаметно три месяца пролетели,
и ничего не ведая про их дружбу,
зима в свой срок явилась на службу.
Смотрит, а на улице невыносимая жара
(раньше такого не было и днём, а тут прямо с утра).
Разумеется, она начала сразу ворчать
потому что не смогла как обычно свою службу начать.
Говорит: «Ну какая тут может быть теперь работа,
если я постоянно мокрая от пота».
Она даже не поняла, откуда взялась жара эта,
плод горячей любви – знойное лето!
И пошла она жаловаться к тому, кто её на службу поставил.
Но ему лето понравилось, и он его оставил,
а зиме, чтобы ей не было жарко, он подарил снег и лёд.
И с тех пор она так в холоде и живёт,
отмораживаясь и недоумевая,
что это там получилось между сентябрём и маем.

США

Андрей Корчевский

Родился в 1966 году в Алматы, Казахстан. Эколог, доктор биологических наук. В Казахстане опубликованы поэтические сборники «Приближение весны», «Клеопатра, Клеопатра» и «Однажды, навсегда». С 2009 года живёт и работает в США.

Сонет девяти муз

Я заглянул в окно горящее, и вот:
роль у окна зубрит тень дряхлой Мельпомены,
скушает Талия: тесны врата и стены,
и Клио басни врет, что твой ученый кот,

Эвтерпа с флейтою свистят попеременно,
Уrania, скупясь, ведет созвездьям счет,
а с Терпсихоры пот, как с проклятой, течет,
а Каллиопа слез не льет о славе брэнной,

у Полигимнии в глазах то мрак, то лесь...
Но кто у зеркала расчесывает здесь
свою чудесную копну под масть заката?..

Увидимся ли мы еще с тобой – Бог весть,
но я запомню все, а ты, моя Эрато,
с безусым бардом вновь забудешь все, как

Сумерки

Ко мне опять вернулись вечера
из прошлого. И вновь пришла пора
воспоминаний, дневников, заметок.
Графичны очертания двора
и первым снегом оттененных веток.
И лужи на асфальте, как слюда,
и горечь с ветром в воздухе струится.
И горожан, спешащих кто куда,
размыты позы, контуры и лица.
Вчерашний дождь был робок, близорук,
а нынче снег повел отсчет с начала.
Природа ли свой совершила круг,
судьба ли дни мои закольцевала.
И хлопья снега с каплями дождя
сливаются в немеркнущие блески –
и, наугад по городу бродя,
мы на одном сойдемся перекрестке.

Двор консерватории

Вот музыкальный двор. Другим не ровня он.
Нам – пришлым и своим – дарует он в избытке
вальпургиев концерт, гармоний Вавилон,
немыслимый коктейль из Шуберта и Шнитке.

Толпятся звуки тут – причудливо, пестро,
всяк по своим делам, как москвичи в метро.
Из каждого окна – поток страстей и дум,
и в каждом – музыка, а вместе только шум.

...Так пролетает Бог над городом моим,
когда взойдет луна, туман с предгорий слижет,
и тысячи молитв несутся в синий дым,
и все сливаются – он ничего не слышит.

И, опустив глаза, он уплывает прочь:
не вправе нас забыть, не в силах нам помочь.

Суламифь

Над пустыней Негев – все снега да снега,
но, сквозь вьюгу, является вдруг
образ твой, эфемернее ткани стиха,
замыкающий огненный круг.
Ты, как вспышка, мое озаряешь жилье,
воскресаясь касаньем перста...
И да будет прекрасно бесстыдство твое,
как прекрасна твоя чистота.

Я с тобой расстанусь, как обряд сотворив –
возвращаюсь, куда бы ни шел...
Пусть алмазы гранятся для пальцев твоих,
а для плеч будут бархат и шелк.
Будь достойно любима и вечно ничья,
всеохватней струны и холста.
И да будет одежда прекрасна твоя,
как прекрасна твоя нагота.

Но спросите о прежней листве у лесов.
Все, что прошлое, скажут, мертво.
Ненасытный художник иное лицо
нарисует поверх твоего.
Тишина изначальная вступит в права,
лишь архангел разбудит, трубя...
Будет слаще, свежей луговая трава,
но никто не заменит тебя.

Ольга Ильницкая

Родилась в 1951 в Одессе. Поэт, прозаик, эссеист. Член ЮРСП, Союза писателей Москвы, Русского ПЕН-центра, Национального Союза журналистов Украины. Член редакционной коллегии Одесского литературного журнала «Южное Сияние». Произведения были опубликованы в антологиях «Антология короткого рассказа. Россия, 2-я половина XX века» (2000, Москва), «Новая антология поэзии» (2009, Москва), в Одесской литературной антологии «Солнечное Слетение» (2010), в альманахах «Меценат и Мир» (2003, 2004, Москва), «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса), «Черновик» (2002, Москва), в журналах «Крещатик» (1999), «Знамя» (2003), «Арион» (2004), «Октябрь» (2005), «Дон» (2010) и др. Автор книг стихов и прозы «Жизнь тому вперед» (1995), «State Of Emergency» (2000, Киев), «Твоими молитвами. Книга одного стихотворения» (2001), «Дебют на прощанье» (2002, Москва), «Сеть встреч с Богом» (2005), «Божий человек, или книга про все хорошее» (2008).

ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

Мама сказала:

– Первое, что ты сделала, научившись ходить... ушла из дома.

... Я помню это. Раннее утро. Уже жарко. Веранда, увитая диким виноградом, – маленькие фиолетовые ягоды. Невкусные. На рассвете в лозе запуталась беременная летучая мышь. Ушастенькая, пузатенькая, кожаная.

Папа мышь выпутал, показал маме и мне – и выпустил. Удивленно сказал:

– Не кусалась. Почти не трепыхалась. Ждала, пока отпущу.

Я запомнила, и этой формулировкой руководствуюсь в жизни – не кусаюсь и не трепыхаюсь, жду, когда жизнь отпустит, как папа летучую мышь.

Еще запомнила, что всегда есть тот, кто распутает и отпустит, если попадешься.

Так вот, в то утро, когда мышь улетела, на мне были голубые рейтузы до колен. В них я и сошла с крыльца веранды после завтрака. Прошла вдоль кирпичей, треугольниками торчащих по краям дорожки. Мама их побелила, превратив в кружевной подзор тропинки. Вот по этой красоте с еще не порывшей июльской травой вышла за калитку и встретила собаку. Она глянула исподлобья белыми глазами. Я опять удивилась, второй раз за утро, что у собаки глаза белые, и пошла за ней.

Сначала дорога была свободной и большой, очень яркой – вокруг небо, голубое и надетое на это все вокруг: будто я под столом стою, огромным, накрытым голубой скатертью, и она свисает до пола. Потом стало узко – зеленые края появились, и уже я не под столом, а по коридору иду за собакой, и стены коридора ветер перебирает, как листья. А собака оглядывается на меня. И я оглядываюсь. А собака за мной, оказывается. Смотрю вперед – а она впереди. Оглядываюсь – уже сзади. Так и ходим по коридору. А потом голубое исчезло, зеленое сомкнулось, круг разомкнулся. И все сгустилось.

Холодно стало. Собака села столбиком. А я на нее оперлась. Так мы поотдыхали. И не пошли больше по прямой, хотя было можно, а свернули, вошли в стену и оказались над обрывом. Я заглянула. В глубине бормотало, всхлипывало, и туда прыгали кузнечики с голубыми и розовыми подкрыльшками. Я тоже прыгнула, зажав в кулаке щекощущегося головоногого зверька. Он не был похож на летучую мышь. Он был летучей лошадкой, летающим коньком. Вслед за нами прыгнула собака.

И вот мы лежим на берегу реки. Нам не перейти через нее. Даже

по сваленному мостику – стволу сухой акации. И потому мы лежим и слушаем. Собака даже глаза прикрыла. А уши торчком. Но я успела увидеть, глаза у собаки не белые, а голубые. Кузнечик во мне вспотел, и я кулак разжала. Но собака, глаз не открыв, слизнула его быстрым лиловым языком, похожим на тучу. А туча висела над нами, и показалось, что собака и небо лизнула, приласкав, словно конька только что.

И тотчас с неба просыпались кузнечики. Они летели, распушив крылья голубым и розовым дождем, сухим и стрекочущим. Но очень быстро звук смыло водой небесной, соединившейся с водой под мостиком-акацией. Закипела речка, вспенилась. Мы с собакой под куст шиповника спрятались, а речка добралась до нас, и стали они лизать друг друга. Собака – речку, а вода – собаку. И меня. Я тоже... лизнула. Думала – она исчезнет, как кузнечик в собаке. Потом рейтузы стали мокрыми, я отжимала их, и резинка на животе лопнула. Сняла их, стала свободна – руками можно было речку отпихивать. Так мы боролись, а потом собака ушла. А я за ней, конечно. Мы вместе ходили, она меня поджидала.

Когда я устала и замерзла, меня нашел солдат Николай. Он прогнал собаку, а меня отнес к папе. Папа спросил, почему я голая и пахну псиной. Солдат Николай ответил, что меня грела собака, когда мы лежали под крыльцом артиллерийской школы.

– А почему они лежали там? – удивился отец. – Там сухо, – объяснил солдат. – Где твои рейтузы? – спросил папа. – Я ненавижу их.

– Ясно, – сказал папа. Спустя сорок лет, в российском городке Вохме, далеко от бессарабского Березино, где происходили события, я встретила ту собаку с белыми глазами. То есть, голубыми. Я шла в голубых джинсах и с рюкзаком, а собака шла впереди. Она оглянулась, подождала, пока я догоню, и мы пошли. Прямо. А потом свернули в зеленое, оказались в лесу, у края обрыва. Прыгнули вниз к реке. И я поймала кузнечика, показала собаке. Она слизнула его лиловым языком. А я долго смотрела на реку Вочу и вспомнила, как называлась та, первая в моей жизни речка: Бахмутка. Я сказала собаке:

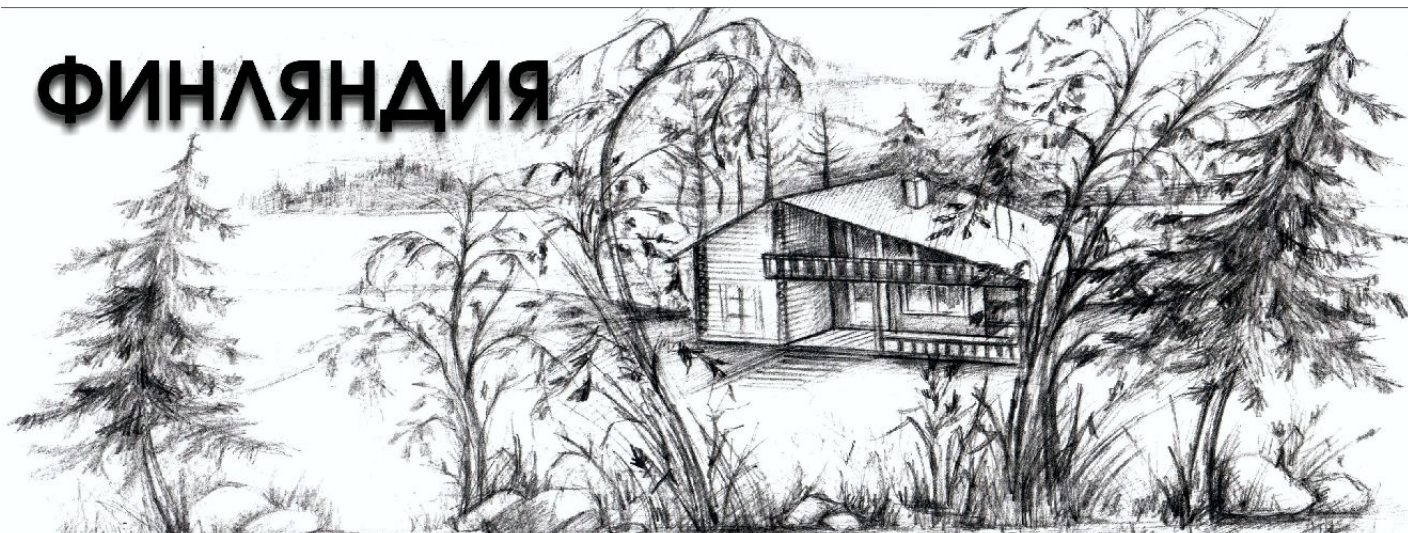
– Спасибо!

Собака поднялась, посмотрела исподлобья и ушла...

Тут-то и прилетела кожаная мышь. Она кружила надо мной, как зонт, защищала от лиловой тучи. И когда кузнечики застрекотали, хлынул ливень. А мышь сказала негромко:

– Это была не та собака.

ФИНЛЯНДИЯ

Андрей Карпин

Родился в 1961г. в Петрозаводске (Карелия). Филолог, работал журналистом в карельских республиканских газетах. В 1997г. переехал в Финляндию. Автор сборника стихов «Дом, который я строю...», публикаций стихов и прозы в периодических изданиях, сборниках и альманахах.

* * *

Ноябрь выстукивал в тиши
слепую дробь нецелых чисел...
Как эту формулу решить:
вода плюс ветер минус мысли?

Промозглый вечер студит мозг.
И мысли льдом звенят в бокале.
Соломинка наводит лоск в коктейле
В этом виртуале

дождь за окном. Мне всё равно
не превзойти Ферма, Эйнштейна.
Хватаюсь сразу за бревно
и выплываю из глинтвейна

Свой кубок иссушив до дна,
перемешав и лёд, и пламя,
поверил: истина – одна.
Еще не выпитая нами.

А что ноябрь? Ему темнеть,
стучаться дробно в подоконник.
Давно листья упала медь,
и золота никто не помнит.

* * *

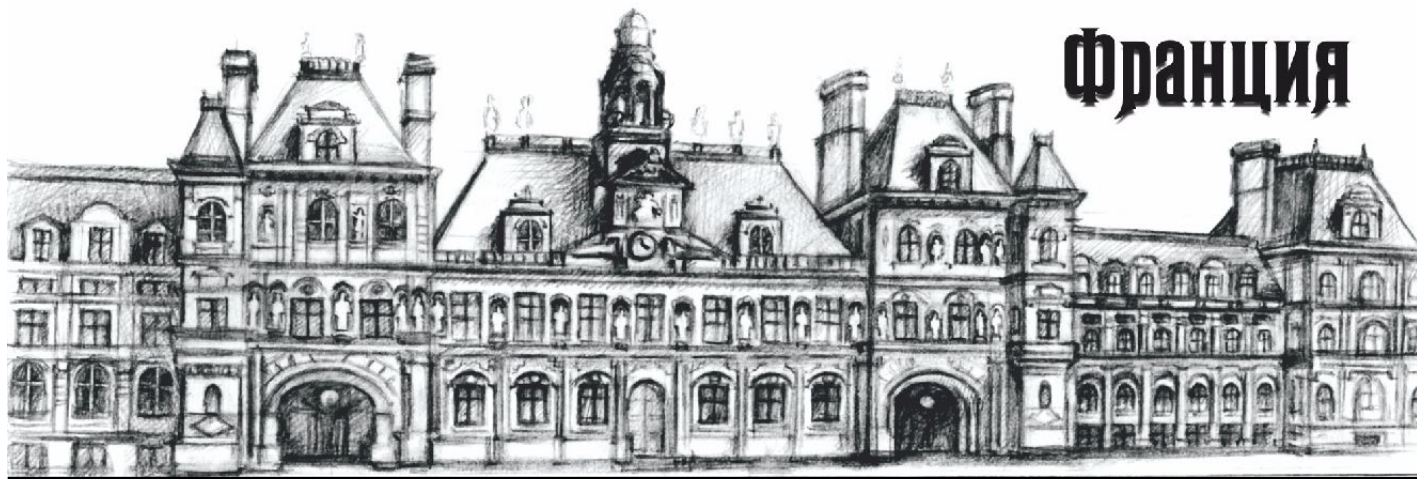
Смутно брезжит рассвет
Занавески скрывают от мира
Спящих взрослых, их вещи,
Их странные долгие сны...
Суть бравады и бед...
А за окнами хмуро и сыро,
Снега нет. И не будет...
И совсем далеко до весны.

* * *

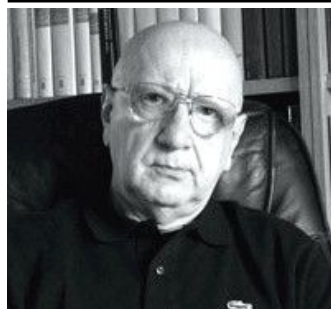
Разбудит дождь в начале декабря
Тревожным стуком тяжких, хмурых капель.
О снеге тут давно не говорят,
А дед Мороз от горя, видно, запил...

Нечто

Из ничего, где даже тьмы
В природе не было в помине,
Возникло нечто.
Это мы
Зажгли с тобой огонь в камине.
Легла мне на руку ладонь.
Твоя щека плеча коснулась.
Пылал разбуженный огонь,
И ночь в реке времён тонула.
Воспринимая, как курьёз,
Любых условностей границу,
За тонкой ширмой снов и грёз
Сливались вновь тела и лица.
И вырастала ночи тень,
На всполохи огня косилась,
Металась среди гулких стен
И замирала, обессилив.
Мгла стёрла, спрятала луну.
А здесь, неровными стежками,
Наш шепот штопал тишину,
Но вскоре криками зашкалил
Камин к утру не догорел.
Огню теперь в нем биться вечно...
Обычный жар сплетенных тел.
И нерассказанное Нечто.

Франция

Виталий Амурский

Родился в Москве, в 1944 году. С 1973 года живёт во Франции. Профессиональный журналист и литератор. Автор 9 книг и многочисленных публикаций в различных журналах, альманахах, сборниках. Член редколлегии альманаха «45-я параллель».

Легенда

Бармы и Постника маковки
Взвились в небо Московии.
Праздник, да только аховый.
Мёд золотой с оскоминой.

Вспыхнули славной сказкой
Краски такие сочные,
Только по воле царской
Ослеплены зодчие...

Правды ли больше, вымысла
В прошлом, где всё не свято,
Ты ведь и больше вынесла,
Русь моя – сердце смятое.

Фатьянов в Париже

А. Булатову

Соловьи, соловьи...
C'est la vie,
C'est la vie...

Гагарин

Спорят Гжатск и деревня Клушино,
Кто из них был ему колыбелью,
А я помню столицу с лужами
И апрельской её капелью.

Первых гроз веселящий грохот –
Тех, что небо радостно шлёт нам,
И портрет на листовках крохотных
Парня этого в шлеме лётном.

Там взлетала душа как птица
И гордилась силой стальной!..
Было чем нам тогда гордиться.
Про него я, не про остальное.

Утрата

Памяти Леонида Райка, друга московской юности, мастера спорта по регби, игравшего в команде «Фили».

Молчания, прощаясь, не нарушу.
Всё сказано уже, наверняка,
И душу выворачивать наружу
Не стану я парижским сквознякам.

Лишь об одном посетовать могу я,
Что не услышишь, не увидишь ты,
Как на Монмартре голуби воркуют
И горбятся над Сеною мосты.

Умом приемлю. Только вот, смириться
Сознание не может всё равно,
Что никогда для нас не заискрится
Бордосское весёлое вино.

Друзей всё меньше, письма тоже редки.
Луну б тебе для встречи я припас –
Пускай она круглей, чем мяч для регби,
Ты выдал бы и с ней прекрасный пас.

Увы, на поле в чемпионской майке
Не выйдешь ты, как чёрт и Аполлон...
И что мне этих туч закатных маки,
И Нотр-Дам, что солнцем опалён!

Но сквозь листву, светящуюся воском,
Мне чудится твой голос, как живой,
На Маяковке,

в парке ли Филёвском –
Такой неповторимый, Боже мой.

Ирина Аргутина

Родилась в 1963-м. Окончила Челябинский государственный университет по специальности «Химия». Автор 6 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных журналах, альманахах, литературных изданиях. Член Союза писателей России. Член редколлегии альманаха «45-я параллель». Работает инженером, живёт в Челябинске.

* * *

Озноб осеннего дождя
рождает горечь листопада.
Над мокрой площадью
 вождя
ведет заоблачное стадо
к заморским пастбищам.
 Они
пройдут воздушным коридором.
О, местный боже,
 сохрани
меня бездушным валидоллом
на этой,
 вымокшей в слезах
земле под коркой каменистой,
ломтём пока не отрезай,
ещё не снег...
 ещё не выстрел...

Листва с повадками мышей
лениво бегала от ветра.
И стало легче на душе.
И удалось пройти два метра
по улицам и площадям,
по проводам и эстакадам
сквозь дрожь осеннего дождя,
промокшего под листопадом...

Октябрь

Молочный воздух стелется, зыбуч –
с овчинку небо и земля с коврижку,
и жмёт слезу из поседевших туч
пустых полей детдомовская стрижка.

О, кто
не умирает в октябре!
Не навсегда – до следующего раза,
до льдистой вспышки света на ребре
октаэдром застывшего алмаза...

Октава,

 завершаясь нервным «си»),
лишает очевидности исхода:
не жди, не верь, не бойся, не проси –
у ангела нелётная погода;

ему сплошная облачность претит —
молочный воздух
нынче непроезжий.
И лишь слеза из тучи долетит,
чтоб утонуть
в кисельном побережье.

Октябрьское позднее

Краткий реликтовый луч,
 милосердный, как лепет
 о состраданье к любой
 народившейся твари,
 вышел – и сгинул.
 И снова горбатого лепят
 ветер и дождь –
 из прохожего на тротуаре. Он,
 одинокий, как праведник,
 чёрный, как ворон,
 не исчезает во чреве
 бензиновоядных,
 стеклобетонных
 и прочих примных, но ворот
 поднять, лица не видать,
 устремленья не явны.

Что ж его тянет и клонит –
 под ветром восточным,
 редким казахским пришельцем,
 враскос морозящим?
 Что его гонит, как чёрную щепку,
 по сточным
 и водосточным клоакам? –
 а впрочем, грозящим
 разве что насморком.

Что ж его носит, как парус?
 Что ж позади, в ста шагах –
 и ни больше, ни меньше –
 кто-то шагает за ним,
 неуклонно, как старость,
 неграциозной походкой
 выносливых женщин?

Шляпа моя. И пальто
 из такого же твида.
 Ёжится так же.
 Ну, хоть бы походка другая!
 И никого впереди
 на сто метров не видно.
 А позади – неуклонно шагает...
 Шагает.

* * *

По проспекту прямо, потом сворачивая
 на какую-нибудь
 улицу Артиллерийскую...
 Прогулка, в общем-то, незадачливая:
 осень теряет листья, голова – мысли.
 Можно повстречать соседей по дому,
 коллег, пришельцев западных
 и восточных,
 южных и северных, знакомых
 и незнакомых,
 всех – до одного,
 что абсолютно точно.
 Может быть светлая куртка,
 такая же или похожа.
 Могут быть астры, последние
 перед снегами.
 Семья из трёх человек – чужая.

Мороз по коже
 и на минуту нехорошо с ногами.
 Можно сменить район
 или даже город,
 но зачем? И дело не в том,
 что менять непросто,
 а, скорее, в том,
 кто неизбежно дорог,
 даже если невероятен
 на земных перекрестках.
 А тому назад создавали: боже мой! –
 днём и ночью, с закрытыми
 и открытыми, голосом и
 телом, дыханьем, ошупью,
 не гневя судьбу,
 раз уж такие дары даны.
 Говорили о новостях,
 стихах и далёких датах,
 о детских проказах, о том,
 что яблоки сварят в сиропе,
 и – со знанием дела –
 о сырьевых придатках
 и воспалении их по всей Азии.
 Слушали Паваротти,
 прислушивались к Синатре,
 уступали друг другу –
 добровольно и с песней.
 Теперь один владеет землёй,
 три на три,
 упокоившись на Успенском,
 а его тень, обременённая плотью,
 бродит по именованным улицам
 и проспектам,
 мается под Синатру,
 плачет под Паваротти
 и почти жалеет о том,
 что любовь бессмертна...

* * *

О как легко и не сердито
 весной, в шумливый день базарный,
 в ловушку форточки открытой
 влетает ветер лучезарный!

В моём кубическом бедламе
 ему уже не отвертеться.
 Взбодлив обросшее годами
 неповоротливое сердце,

холодным стуком кастаньеты
 он разбивается о люстру,
 и злая дрожь стекла и света
 родит биение предчувствий,

не узнаваемых до срока,
 не изрекаемых словесно, –
 блаженна истинных пророков
 всевременная неуместность! –

И мир безжалостно нанизан
 на пыльный луч, как на иголку...
 А солнце бродит по карнизу
 и примеряет треуголку.

Эстония

Лариса Шарова

Родилась и живёт в Таллине (Эстония). Профессиональный практикующий психолог. Публикации в сборниках: «Библиотека современной Поэзии» (2008, 2012); «О творчестве скажу» (СПб. 2011); «И звезда с звездою говорит» (СПб. 2012); в газете «Приневский край» (Гатчина, 2012). Редакционной комиссией сайта www.stihi.ru номинирована на национальную литературную премию «Поэт года 2012» и «Писатель года 2012» с публикацией произведений в одноименных альманахах и вошла в 100 лучших поэтов.

Верю – Мир держится на добре, милосердии, трудолюбии, творчестве.

Молчание слов

Слова, сбившись в стайку, молча жались друг к другу, притаившись в самом дальнем уголке души. Молчание пеленоало их все туже. Казалось, слова разучились говорить.

Были среди них повидавшие жизнь, умудренные опытом, ценившие на вес золота. Им легче давалось молчание.

Множество других, необдуманных, случайно оброненных поглядывали по сторонам виновато-суетливо, не находя себе места.

Были здесь и слова, не услышанные теми, кому предназначались, полные мольбы и готовности кинуться навстречу каждому, кто выслушал бы их.

Слова отчаяния уже ничего не ждали, просто молчали вместе со всеми. Накликаявшие сами на себя беду, молчали слова-проклятия. Они на собственном опыте познали возвращение проклятия к своему источнику. Потерянные, погруженные в себя, они напоминали темных нахохлившихся птиц.

Содрогаясь от переполнявшей их ненависти, молча маялись слова ненависти. Слова лжи постоянно меняли свой облик, не узнавая друг друга и себя. В нетерпении оглядывались вокруг слова восторга. Им хотелось, чтобы вдруг, ниоткуда появился повод и позвал, выпустил их на волю!

Были здесь и первые детские слова. Неполные, милые, родные они молчали наивно-доверчиво. Вблизи от них приглушенным светом сияли слова любви. Молчание само по себе не тяготило их. Они старались обогреть собой всех и все, здесь происходящее. Здесь, в самом дальнем уголке души...

Вдруг пространство словно расширилось, раскрылось, все пришло в движение. Слова рванулись вверх, ввысь – на распахнутых крыльях! Они звучали, говорили, шептали, смеялись, молились, плакали, пели на все голоса, всеми чувствами! Слова дождались его, это был он – крик души, зовущий за собой, дарующий свободу, а вместе с ней – жизнь.

Мама...

Мама... Я не знала, что такое любовь к тебе. Вижу твои беспомощно лежащие на коленях старенькие ручки – когда-то такие же маленькие, но жесткие и неожиданно сильные. Остались в прошлом твой громкий командный голос, задиристый тон речи, неутомимо-неукротимый нрав. Сегодня передо мной – уставшие жить и видеть, серые глаза, растерянно-удивленные, блуждающие в пространстве, светящиеся одной единственной, пронзительной, но неумолимо ускользающей мыслью.

Мама... Я не знала, что такое скучать по тебе. Ты много работала. А я любила оставаться дома одна. Рано утром, как только за тобой закрывалась входная дверь, я забиралась в серые валенки или большие папины тапки, укутывалась до пят в огромный домашний махровый папин халат, забиралась на стул у окна и тонула в очередной книге. Мне было хорошо дома одной – не надо бояться несправедливых окриков, можно быть самой собой. К твоему возвращению с работы мое детское сердечко начинало тоскливо поднывать. А теперь – вот уже четвертый год я вижу тебя один раз в месяц, иногда реже. Каждый раз, подъезжая к дверям пансионата, в котором ты живешь, сердце мое отзывается знакомой неизбывной детской тоской пополам с чувством вины.

Мама... Ты запрещала мне плакать, я испуганно глотала соленые слезы. Сегодня я вижу тебя, стоящей посреди странно красивого длинного коридора, не узнающей уже никого, кроме меня. Ты плачешь, словно маленькая девочка, цепляясь старенькими пальчиками за мою блузку, пряча лицо у меня на груди, дрожа немощным почти крохотным тельцем, и, всхлиывая, жалуешься на то, что тебя не отпускают к твоей маме, и что твой, умерший двадцать три года назад, муж (а мой папа) давно к тебе не приходит.

Мама... Я не знала жизни без постоянного страха перед тобой. Вдали от тебя было легче, чем рядом с тобой.

Мама... Когда-то случилось так, что мне не захотелось жить. Я безжалостно сказала тебе об этом. Ты вдруг заплакала: «Доченька, живи!».

Мама... Я пишу эти строки и знаю, что ты уже никогда не прочтешь их. Мама... Прости меня, мама... Я люблю тебя, мама...

Мама... Я боюсь того дня, когда мне некому будет сказать это слово – Мама!..

Ирина Фетисова-Мюллерсон

Ирина Мюллерсон (творческий псевдоним: Ирина Фетисова-Мюллерсон) родилась и выросла в Москве. Окончила юридический факультет МГУ. Работала преподавателем права. В настоящее время считает своим домом две страны, живёт периодически то в Таллинне, то в Лондоне. Проза и стихи Ирины Фетисовой-Мюллерсон печатались в различных периодических изданиях («Казахстанская Правда», «Книголюб», «Литературная Аяма-Ата», «Вопросы Глобализации»), а также вошли в сборник Библиотеки Современной поэзии «Поют любовь вам ангелы-поэты». На стихи этой поэтессы написано более сотни песен. В 2006 году вышла книга её стихов «Я не писала о любви» (Алматы, 2006). В мае 2012 года в Государственном Театре Оперы и Балета «Эстония» состоялась всемирная премьера балета «Модильяни – проклятый художник», либретто к которому написала Ирина Фетисова-Мюллерсон.

Эндшпиль

* * *

Я чувствую – Вам, сударь, нелегко
Сидеть на двух красивых стульях разом!
И Тот хорош, и Этот – ничего...
Понятно, что заходит ум за разум!
Как первый ладен! Спинка – просто шик!
Второму Бог дал, ах, какие ножки!
У Этого заклёпки хороши,
А Тот – как будто с глянцевой обложки!
Присядьте вот на Этот – так пригож...
Дубовый, кареглазый, в модной коже!
И Тот берите, Вам ведь невтерпёж...
В берёзе сероглазой – прелесть тоже!

«Двух зайцев» параллельно гнать нельзя –
Такое никому не удавалось!
Лишь в шахматах играют два ферзя,
Сражаясь насмерть и отбросив жалость!
А жизнь сложнее, чем дебют с Е2 –
Тут выборов с соблазнами, дай Боже!
С азартом трезвый ум в ладу едва,
И страсть с игрою правилами схожи –
Когда у Вас на поле два ферзя,
Возможно, Вам не хватит арсенала...

Вы что, ушиблись, по полу скользят???
Так это – эндшпиль! Я предупреждала...

Каялась

Как я ждала тебя, суженый,
Господу Богу молясь...
Мыслей нетканое кружево,
Слов заколдованных вязь
Пересекаются наискось
В тропках желаний благих...
Каялась, каялась, каялась,
В том, что любила других...
Может, венчальные свечи нам
Жизнь сберегла про запас?
Мифы её не развенчаны –
Буду молиться за нас...

Люблю ноябрь за полное бессилье
Пленять красой нескошенных лугов...
За неспособность птичьей говорильней
В сердцах влюблённых пробудить любовь.

К нему не льнут весёлые сравненья
С макушкой лета в синих васильках,
С рождественским хоралом песнопенья
Иль с новогодней ёлкой в огоньках.

Люблю ноябрь, природы завершенье
До первых дней стеснительных смотрин...
Но с чем сравнить бесстыдное горенье
В ноябрьском небе россыпью рябин?

На распустье

Весна ледоходом проснулась мгновенно,
Шальным половодьем разлившись по венам,
Пока я брела берегами чужими,
Впустую лелея желанное имя.

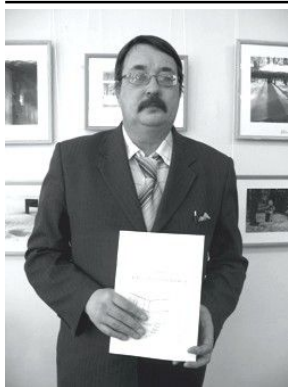
Стою у реки сумасбродства и тщетно
Пытаюсь попасть я на берег заветный –
Вода поднимается, топит низину...
Вдруг вижу – судьбою мне мост перекинут.

Шагнула, в надежде на доброго Бога,
Хоть мостик и выглядел очень убого –
Тут крутит вода, и беснуются льдины,
И слышится вой полоумной ундины.

А речка – всё шире, а мостик – всё уже,
Но всё же опорой какою-то служит.
Ступила на прелые доски настила –
И в гости водица меня пригласила.

Но дверь приоткрытую видеть мне жутко,
И сердце пульсирует где-то в желудке,
Колени дрожат и что делать – не знаю...
Теперь бы к любому приблизиться краю...

Работы для детей

Андрей Сунгуров (1963 – 2016)

Поэт, писатель и преподаватель, директор школы-интерната №23 г.Петрозаводска. Закончил филологический факультет Карельского государственного педагогического института в 1985 г..

А. Е. Сунгуров писал стихи, очерки, рассказы, повести для детей и взрослых, которые печатались в журналах «Мурзилка», «Кипиня», «Новые рубежи», «Север», «Школьный вестник», в газете «Лицей», в коллективном сборнике поэтов Карелии «Волны трав».

Первая книга стихов для детей называлась «Речка может простудиться?». В 2006 г. вышла новая книга писателя – «Волшебная зеленая страна».

Входил в редакционный совет медиа-группы «Интеллигент»

Карман

У меня в кармане есть
Для любого делан
Канцелярских кнопок – шесть,
Два кусочка мела.

Метр складной и поплавок,
Гвозди, пассатижи,
Линза, карандаш, шнурок,
И обломок лыжи.

Есть напильник, есть тиски,
Из-под крема банка,
Гайки, болтики, бруски,
Двадцать метров шланга.

И, конечно, я припас
Шайбу для хоккея.
Вот наступит трудный час –
Всё достать сумею!

ЕСЛИ БЫЛИ МАМОНТЫ...

Если были МАМонты,
Значит, были ПАПонты,
СЫНонты и ДОЧенты,
ДЕДунты и БАБонты,
ВНУЧенты, ПЛЕМЯНенты,
ТЁТенты и ДЯДенты,
И еще ПОДРУЖенты,
ВЫнты, ТЫнты и Янты!

СТРАННЫЙ ЛЕС

Странный лес: в нём нет
скаеек

И асфальтовых дорог.
К плееру двух батареек
Я в лесу купить не смог.

Взрослые! Как вам не стыдно!
Вы не любите зверей!
Я смотрел: нигде не видно
Ни реклам, ни фонарей.

Даже маленький фонтанчик
Отыскать не удалось.
Как в жару живёт здесь зайчик?
Как пьёт воду сильный лось?

Я мечтал поест варенье.
Я искал и там и тут,
Но, к большому огорчению,
Банки с джемом не растут.

В поисках грибов, орехов
Я с трудом на камень влез.
И зачем же я приехал
В этот очень странный лес?

ТАКСА И ТАКСИ

Любого спроси:
– Кто любит кататься
В быстром такси?
– Весёлая такса!

– Водитель, вперёд!
Машина несётся.
А такса поёт,
А такса смеётся.

– Быстрее, ещё!
Скорость и ветер!
Как хорошо,
Что такси есть на свете!

ИНТЕРЕСНОЕ КИНО

Я весь день смотрел кино.
Интересное оно.
В нём про то, как он стрелял,
Прыгал, падал, убегал.
А его ловили те,
Что скрывались в темноте.
Он им – плюх!
Они – ба-бах!
Он как – ух!
Они как – ах!
В общем, клёво!
Улететь!
Буду снова
Фильм смотреть!

ДРУГ ЗАБОЛЕЛ

Бабушка пришла ко мне:
– Что с тобой случилось?
– Верный друг мой заболел,
Подцепил он вирус!

– Чем лечить и как лечить? –
Бабушка решает.
– Надо чай горячий пить –
Сразу полегчает!

Есть горчичники и мёд,
И лимончик кислый.
Скоро твой дружок пойдёт
На поправку быстро!

Травяной настой густой.
Если будет мало,
Друга своего укрой
Тёплым одеялом!

Я качаю головой:
– Подожди минуту!
Мастер едет к нам домой
Починить компьютер!

БОРОДАТЫЙ МАЛЬЧИК

Утро в дом вошло бедой:
Только я умылся,
Мальчик с чёрной бородой
В зеркале явился.

Как? Зачем? Ты кто такой?!
Что всё это значит?!
Мальчик с чёрной бородой
Громко-громко плачет:

– Бо-бо! Ро-ро! Да-да! Ы...
Шепчет виновато:
– Просто из-за бороды
Не узнал себя ты,

Как теперь пойти гулять
Чудо-человеку?
Будут место уступать
В транспорте, аптеке.

Мама побежит к врачам:
– Чем сынку лечиться?!
И придётся по утрам
Вместе с папой бриться.

– Ай-я-я-й! Ой-ё-ёй!
Не пугайтесь, дети!
Мальчик с чёрной бородой
Плачет в Интернете!

Даже кот любимый мой
Прыгнет в холодильник:
– Страшно! Мальчик с
бородой!..
Тут звенит будильник...

ВЕЖЛИВАЯ ВОРОНА

Красивая ворона
Сидела на сосне.
Проворная ворона
Обрадовалась мне.
Сыру попросила
И каркнула:
– Спасибо!

МУРАВЕЙ

Муравей свои усы
Вымыл капелькой росы.
Вымыл лапки, вымыл спинку,
Мягко вытерся травинкой.
– Хорошо, что я умылся.
Я надолго закалился

КОЛЮЧКИ

Ёжик обратился к ёлке:
– У тебя, как у меня
Есть колючие иголки,
Значит, мы родня?
– Да, родни у нас так много!
Вот репейник у дороги.
Кактус в доме на окошке,
Ёж морской и ёрш-рыбёшка.
А ещё собачка Жучка.
Ох, и вредная «колючка!»

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Рыжею лисою
В лес стремится осень.
Пошуршать листвою,
Помечтать у сосен.

Золотым узором
Выткать все опушки,
Выстудить озёра,
Реки и речушки.

Белый-белый иней
Даст бруснике сладость,
Алый цвет рябины –
Всем в лесу на радость.

Улетают птицы,
Но грустить не стоит.
Осень в лес стремится
Рыжею лисою

ВОТ ЭТО ДА

В странном доме всё не так:
Спать ложились на чердак.
Засыпали под кроватью,
Сунув голову в рюкзак.
Просыпались через час.
Умывались сорок раз,
Не включая воду в ванной,
Вытирались о матрац.
Ждали утром, ждали днём
Человека с фонарем.
Ряпались все в холодильник,
Чтобы он искал потом.
Гость, как в дверь, входил в
окно,

Грел в кастрюльке эскимо,
Угощал хозяев дома
И спешил смотреть кино.
Фильм про дом, где всё не так.
Где, взбираясь на чердак,
Засыпали под кроватью,
Сунув голову в рюкзак...

Евгений Шепеленко

Родился 15 февраля 1958 года в Белгородской области. Детство и юность прошли на Кольском полуострове в городе Мурманске. Окончил Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королёва. Работал в авиационной промышленности. Публиковался в литературном журнале «Русское эхо», международных альманахах «Рифмованный мир», «Параллели», «Ковчег» и коллективных сборниках поэзии. Лауреат третьего международного поэтического конкурса «Рифмованный мир» (2013г.). Дипломант пятого международного творческого конкурса посвящённого писателю С.Т. Аксакову «Мой аленький цветочек» в номинации «Рассказ для детей». Автор двух книг стихов и прозы - «Я пережил...» (2016г.), «Варенье из мирабели» (2018г.). Член Российского союза профессиональных литераторов. Стипендиат министерства культуры Российской Федерации. Живёт в Самаре.

Карлсончик, дорогой

На подоконнике, ногой
качал Карлсончик дорогой.
Он съел варенье с полведра
(и это только лишь с утра),
Затем огромный вкусный торт,
Кило печенья – высший сорт.
И по квартире колесил
(поскольку был в расцвете сил).
Перевернув её вверх дном,
был в настроенье озорном.
Затем, сказав, что много дел,
через окошко улетел.
Горюет тётя Фрекен Бок,
Горюет маленький щенок,
И опечаленный Малыш
Сидит тихонечко (как мышь).
Но нет причины для тоски,
И грустным мыслям вопреки
Он непременно прилетит
(имея славный аппетит).
И обожатель старых крыш,
Произнесёт – привет, Малыш!

Театральный гений (юмор)

Вчера я, театре, шагая по «дну»,
Играл непокорную, злую волну.
Сегодня, визжа очень звонко,
Я мог бы сыграть поросёнка.
А завтра... Да кто его знает,
Что завтра меня ожидает.
Возможно сыграл бы Отелло,
Душившего женское тело.
На Гамлета мог замахнуться,
Без чувств на полу растянуться.
Я признанный мастер характерной
роли,
Мои персонажи тушканчик и кролик,
Собачка, овечка, свинья-пятачок
И даже назойливый, глупый сверчок.
Любая из этих ролей по плечу,
Но я же чего-то такого хочу!
Вот так рассуждая, тихонько усну,
А завтра в театре сыграю волну.

Девять жизней

В закуточке закулисом
Развалился рыжий кот,
Если я погромче свистну,
Он подпрыгнет и умрёт.
Отлежится, и воскреснет –
Девять жизней у котов!
Будет петь кошачьи песни
На мелодии хитов,
Будет ласково мурлыкать
Дефилируя хвостом,
Будет в ногу носом тыкать,
Продолжая быть котом,
А потом на кресло ляжет,
Лапы вытянет вперед,
По-кошачьи что-то скажет,
Улыбнётся и уснёт.

Не знаю

Не знаю, что лучше, не знаю, что хуже:
Ботинками мерить холодные лужи?
Висеть на руках на подножке трамвая,
Своим поведением массы взрывая?
А может быть, может быть, лучше
проснуться

И корпусом влево и вправо
прогнуться?
За завтраком скушать куриную ножку,
В подъезде погладить бездомную
кошку

Чупакабра

Я возьму на кухне швабру,
Целлофановый мешок
И поймаю Чупакабру,
Прочитаю ей стишок,
Повяжу бубенчик-бантик,
Шоколадкой угощу
И как истинный романтик
На свободу отпущу.
Пусть она по веткам скачет,
Лупоглазит на меня.
Пусть приносит мне удачу,
Колокольчиком звеня.

Суббота

Сегодня суббота и дождик косой
Прошёлся по крышам сплошной
полосой,
Загнал под карнизы пернатые стаи,
Которые весело в небе летали.
Сегодня суббота, зевота, дремота
И делать совсем ничего не охота.
Лежу на диване, глазею в окно,
Сегодня там грустное крутят кино.

Щенок

Продаётся рыжеватый,
Небольшой щенок лохматый,
Неказистый, угловатый
За умеренную плату.
Неразумное создание,
Затаив своё дыханье,
В незнакомый мир глядит,
И тихонечко скулит.
Видит рыжий чьи-то ноги,
Обступившие его,
Интересен он не многим.
Не понятно от кого.
Постояли, потрепали,
И торопятся уйти,
Повезёт ему едва ли
Друга верного найти

Медвежьеголовый

Отдайте, за доброе слово,
Щеночка медвежьеголового.
Пусть он веселится и скачет
И мордочку в тапочек прячет.
Пусть будет шалун и проказник.
Щенок для меня – это праздник!
Скажу я щеночку три слова:
– Ну, здравствуй, медвежьеголовый!

Михаил Тарковский

Русский поэт, писатель, член СП России. Родился в 1958 г. в Москве. Закончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи, и где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта. В 1991 году закончил Литературный институт им. А.М. Горького, заочное отделение, семинар поэзии В.Д.Цыбина. Живёт в селе Бахта Туруханского района Красноярского края и Красноярске. Автор стихов, рассказов, повестей, очерков, печатавшихся во многих литературных журналах. Лауреат премий журналов «Наш современник», «Роман-газета», «Новая юность», а так же литературных премий, в частности премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», первого редактора Литературной газеты Антона Дельвига, международной премии «Югра» в номинации «Проза» «За настоящую сибирскую прозу» и премии В.М. Шукшина. Дважды дипломант славянского форума «Золотой Витязь». Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-креста», «Избранное», «Вековечно», «Сказка о Коте и Саше», «Полёт совы», «Что скажет Солнышко?». Главный редактор альманаха «Енисей».

СКАЗКА О КОТЕ И САШЕ

Посреди Сибирской шири,
Дремлют горы в синеве...
Дело было на Таймыре
В Эвенкии или в Туве,

Или может на Алтае.
Тихим вечером зимой.
Дети бегали, болтая,
Не хотя идти домой.

Здесь маралы в загородках
И в завесе высоты
В снеговых косяноротках
Каменные хребты.

Саша глядя на природу
Восхитилась: Красота!
Вот бы вывести породу
Трёхметрового кота.

И разглядывая гору
Вдруг сказала не шутя:
Он бы был подстать простору
И наградой для дитя.

У него усы как спицы,
Блеск волшебный в волосах,
Мы носились бы, как птицы,
В шерстяных его лесах.

Мы б ему кусали уши,
От восторга вереща,
Вместе били бы баклуши
И трудились сообща.

Вместе мыли б сковородки,
Колотили бы ковры,
Стригли дедушкам бородки
И точили топоры.

Тёрли б яблоки на тёрке,
Протирали б лопухи,
Получали бы пятерки
И писали бы стихи.

«Хорошо, – сказал я Саше. –
Я подумаю о том,
Как немедленной и краше
Обеспечить вас котом

Подходящего размера.
Только вы тотчас должны
Порешать сто два примера
И погладить все штаны».

«Всё-всё-всё, не сомневайся,
Обещаю, не совру,
Только ты уж постарайся
Не обидеть детвору,

И явиться, и ввалиться,
И вернуться к детям в дом
С огромным, несусветным
Исключительным котом!»

Ну, как словом так и делом,
И усевшись на коня
Я проехал полем белым
Пол-недели и пол-дня.

И, устав непонарошку,
Я, коню задав овса,
Съел волшебную лепёшку
И уснул на полчаса,

А проснулся в том районе,
Где стоит у трёх дорог
Знаменитый в регионе
И научный городок.

Не теряя ни минутки,
Я процокал к проходной
И узнал что в эти сутки
У учёных выходной.

«Не печальтесь, добрый витязь,
Отвечает мне вахтёр,
На постой расположитесь
Вот к услугам мой шатёр.

Расскажите, что за дело
Вас отправило в поход?
Ну а после спите смело:
Вам покой. Коню – уход».

«Мне покой не по ранжиру:
Хоть сварите мне быка
Нам с конём набраться жиру
Не получится, пока

Не получится, покуда,
Мы для наших для детей
Не добудем – не верблюда,
Не селёдку из сетей,

Не лисицу из ловушек,
Не тетёрку во бору,
Не лягушек, не кукушек,
Не свинью, не кенгуру,

Не жука, не червячишку,
Не собаку, не крота,
Не девчонку, не мальчишку
А большего кота!

Он такой огромный в холке,
Что не только все коты
А его бояться волки
И едят свои хвосты.

Бросив хищную привычку,
Не вылазят из кустов
И, как в сказке про лисичку,
Остаются без хвостов.

Он мурчит и глохнут пушки,
Кони прячутся в печи.
И на лапищах подушки
Как футбольные мячи».

Тут вахтёр привстал с дивана
И прошёлся по шатру:
«Без такого котована
Я и сам сейчас помру.

Жаль, что только я не фея
Не способен к чудесам,
Я б такого котофея
По усам бы гладил сам.

Бросил скучную работу
И на нём, как на коне,
На мышиную охоту
Сам бы ездил по весне.

Продав катер, дом и дачу,
Вместе с ним бы ел мышей
Не могу, сейчас заплачу...
Дайте мне карандашей!

Дайте мне бумаги, други,
Я для вас от всей души,
Нарисую план округа,
Мне известный как жи-ши

Или дважды два четыре:
Вот сворот в наукоград,
Это корпус сто четыре,
А вот это ректорат,

Здесь подсобные строенья,
Ну а тут – краса округ
Институт Котостроенья
Академии наук.

Там горят ночные свечки
Освещая этажи,
Там сидят у тёплой печки
Превосходные мужи.

Среди них старинный книжник,
Президент кошачьих штук,
Главный доктор и подвижник
Котоведческих наук,

Котоводства предводитель,
Котоводчества отец,
Котофонда учредитель
Пров Петрович Котовец.

Вот к нему и призываю
Я скакать во весь опор» –
Проворчал вахтёр, зевая,
Закругляя разговор.

Выпил чаю, съел конфетку,
Подскочил до потолка
И свалился на кушетку,
Задирая храпака.

Конь дивясь такому храпу,
Одобрительно всхрапнул,

Вспомнил детство, маму-папу
И задумчиво уснул.

Под наставшее молчанье
Он во сне увидел сны:
Лошадиное мурчанье
И кошачьи табуны.

Табунок гривастых тучек
Вышел в небо поутру,
И в окно румяный лучик
Сквозь ледовую кору

Пробирался, словно кошка,
Осторожно и тепло,
Щекоча узор окошка
И морозное стекло.

По коту сквозь сон скучая,
Я проснулся молодцом,
Проглотив ведёрко чая
С молоком и чабрецом.

На дворе, поросшем ёлкой,
У заснежена крыльца
Мой вахтёр стоял с метёлкой,
Снег сметая с жеребца.

Я сказал «спасибо» другу
За беседу и ночлег,
Подтянул коню подпругу
И ступил на свежий снег.

Выезжая из села, я
Поднялся на бугорок,
Где Часовня Николая,
Покровителя дорог.

Я ему поставил свечку
Как ведётся на Руси,
И к научному местечку
Поскакал на всей рыси.

Тут совсем заморочало
И задуло со снегом,
Что-то с неба замурчало
Басовитым муркотком,

Что-то высилось из лесу...
Неужели это он!
Через снежную завесу
Тёмно-серый павильон

Вырос в лестницах и трапах
В перемычках и мостах
На семи кошачьих лапах
О семнадцати хвостах.

Лапы двигались лохмато,
Наступая там и тут,
Ничего себе палата
Этот чудо-институт!

Мы под ним как будто в яме,
Он над нами словно зонт,
Необъятными краями
Закрывает горизонт.

Он стоит котоподобен,
Неприветлив и суров
Посреди лесов, колдобин
И пронзительных ветров.

Что ж с него не слышно пушек
Что ж хлеб-соль не подают,
И приветственных частушек
Нам, бродягам, не поют!

Долго ль нам стоять забыто
Посреди огромных лап?!
Даже конь сложил копыта
И заржал: подайте трап!

И всхрапнув от огорченья,
Еле справился собой:
Дайте сена и печенья
А не то объявим бой!

Институт, нависнув тучей,
Поднял грозную возню
И поставил трап шатучий
Прямо под ноги коню.

Наконец-то дверь открыта!
Еле сдерживая храп,
Конь берет себя в копыта
И взбирается на трап.

И дивясь такому диву,
Как закалке от преград,
Я, коню вцепившись в гриву,
Заезжаю в котоград.

.....
Не поселок, не станица,
Странный город, странный час.
Это новая страница
Начинает свой рассказ.

Вот опять проходят мимо
Избы в синем куржаке...
Лай собак и запах дыма...
Стылый повод в кулаке,

Перетруженные ноги
Утомлённого коня...
Эх, сибирские дороги,
Вы отпустите меня?

Вы в тайге ли, в чистом поле,
В налетающем снегу
О моей дорожной доле
Что расскажете в пургу?

И, всё крепче приручая,
Что доверите хранить,
Как поводья поручая
Эту пушкинскую нить?

И не чудное ль умение
Вы во мне уберегли:
Различать сквозь гарь забвенья
Волшебство родной земли.

Так, девчонки и мальчишки,
Возвращаемся к Коту.
Не играя в кошки-мышки,
Я скажу напрямому:

То, что встало перед нами
Удивительней чудес:
Под высокими стенами
Чудных клеток стройный лес.

Клетки высятся лесами,
В них невиданных пород

Ходит, двигая усами,
Удивительный народ:

Тигры, барсы, леопарды
Бродят, вытянув хвосты,
Быстроногие гепарды
Камышовые коты,

Там и рысь, и ягуары,
Даже манул из Тувы,
Пумы (или кугуары)
Львицы, львёныши и львы.

Русский кот, простой и верный,
Из провинции лесной...
Мур стоит неимоверный
Над сибирской стороной.

Эти кошки превосходят
Их домашнюю родню,
Лучше бегают и ходят –
Поучиться бы коню.

Но у них особый нрав,
А точнее скажем нрав:
Эти кошки для просторов
Для лесов, болот и трав.

Ну а нам для помещенья,
Для квартирной тесноты
Есть ручного прирученья
Специальные коты.

Эти ласковые звери
Не особенно крупны
И легко проходят в двери,
Окна, форточки и сны.

Только Саше, нашей дочке,
Снятся ночи напролёт
Не листочки, не цветочки,
Ни ковёр, ни самолёт,

Не зефир, не шоколадки
А огромной ширины,
Котофей ручной повадки
Леопардовой длины.

А теперь откройте, детки,
Мне загадку бытия
Кто заполнил эти клетки
Этим множеством зверья?

Что вы скажете на это,
Если, гривой шевеля,
Даже конь не дал ответа,
Только хмыкнул в трензеля.

Конь боится столько кошек,
Хоть уже не новичок.
И ему воды бы ковшик
И сенца хотя б клочок.

Вдруг я вижу в отдаленьи
Крепко рубленное в паз
Деревянное строенье,
Подходящее нас.

Звонко лает пёс дворовый,
В снежных шапках дерева,
И на вывеске кедровой
Аппетитные слова:

«Борщ с заправкой из петрушки,
Заливное из сига,
Шаньги, сытники, ватрушки,
Двадцать видов пирога,

Малосольные таймени,
Осетровая икра,
Туруханские пельмени
И брусника из ведра».

А под этим для нагрузки
Надпись в форме колеса:
«Лошадиные закуски:
Щи из сена и овса».

Конь доволен, как мальчишка,
Хоть уже не молодой...
Тут какой-то старичишка
С преогромной бородой

Мокрый, будто бы из бани,
Вдруг проносится, крича:
«Помогите, христиане,
Вася сделал стрекоча!

Помогите, человеки,
Я вас отблагодарю
И помощнику навеки
Верну дружбу подарю!»

Конь воскликнул: «Вот так сцена!
Вот так чёрна полоса!
Как же шанюшки из сена
И печенье из овса?»

Я сказал: «Послушай, друже,
Видишь, с дедушкой беда,
Подтяни подпругу туже
И на подвиги айда!

Разве в брюхе – назначение,
Разве в сытости почёт?
Разве снова приключенье
Нас с собою не влечёт??»

«Ну, влечёт... – без увлечения
Конь ответил на бегу. –

Пропадай моё печенье!
Что поделать – добегу».

Вот и всё. Прощайте, кошки!
Будет времечко – зайду...
Мы несемся по дорожке,
Рассуждая на ходу:

«Что же Вася за работник
Если дунул наутёк?
Будь ты слесарь или плотник
Или чистильщик сапог,
Пилорамщик, дворник или
Чинщик сбруи и подпруг...»
«Может тоже не кормили?» –
Прохлахикал верный друг.

«Ты тут это... без намёков,
Шевели копытами.
Мы, хранители истоков,
Не бываем сытыми.

Знайте, лошади и дети:
Место витязя в седле –
Лучшей ноши нет на свете
Чем служить своей земле!

Не прося чужих объедков
Мчать, куда дасть бела,
Продолжая память предков
В неподкупные дела.

Где беда и где победа
Только время разберёт.
А куда ищем деда.
Ветер в гриву и вперёд!»

Дед, едва мелькнувший точкой,
Перешёл на тяжкий шаг,
И присел за снежной кочкой
С бороды страсти куржак.

Лёд в очках, глаза как лужи,
Обморожена щека,
Мы ему: «Мужайся, муже»,
И забрали старика.

С ним несёмся вдоль сосёнок,
Обгоняем трёх собак...
У просёлка тракторёнок
Пополняет бензобак,

Мужичок проехал с бочкой,
Взвив морозный завиток,
Снова псы бегут цепочкой,
Только их уже пяток.

Скачут весело и ловко
Вдоль оврагов и лесов.
Что за странная кочёвка,
И откуда столько псов?

Лай врывается в низину,
Наш профессор-борода
Кулаком колотит в спину
И кричит: «Давай туда!»

Средь заснеженных лужаек
Вкруг огромнейшей кедр
Сотни три сибирских лаек
Собрались не для игры.

Стая лает, суетится,
Соревнуясь, кто первей,
Видно соболей или птица
Затаились средь ветвей.

Небольшая собачонка
Хочет вспрыгнуть на кедр,
Лает яростно и звонко,
Зубом пробуя кору.

Мы кричим: «Причём тут Васяка?»
А в ответ научный дед
Сам кричит: «А ну-ка слазь-ка,
Полосатый дармоед!

Псам – отставить ваши шутики!
Разбежаться по лесам!

С этим фокусом науки
Разбираться буду сам.

Кстати, там за водокачкой,
Где кончаются пути,
Волк несётся за собачкой
Вот бы вам её спасти!»

Псы закончили работу,
Покусались за хвосты
И на новую охоту
Ускакали сквозь кусты.

Эхо лая не укрылось
За соседнее село,
Как из кедрки появилось
Полосатое лицо.

Что-то тёплое, живое
Прокатилось до земли
Будто там в зеленой хвое
Вдруг моторчик завели.

И неспешный, как пантера,
Несусветной красоты
Кот огромного размера
Сам спустился с высоты.

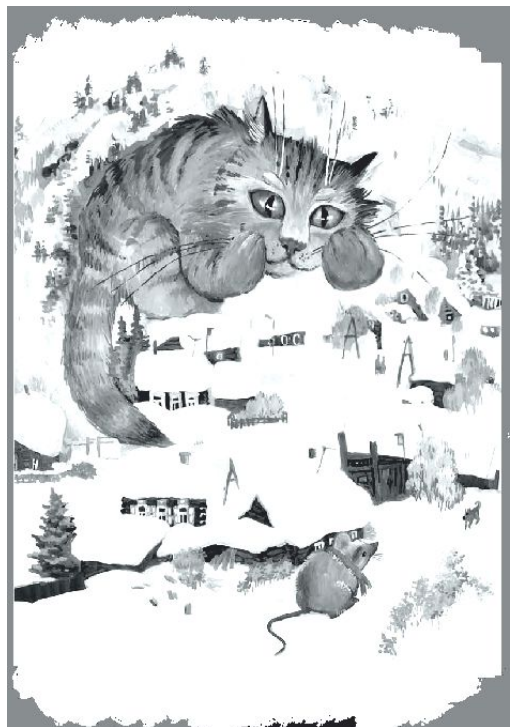
Дед вздохнул: «Мечта сбылася.
Всё по плану. Взял живьём.
Едем кушать». «Вот так Вася» –
Прошептали мы с Конём.

.....

За окошком снег метровый,
Воет вьюга и уже
Мы втроём сидим в столовой.
(Васяка дремлет в гараже.

Котик, съев на ужин гречку
И тропическую дичь,

Захотел залезть на печку,
Но не выдержал кирпич).

Скатерть белая накрыта,
Время ночи два часа.
Конь урчит, помыв копыта,
И кладёт себе овса.

Все у нас смешалось вместе
Завтрак, ужин и обед.
«Я так рад, что мы на месте», –
Говорит усталый Дед. –

Я профессор института
Пров Петрович Котовец
Я всегда работал тут».
Конь восторженно: «Отец,

Расскажите, что за штука...
(И берёт кусок торта)
Как относится наука
К теме крупного кота?»

«Эта тема для народа,
К этой теме я готов
Мы уже четыре года
Моделируем котов.

Озаботясь образцами,
Мы свезли с округи всей
Тяжелющими возами
Тигров, барсов и рысей.

Целый год недоедали
И, продав бинокляр,
Мы уже почти создали
Уникальный экземпляр.

Но бессовестная кошка,
Не добрав своей длины,
Убежала сквозь окошко
Юго-западной стены.

Хорошо, что в час тревоги
Вы не сбились с колеи,

И попались на дороге,
Други верные мои!

Что б мы делали на свете
Без таких богатырей!
Я теперича о, дети,
Ваш должник до гроба дней.

Не томите, не тяните,
Не нервнируйте отца.
И просите, что хотите –
Слово Прова Котовца.

Чтобы вам не думать думу,
Предложить осмелюсь сам
Замечательную пуму
Без пробега по лесам.

Годовалого рысёнка,
Камышовых кошачков
И ручного поросёнка
С арсеналом пятачков.

Старика обидеть просто,
Я хочу вам услужить.
Ведь не Ваську же прохвоста
Вам для смеху предложить!»

Мы с Конём вскричали дружно:
«Наше мнение таково:
Если нам кого и нужно
Только именно его!»

Дед хотел вскричать: «Чудесно!»
А ответил тихо: «Что ж?
Забирайте. Если честно,
Кот действительно хорош.

Только каждые полгода
Шлите письменный отчёт:
По душе ль ему погода,
Что он ест и как растёт.

Если всё же кот не нужен,
Говорите так, как есть.

Вот и всё, окончен ужин.
Жду в конторе ровно в шесть».

Краткий сон, как вдох и выдох,
Меркнут звёзды в облаках.
Конь чуть свет – и на копытах,
Остальные – на ногах,

Кот толчётся в коридоре,
Чистит щёткой усы,
Котовец давно в конторе.
Строго смотрит на часы,

Достаёт с научной полки
Документы на кота:
«Вот его размеры в холке
Вот от носа до хвоста,

Дата точная рождения,
Паспорт, справка о хвосте...
И о факте получения
Распишитесь на листе».

Расписались, попрощались.
Только чувствую, друзья,
Будто мы недообщались
Конь молчит, и Дед, и я

Стало грустно и прекрасно,
Захотелось в синеву,
Я взглянул на небо ясно
И почувствовал – взреву:

Будто где-то в синей выси
Тигры звёздочку зажгли,
Будто все коты и рыси
Враз на сердце заскребли.

Всё! В галоп! И нас с разбегу
Опустил на землю трап.
Мы идём по белу снегу
Посереде огромных лап.

Чудо-лапы, как берёзы,
Очарованно стоят...
У Коня и Васьки слёзы.
До свиданья Котоград!

Долго ль снежную дорогу
Мял усталый жеребец,
Но к родимому порогу
Нас доставил наконец.

Саша плачет у окошек
Утром, вечером и днём,
Ей уже и не до кошек –
Потеряла нас с конём.

На окне свечи огарок,
Ей не спится ночам.
А увидела подарок –
Не поверила очам!

Саша плачет и хохочет
Гладит котику усы,
И конечно очень хочет
Дать кусочек колбасы,

Не скрывает восхищенья:
«Что за чудо ты привёз!»
Кот мурлыкнул от смущенья
И лизнул девчонку в нос.

Тут заботливая мама
Притащила молока
И четыре килограмма
Заливного языка.

Мальчик Гоша, братец Саши
И её большой дружок,
Дал коту овсяной каши
И морковный пирожок.

Незнакомые мальчишки,
Прибежав издалека
Тащат Васеньке коврижки,
Чешут спину и бока.

Даже рослые подростки,
Бросив мяч и домино,
Гладят серого по шерстке
И зовут его в кино.

Слух про крупную породу
Разошелся в деревнях,
Понаехало народу
На оленях и конях,

Из другого региона
Приезжали смотреть
И стояли восхищённо
Всей Сибири посереде.

.....

Вот прошла неделя с лишком,
Кот освоился в доме,
Так же нравится детишкам,
А проказники – ему.

С настоянны хозяйки
И в борьбе за чистоту
Помещение вроде стайки
Мы построили коту.

Стены сладили и двери
Под его огромный рост.
Только... вдруг... короче, звери,
Котофей повесил хвост.

«Что стряслось? – спросила Саша, –
Вроде кормим от души,
Есть и хлеб, и простокваша,
А на завтрак беляши.

Есть и рыбные салаты.
Или мышку на обед?
Может взвар кошачьей мяты?»
Грустный кот ответил: «Нет».

И продолжил чуть не плача:
«Мыши»... «Вася, объясни!»
«С ними вся и незадача –
Мелковатые они.

Только бросился на мышку
Просквозила меж когтей
И в нахальную вприпрыжку
Убежала. И детей

Насмешила до упада,
И соседку и Коня.
И почти до Котограда
Опозорила меня.

Ни к чему коту коврижки
И удобная кровать,
Если даже в кошки-мышки
Не выходит поиграть.

В общем так – звоните Деду,
Предводителю зверья,
А не то сейчас уеду
В субтропически края,

Где слоновые собаки,
И китовые слоны
И толстенные макаки
Крокодиловой длины.

Вот ему моё условие:
Если хочет барышей,
Пусть выводит поголовье
Увеличенных мышей.

Пусть их кормит хоть азотом,
Ищет прочие ходы
И ближайшим отправлёт
Вертолет их сюды!»

Васька так разволновался
Что запутался и слёг.
Слух по местности промчался,
И округа сбилась с ног.

Все несут таблетки, склянки,
Но балованный кошак
Просит бочку валерьянки
И закатывает зрак.

Позвонили. Дед на связи:
«Валерьянку отобрать,
Дать ему кошачьей мази
И на двор не выпускать.

Я предвидел фокус этот:
Вы еще не скрылись с глаз,
Как уже мышинный метод
Я придумал про запас.

Для больших котов и тигров
Вместо ланей и овец –
Мышь невиданных калибров
Разработал Котовец.

Я сижу готовлю справки
Мыши просятся в полёт,
Клетка ждёт своей отправки.
Ожидайте вертолёт».

Клетку сбросили с вертушки.
(Та умчалась в облака).
Мышь крупна. (Размеры тушки
С небольшого индюка.)

Зубы острые, глазки метки,
Так и смотрят на Кота
И, кусают рёбра клетки,
Из железного прута.

Прут не выдержал нагрузок,
Мыши вылезли, рыча,
Съели Васькины закуски
И остатки калача.

Кот из вежливости хочет
Коготком потрогать мышью,

Та бессовестно хохочет
И показывает шиш.

Все мышам уже не рады:
Обнаглелось зверье
Сгрызло мамины помады
И постельное бельё.

Два мышонка на минутку
Влезли в стайку через двор
Съели курицу и утку,
Удобренья и топор.

Прибежал сосед Серёга:
«Мышь взяла кусок торта,
Покусала нам бульдога
И сиамского кота!»

Час за часом прибывает
Растрёвоженный народ.
Дело явно принимает
Неприятный оборот.

Вася чешет за ушами,
Назревает разговор.
Он согласен, что с мышами
Получился перебор:

«Как хотелось, мне, детишки,
Окунуться с головой

В заводные кошки-мышки
С мышевидною братвой,

Но они, (позор им лапы!)
Не почувствовав вины
Съели сашиного папы
ТриКОТажные штаны.

Мыши не подозревают
Что обидели котов,
В честь которых называют
Ткань для папиных портов.

Я найду на них управу
Раз не могут по-людски,
Будем делать по уставу!»
И мяукнул от тоски.

Сделав это заявление
Кот воскликнул: «Ну и ну!»
И без тени сожаленья
Объявил мышам войну.

Бился сутки и, под мышку
Сунув пленного мыша,
Кот пришёл на передышку
И сказал, едва дыша:

«Эта публика, зверья,
(Как я это не люблю!)
Размножается быстрее,
Чем я их переловлю.

Дайте чашку простокваши...
Что сказать – дела плохи,
Мы не сварим с ними каши,
Ни тем более ухи,

Ни вареников, ни сыра:
Хоть какое будь меню –
Всё огромная проныра
Перепортит на корню.

Тут соседка к нашей двери,
Мчится в радостных слезах:
«Мыши сбросили в размере
Уменьшаясь на глазах!»

И сказала дочка Саша:
«До чего же нам везёт!
Это видно Дед-Папаша
Дал просроченный азот!»

Кот воскликнул: «Вот что, дети
У меня последний шанс
Обеспечить на планете
Кото-мышечный баланс.

Разрешите обратиться:
Я клянусь концом хвоста,
Что согласен обратиться
В маломерного кота,

Лишь бы вы меня любили
Лишь мир стоял в дому,
Лишь бы страсти не губили
Жизнь младую. Потому

После сытного обеда
Я ответственно готов
Попросить у Котоведа
Уменьшитель для котов!»

Дети громко засвистели,
Разделясь на два полка:
Кто кричит: «Останься в теле!»
Кто: «Уменьшися до жука!»

Лишь у Саши есть медали
И по физике пятак.
«Слово Саше!» – все вскричали,
И она сказала так:

«Тут во всём должна быть мера,
Ни к чему смущать народ:

Кот обычного размера
Нам отлично подойдёт.

В этом даже и забава:
Мы тогда увидим в нём
Больше ласкового нрава
На живой Кото-объём.

Так что знай, любезный Вася,
У доверья нет преград,
Ты ни в чём не сомневайся
И звони в Кошачий Град!»

«Здравствуй, Вася, вот так штука!
Вот так случай и пример!
Для того и есть наука
Чтоб вернуть тебе размер.

Мы немедленно и верно
Всё расставим по местам.
Всё на свете соразмерно
Солнцу, детям и котам.

Вот и небо улыбнулась
И распутался клубок.
Все сложилось и вернулось
В тот размер, что задал Бог.

Вот ему и верьте дети –
Вот и вам пришла пора.
Всё измерено на свете
Мерой правды и добра.

Это свято и исконно
Это, Господи спаси,
Существует испоконно
На

Ру-
си».

Театр, балет, музыка

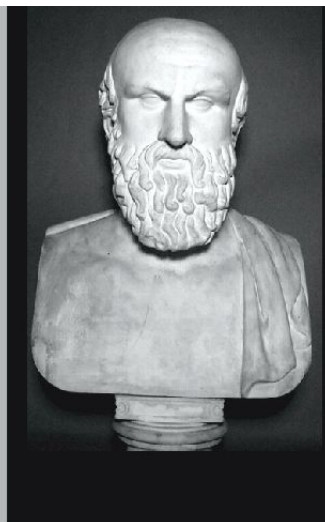

Наталья Теренкова (Ганина)

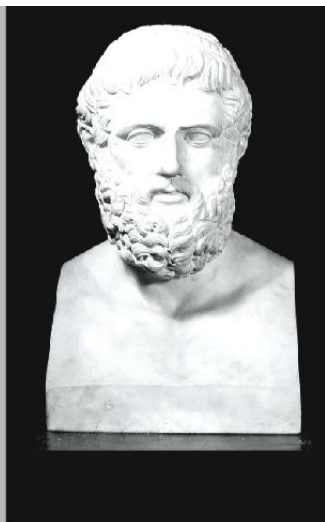
Кандидат культурологии, доцент ВАК. Автор статей и учебного пособия по культурологии.

Любопытный исследователь и любитель путешествий. Популяризатор научных знаний на каналах Культурология для всех в Яндекс.Дзен и на Ютуб. Опыт преподавания в ВУЗах города Сергиев Посад более 10 лет.

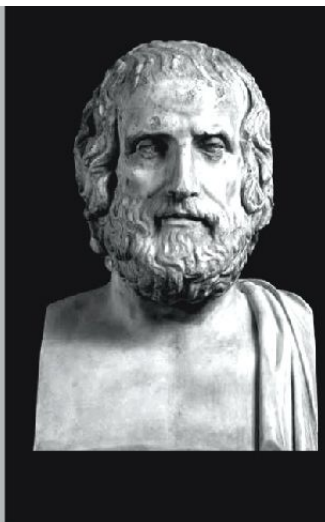
Возникновение театра

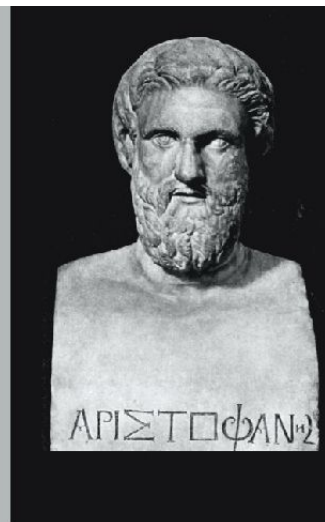
ЭСХИЛ

СОФОКЛ

ЕВРИПИД

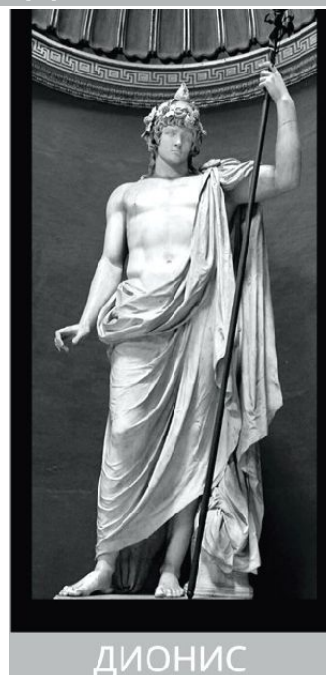
АРИСТОФАН

Эта публикация посвящена возникновению мировой театральной традиции.

Все произошло в классический период, когда особое развитие получили трагедии и комедии. Самые известные драматурги – Эсхил, Софокл, Еврипид и Аристофан.

Драматические состязания между ними, посвященные богу Дионису, устраивались 2 раза в год на Больших и Малых Дионисиях. Этот бог научил людей возделывать виноградную лозу и делать вино и, тем самым, олицетворял переход от собирательства к земледелию.

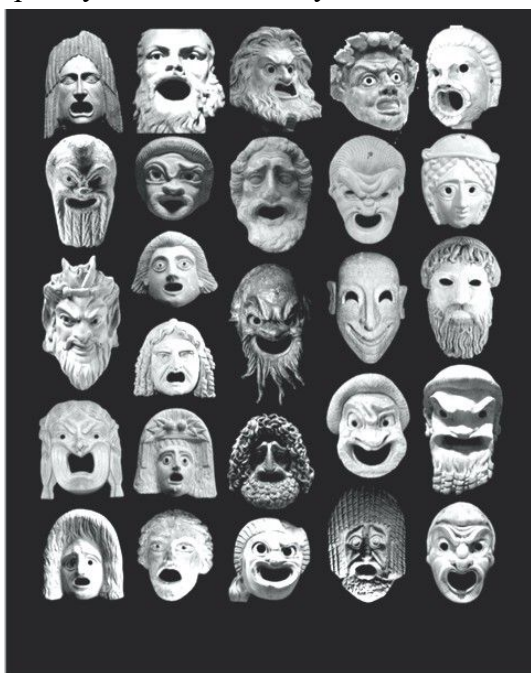
Одним из его символов был козел, поэтому участники Дионисиев одевались в шкуры этих животных и пели обрядовые песни в честь бога. Отсюда происходит слово «трагедия» – песнь козлов. А «комедия» – это песнь подвыпившей толпы.

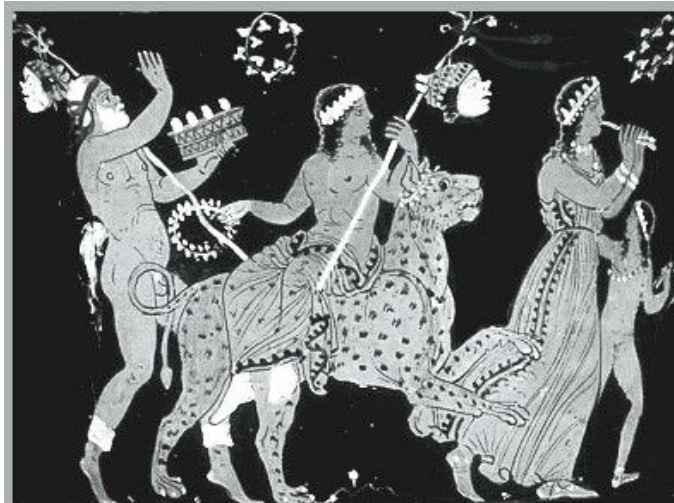
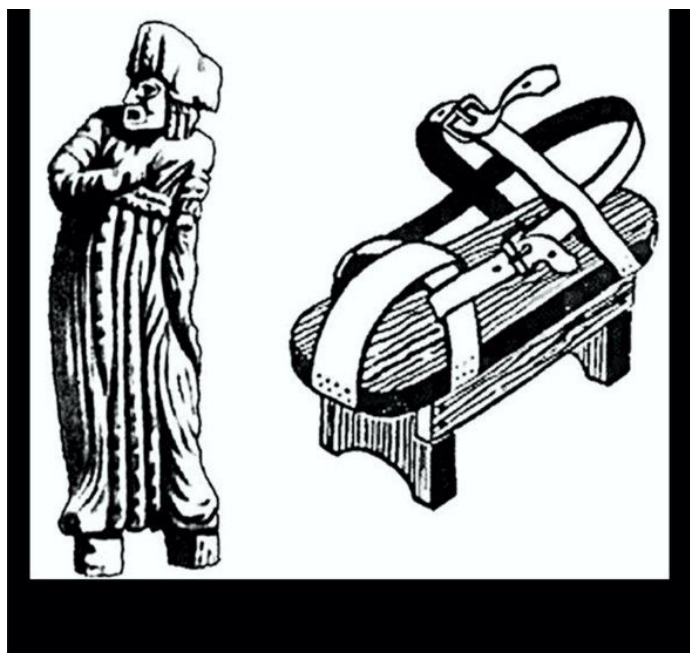
ДИОНИС

Дионису посвящали хвалебные песни, которые получили название по одному из прозвищ бога – Дифирамб, что переводится как «дважды рожденный» и отсылает нас к людям из индийских высших каст, которые тоже считали себя дважды рожденными.

Сначала тексты пьес исполнялись хором. Руководитель хора назывался «корифей». В 534 году до н.э. поэт Феспид добавляет к хору одного актера – главного героя – протагониста. Эта дата считается временем рождения мирового театра. Позднее Эсхил добавил второго, а Софокл – третьего актера. Последний придумал декорации. В драматических действиях протагонисту противостоял антагонист. Играли только мужчины. На лицо надевали маски с рупором, усиливающим звук голоса,

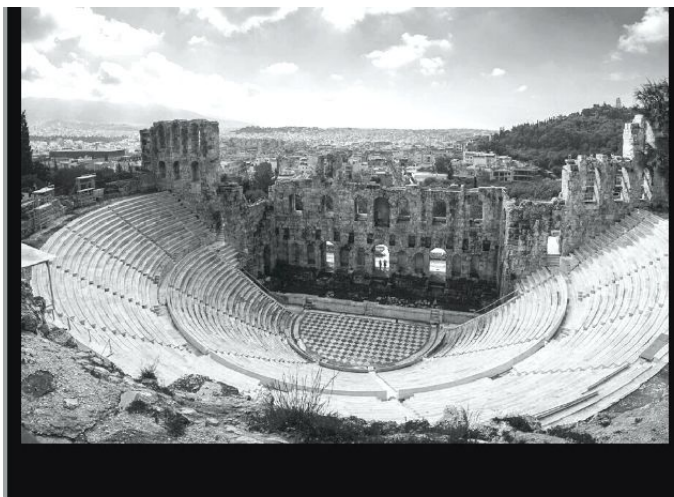

на ноги – котурны, добавляющие роста.

ДИОНИСИИ

Один из древнейших театров Диониса построен на южном склоне знаменитого афинского Акрополя.

ТЕАТР ДИОНИСА. АФИНСКИЙ АКРОПОЛЬ

Любопытный факт. Сначала театральные представления были бесплатными, а потом появилась плата за входной билет – 2 обولا. Когда это случилось – неизвестно. Но цена напоминает еще одну, плату Харону за перевозку души в загробный мир. Причем известно, что сначала цена была 1 обол, а потом дорога подорожала. Возможно, это случилось в одно и тоже время.

Принято считать, что в древнегреческих театрах была такая акустика, что даже в дальних рядах зрители все отлично слышали. И действительно, когда стоишь в центре оркестры – круглой площадки, на которой разыгрывались действия, и говоришь привычным голосом, то его слышно и в последнем ряду. Но в пустом театре. Современные исследования показали, что дальние ряды слышали громкий голос актеров, а шепот – нет.

Архипова навсегда

2 января исполнилось 95 лет со дня рождения величайшей русской певицы Ирины Константиновны Архиповой. Святослав Бэлза, как-то открывая один из многочисленных фестивалей Фонда Архиповой, сказал, а потом и написал в предисловии к автобиографической книге певицы «Музыка жизни», что Архипова – прямое продолжение традиций великих русских певцов прошлого, поставив ее в один ряд с Шаляпиным, Собиновым, Неждановой и Обуховой. А в одной из зарубежных статей, посвященных 75-летию юбилею певицы, Архипова, наряду с Обуховой и Образцовой, была названа в числе трех главных русских меццо-сопрано XX века. Конечно, любые оценки и сравнения весьма субъективны и условны, однако, думается, совершенно очевидно, что Архипова – это явление в русской и мировой музыкальной культуре второй половины ушедшего столетия.

Самая титулованная певица Советского Союза и Российской Федерации, обладательница бесчисленных званий и наград, как отечественных, так и зарубежных, Архипова, несмотря на абсолютную заслуженность оных, запомнилась нам, конечно, не этим. С нами навсегда – в памяти и в записях – остался запечатленным ее волшебный голос красивого, сочного, вечно молодого тембра, всегда скругленный, благородный звук, ее редкая вокальная культура и феноменальная техника.

В голосе Архиповой удивительным образом сочетаются широта русского распева, сердечность интонации, и европейский лоск, отточенная, рафинированная вокализация самой высокой пробы. К отечественным певцам почти никогда не принято применять термин бельканто – всегда мы находим некоторую «русопятость» большинства наших соотечественников, считаем их недотягивающими до высоких европейских стандартов – особенно это касается вокалистов прошлого, чья карьера развивалась преимущественно за железным занавесом, в условиях отрыва от европейских традиций. Но в отношении искусства Архиповой термин бельканто уместен как никогда – в ее голосе всегда была, с одной стороны, роскошная, прятая итальянскость, а с другой – необыкновенный контроль над собой, никогда не изменявшее ей чувство меры. Слушая Архипову, вы никогда не найдете пережима, вульгарной эмоции, распахнутых, без тайны, а оттого малоинтересных, слишком прямолинейных страстей. Именно этим отличалась уже молодая Архипова,

именно это выделило ее из числа певиц Большого театра ее поколения с прекрасными голосами, но не такими совершенными. Не зря Архипова – архитектор по первой специальности: она сумела выстроить свой голос как гармоничный, прекрасный храм. Он – подобен античному Парфенону: конструкция без изъяна, совершенная в своей классической простоте, при том, что, как и в Парфеноне, в нем нет ни одной скучной прямой линии, ни одной – без загадки, без потаенного смысла.

Столь знаковый юбилей отмечается в нашей стране пока, увы, очень скромно. Тем ценнее любое мероприятие, приносящее дань уважения этой титанической личности. Одно из них состоялось в Малом зале Московской консерватории – альма-матер Архиповой, которой она отдала много лет как профессор кафедры сольного пения.

Заслуга в организации концерта принадлежит пианистке Елене Савельевой, которая устроила в этом сезоне целый фестиваль памяти выдающихся вокалистов прошлого века. А главным фигурантом январского вечера стала солистка Мариинского театра, профессор Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова сопрано Ольга Кондина. В середине 1980-х выпускница Свердловской консерватории Кондина проходила аспирантуру в классе Ирины Архиповой, взяв очень многое от аполлонического вокала великой русской меццо, поэтому это приношение было более, чем уместно. Вместе с Кондиной в концерте приняли участие московские солисты, народные артисты России Анатолий Лошак и Олег Кулько.

Все трое вокалистов – большие мастера вокала, маститые певцы, многолетние солисты ведущих российских столичных театров, помимо родных сцен (у Лошака это – Театр Станиславского и Немировича-Данченко, у Кулько – Большой театр), у каждого из них, кроме того, сложилась и весьма впечатляющая карьера на других сценах – в России и за рубежом. Каждый из них в свое время так или иначе был отмечен прозорливой Архиповой, которая практически никогда не ошибалась: и их славное служение оперному театру подтвердило ее правоту. Отраднo и то, что по прошествии десятилетий каждый из них звучит потрясающе, то есть сумел сохранить достойную вокальную форму, свежесть голоса, ну а накопленное мастерство и подавно сомнения не вызывает. Вместе с тем всем троим, словно недоодалено славы – карьеры могли быть более яркими, а имена – более известными, тем более, что певцы того бесспорно заслуживают. Но как-то так получилось, что после звездной плеяды солистов Большого и Мариинки, получивших наивысшее признание в стране уже на излете советской власти, когда внимание к классическому искусству еще было очень заметно, а его популяризацией занимались на государственном уровне, следующему поколению лавров, увы, досталось уже заметно меньше. Грандиозный культурный коллапс, что произошел в стране после крушения СССР, не мог не отразиться и на карьерах наших героев – к сожалению, их имена сегодня известны только узкому кругу истинных меломанов. Тому свидетельство – и концерт в Малом зале, весьма камерное пространство которого, к сожалению, не оказалось заполненным под завязку...

Посвящение Архиповой в основном носило сугубо камерный характер, что определялось, конечно же, далеко не только форматом зала: великая певица была эталоном не только в опере, но и в камерном исполнительстве. Интерпретация ею романсов Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Рахманинова всегда восхищала лирической тонкостью, проникновенностью исполнения, филигранным кружевом звукописи, необыкновенным эстетическим чувством меры: она всегда точно знала, какую краску, какой нюанс дать на той или иной ноте, фразе, какие из них будут в самую пору.

В первом отделении Ольга Кондина исполнила романсы Танеева, Рубинштейна, Римского-Корсакова, Рахманинова, а Анатолий Лошак – Глинки, Гурилева, Балакирева. Вторая часть концерта была полностью посвященная Чайковскому – звучали его как популярные, так и редкие романсы, а также сцена и дуэт Иоланты и Водемона из последней оперы гения. Гостью из Петербурга обычно характеризуют как лирико-колоратурное сопрано и, действительно, ее основные достижения на оперной сцене связаны с этим амплуа, однако по насыщенности тембра, объемности звука, его значимости и полноте, по крайней мере, сегодня ее голос вряд ли можно отнести к легкому сопрано. Музыкальность и естественность, простота, ненамеренный артистизм подачи романсов, напомнили об архиповских прочтениях. Анатолий Лошак порадовал по-прежнему солнечным тембром, мягкой кантиленой, стабильным звучанием среднего и верхнего регистра и, конечно же, веселыми, смысловыми наполненными прочтениями вокальных миниатюр. Блистательные верхи Олега Кулько обжигают горячностью, настоящая оперная экспрессия певца буквально завораживает публику.

Невозможно умолчать и о превосходном мастерстве концертмейстера: Елена Савельева проявила себя как очень тонкий аккомпаниатор-сотворец, бережно ведущий певцов через сложности разных по стилистике произведений, чутко взаимодействуя с ними. Благодаря в том числе и ее филигранной игре и безупречной поддержке вокалистов, вечер получился по-архиповски гармоничным.

Второе юбилейное мероприятие состоялось в Центральном доме ученых – Фонд Ирины Архиповой во главе с Владиславом Пьявко организовал памятный вечер, сочетавший черты академического концерта и добрый старых творческих встреч, наподобие тех, что устраиваются в ЦДРИ. Со вступительным словом к собравшимся обратился Владислав Иванович, поблагодарив публику и расставив некоторые акценты в программе; небольшое словесное предисловие от мэтра последовало и в начале второго отделения, а по его завершении – слова благодарности всем причастным.

Два равновеликих пласта творчества Архиповой – оперное и камерное пение – были сбалансировано представлены в памятный вечер. Каждое отделение концерта предваралялось видеозаписью: оперное творчество великой певицы собравшиеся вспомнили посредством ее Кармен, камерное – «Полководцем» из «Песен и плясок смерти» Мусоргского. Любопытно, что запись хабанеры была дана не из всем известного спектакля 1959 года с Марио дель Монако, а начала 1970-х из алма-атинского Театра имени Абая, а миниатюра Мусоргского прозвучала в сопровождении оркестра. И это не случайно: Ирина Константиновна очень много гастролировала по Советскому Союзу, даря свое гениальное прочтение слушателям самых разных уголков большой родины, а безупречную дикцию,

четкость ее слова, равно как и уникальную, глубокую выразительность исполнения невозможно было заглушить никаким, самым мощным оркестром.

В концерте-приношении приняли участие как маститые артисты, так и творческая молодежь: и те, и другие преподнесли немало сюрпризов публике. Невероятное вокальное долголетие Владислава Пьявко достойно книги рекордов Гиннеса, тем более, что его инструмент – тенор, высокий мужской голос, каковые, как правило, изнашиваются гораздо быстрее баритонов и басов. Народный артист СССР исполнил Сцену смерти Отелло из одноименной оперы Верди: мощно, страстно, драматически убедительно, с по-прежнему невероятными по силе, звонкости, яркости, полноты и стабильности верхними нотами. Но, конечно, не они одни убедили – не менее важен образ убитого горем мавра с разорванной душой, жертвы собственных страстей и людского коварства: в коротких репликах-плачах Пьявко был воистину не подражаем.

Для мастеров следующих поколений, принявших участие в концерте, второе отделение было гораздо удачнее первого, что, возможно, стоит отнести на притирку к залу, акустическому, но суховатому, не столь уж комфортному для вокала. «Плач» короля Филиппа из «Дона Карлоса» у знаменитого башкирского баса Аскара Абдразакова получился ровнее и рафинированнее знаменитой арии Кончака из «Князя Игоря», а виртуозная «Попутная песня» Глинки – интереснее романса «Благословляю вас, леса» Чайковского. Совсем не удалась каватина Алеко «станиславскому» баритону Андрею Батуркину – и по диапазону, и по интонационной точности, да и по интерпретационному посылу, в то же время труднейшие куплеты Эскамильо были спеты и ярко, и ровно, с драйвом, не мешавшем собственному вокалу. Противоречивое впечатление оставило выступление солистки «Геликона» Ксении Вязниковой: артистично, с оттенками и нюансами, но при этом весьма пестро по звуку были спеты ею два романса Чайковского – «Примирение» и «Закатилось солнце».

Молодежь скорее порадовала, но сделала это по-разному. Солистка Ярославской филармонии сопрано Альбина Хрипкова, обладательница сильного голоса и более чем выигрышной внешности, качественно исполнила «предсмертную» арию Лизы из «Пиковой дамы» и романс Рахманинова «Не пой красавица при мне», продемонстрировав разные возможности своего голоса – умение петь драматично-патетично и в то же время плести тонкую вязь кружева: если бы не резковатое звучание местами, то этим пением в целом вполне можно было бы наслаждаться. Приглашенная солистка Большого театра сопрано Мария Горелова свободно и харизматично спела ариозо Кумы из «Чародейки» (партия, с которой она и дебютировала в Большом на премьере восьмилетней давности), но вот в романсе «День ли царит» оперная пафосность несколько мешала, а ровность вокальной линии показалась не идеальной.

Баритон из Ярославля Александр Суханов откровенно порадовал вокально-актерским комплексом: благодатная благородная внешность, красивый голос и абсолютная техническая вооруженность доставили публике истинное наслаждение. Равно убедительно прозвучали и хитовая ария Роберта из «Иоланты», и романс Чайковского «Нет, только тот, кто знал» – в первой была лучезарная экспрессия, во втором – светлая меланхолическая грусть. Удивительно, что карьера такого певца, мастерски владеющего своим инструментом, пока не столь заметна – кроме

родной Ярославской филармонии он выступал еще на постоянной основе в спектаклях Екатеринбургского оперного театра.

Но если о мастерстве Суханова автору этих строк уже было известно (по конкурсам Глинки и Словцова), то юная Диана Гафарова оказалась абсолютным, при том весьма приятным сюрпризом. В первом отделении она исполнила вместе с Сухановым драматичный заключительный дуэт из «Онегина», с легкостью отоварив положенные верхи, а во втором, словно перестроила свой голос на «волну меццо» и впечатляюще спела рахманиновское «О, не грусти» и архитрудную арию Иоанны из «Орлеанской девы». Красивый, трепетный голос, с замечательным, теплым вибрато, полный диапазон и в целом ровное звучание на всем его протяжении сочетались с пением неравнодушным, выразительным.

Весь вечер за роялем мужественно и бесценно «колдовал» Георгий Мигунов, на которого свалилась колоссальная ответственность и нагрузка – стилевая пестрота репертуара и разнокалиберность солистов зашкаливали, в этих условиях, несмотря на некоторые, вполне объяснимые потери, концертмейстер программу выдюжил, за что ему честь и хвала.

Родной Большой театр России посвятил юбилею И. К. Архиповой спектакль 30 января – им стала «Царская невеста» Римского-Корсакова, один из абсолютных и безусловных шедевров русской музыки. И это не случайно: ведь именно Любашей в далеком 1954-м в Свердловске дебютировала на профессиональной сцене великая певица. Эта опера только в последние годы начинает всё чаще появляться на Западе (постановки в «Жовент-Гардене», «Ла Скала», берлинской Штаатсопер), и мир с удивлением открывает, что вселенная русской оперы не ограничивается «Онегиным», «Пиковой» и «Борисом»: выдающийся симфонист Римский-Корсаков (а на Западе его знают именно так – за блистательных «Шехеразаду» и «Испанское каприччио»), оказывается, ещё и оперы писал, да какие! Но для России оперное творчество композитора всегда составляло один из краеугольных камней национальной идентичности.

Нынешняя постановка «Царской» появилась в афише театра в феврале 2014-го. По большому счёту эта опера не уходила отсюда никогда: появившись впервые здесь в 1916 году, спустя 17 лет после мировой премьеры в Мамонтовской опере, она стала одним из главных афишных названий Большого, а после исчезновения театра Мамонтова – Зимина и включения самого здания в конгломерат сцен Большого, кажется, редко кто уже вспоминает о том, что жизнь «Царской невесты» начиналась где-то вне Большого театра. За сто лет шедевр Римского-Корсакова ставился здесь шесть раз, кочевал по разным сценам (помимо основной его играли и в филиале – именно там, где прошла мировая премьера в 1899-м и где ныне обитает Театр оперетты, и в Кремлёвском дворце съездов, и на нынешней Новой сцене – с ним не захотели расставаться на период грандиозной реконструкции), в нём пели все самые знаменитые певцы первой московской сцены. У «Царской» сложился здесь свой канонический видеообраз: дважды (в 1927-м и 1955-м) декорации к ней делал великий театральный художник Фёдор Федоровский, последняя версия, которую завершала уже его дочь Нонна, оказалась на редкость гармоничной и живучей. Именно в этом антураже делали новую режиссёрскую редакцию 1966 года (именно она шла здесь до 2012-го), именно этот спектакль фактически копировали многие театры на

просторах бывшего СССР.

Расстаться с величественными декорациями Федоровского Большой театр не решился и в последней версии: их не отреставрировали, а воссоздали заново с использованием всех новейших технологий. Алона Пикалова поработала на славу: в содружестве с художником по костюмам Еленой Зайцевой она вдохнула новую жизнь в идеи более чем полувековой давности и создала настоящий шедевр сценографического искусства. Глаз радуется на протяжении всех четырёх актов – роскошь костюмов и монументальность декораций не кажутся избыточными, поскольку в них соблюден вкус, та мера, которая не даёт переступить черту, после которой начинается китч, аляповатость и вампучность. Кроме того, хорошо видно, что технологически всё сделано безупречно, с исследовательской точностью художницы воспроизвели не только грандиозный замысел Федоровского, но и копнули глубже – до старинных артефактов эпохи Грозного. В целом оформление спектакля стало гораздо ярче и богаче, но яркость эта – не кричащая, не «новодельная», а очень дорогая, респектабельная.

Перед режиссёром Юлией Певзнер стояла сложная задача: вписать новый спектакль в старую художественную реальность, не реконструировать постановку, а придумать её новое, современное прочтение. В целом она с этой задачей справилась: спектакль стал более динамичным, из него почти ушла старомодная статика, взаимоотношения героев стали более живыми, человечными, кроме того, он получил то, чего был лишён многие последние годы до восстановительной премьеры – профессиональное внимание грамотного режиссёра, поскольку в сотни раз игранном спектакле, созданном в незапамятные времена, естественно многое шло по накатанной, часто – весьма формально. По-новому были решены многие мизансцены, Певзнер придумала и какие-то совершенно новые моменты в постановке – например, маюшего эротическим сном Грязного, которому под музыку финальной части увертюры грезится юная красавица Марфа, раскачивающаяся на качелях; или царские смотрины невест, жемчужно-парчовой шеренгой шествующих по авансцене под звуки вступления к третьему акту. Фирменный стиль Большого проявился в выезде царя Ивана Грозного на гнедом скакуне – ранее в спектакле этого маркёра имперской дороговизны не было. Бомелий и Сабурова получили дополнительные актёрские задачи – они действительно присутствуют даже в тех сценах, где не поют (правда не всегда оправданно, если строго следовать логике либретто); более раскованной стала Любаша, стремясь удержать охладевшего любовника, она расплетает шикарную косу и жарко лънёт к Грязному. Марфа в финале действительно больна всерьёз, это видно невооружённым глазом – мертвенно-серый грим на лице, седеющие и редкие волосы: ранее габтовские царские невесты, все как одна, пышлись здоровьем и демонстрировали чёрную «косу до пят». Грязного не уводят на пытку в застенки, а тут же его закалывает кинжалом Малюта. Все эти новации в целом оправданны, уместны или, как минимум, вполне допустимы.

Неудачным вышло только решение первой картины: пирушка у Грязного оказалась суетливой, перенаселённой, слишком грубой, в целом противоречащей музыкальному строю оперы. Игрище, развёрнутое Певзнер на сцене, показалось развесистой клюквой, слишком прямолинейно обозначающей современные представления о нравах эпохи Грозного. Однако эта недоработка (или может быть, «переработка», слишком дотошное воспроизведение «духа жестокого времени») пока не столь заметна – что

называется, переусердствовали) была изрядно компенсирована мастерски проработанными сценами прочих картин оперы. Конечно, это во многом не тот спектакль, в котором когда-то блистала Архипова – но в то же время по общему посылу, по возвышенной традиционности и красоте видеоряда, он – наиболее подходящий для юбилейного приношения из всего того, что есть сегодня в репертуаре ГАБТа.

Музыкальное прочтение в юбилейный показ в целом принесло позитив. Музрук Большого Туган Сохиев, конечно, ведет эту оперу совсем не так, как это делал на премьере шестилетней давности Геннадий Рождественский. Никакого любования подголосками и противосложениями, изящества кружев оркестрового письма, в котором отчетливо слышна каждая линия, каждое инструментальное высказывание, более чем размеренных, иногда прямо-таки медитативных темпов – все сыграно бойко, динамично, хотя, безусловно, ладно и в характере. Оркестр Большого играл слаженно и стройно, с минимальными заусенцами, подтвердив свою впечатляющую форму и право на эксклюзивное понимание и прочтение русской музыки. Яркое и точное звучание хора также констатировало, что у Большого – по-прежнему прекрасный «коллективный вокалист», без которого редкую русскую оперу трудно себе представить полноценно реализованной.

В целом оказался интересным и состав певцов, сочетавший как штатных солистов Большого, так и приглашенных звезд. Лирическая пара оказалась целиком «своя»: Марфу спела Ольга Селиверстова, а Лыкова – Бехзод Давронов. Стажировавшаяся в Париже выпускница Московской консерватории – явная фаворитка нынешнего музрука Большого: она пела у него совсем недавно главные партии в таких важных премьерах как «Путешествие в Реймс» и «Снегурочка», активно задействована в текущем репертуаре. Красивая молодая певица с не самым выдающимся по своим кондициям, но вполне техничным, профессионально «сделанным» голосом в титульной партии-роли смотрится весьма органично: пение свободное, верхи уверенные, дикция отличная, фразировка осмысленная, актерская игра – естественная. Узбекский тенор, без особых прошлых заслуг вдруг ставший пару лет назад сразу солистом Большого, сегодня также здесь весьма востребован (в первой премьере этого сезона он пел, например, Гвидона в «Сказке о царе Салтане»): его голос несколько более матовый, чем хотелось бы в русской партии, но в целом вокализация свободная и звучная, а образ получается на удивление не экзотический.

Драматическую пару исполнили гости. Прославленное белорусское меццо Оксана Волкова хорошо известна в Москве, да и в Большом пела не раз, еще в бытность стажером Молодежной программы и неоднократно позже. Ее культурный, европейской выделки голос, ровный, с хорошими выходами на верхи и бесшовной регистровкой прекрасно звучал в лирических фрагментах (акапельная выходная «Снаряжай скорей» вообще вышла шедевром), да и в драме, в общем-то, впечатлял. Вопросы к певице остались лишь в финале. Многим исполнительницам партии Любаши не дается последняя сцена, когда героиня появляется в опере спустя полтора акта отсутствия, уже с остывшим голосом, но должна провести короткий, но очень драматически напряженный диалог с Грязным. И здесь Волкова прозвучала не слишком убедительно – мурашки по телу не забегали от её «ты загубил мне душу».

А вот Геворг Акоюн совершенно потряс в партии лихого

Ирина Архипова в роли Любаши в опере Н. Римского-Корсакова «Царская невеста», 1959 год

опричника. И мощью голоса, и безупречной дикцией, и прекрасно взятыми верхами, и выразительной, объемной фразировкой. Партия легла на голос певца идеально, словно влитая, но и актерски он был практически безупречен, всемерно проникнув в суть этого brutального и одновременно очень русского образа-характера.

В большинстве случаев удача постигла театр и с исполнителями небольших партий. Зловещим и гадким Бомелием явился Марат Гали, уместно усиливший характерность в звучании своего голоса. Колоритный Малюта у маститого Николая Казанского: его несколько «назидательный» бас неплохо вписался в стиль именно русской музыки.

Партию Собакина, вроде и не самую главную, но весьма значительную, спел гость из Белоруссии Андрей Валентий. 15 лет назад он уже пел на этой сцене разный репертуар, в том числе и важный, но почему-то тогда в труппе не задержался. За эти годы Валентий превосходно закрепился в минском Большом театре, спев там весь первенствующий басовый репертуар и получив заслуженное признание белорусских любителей музыки, впечатляющей оказалась и его международная карьера, в том числе не раз он возвращался и в Москву (его Хованский в МАМТе был, безусловно, событием). Тестирование Исторической сценой подтвердило: конечно, это то, что нужно, это голос (и по красоте тембра, и по силе) для Большого театра, а понимание артистом образа глубоко национально и глубоко реалистично.

Александр Матусевич

Лебединая песнь Лоэнгрина

Лоэнгрин в Королевской опере Фландрии. Сентябрь 2018

Иронизирующая серьёзность – так, скорее всего, можно было бы коротко охарактеризовать постановку «Лоэнгрин» в Королевской опере Фландрии, осуществленную нью-йоркским режиссёром Дэвидом Олденом. Олден не новичок в Бельгии – несколько сезонов назад им была весьма своеобразно поставлена «Хованщина», но – кто старое помянет...

За Олденом укрепилось звание «политического» постановщика, хотя сам он, по его словам, к этому не стремится, а только хотел бы в любом спектакле суметь кристаллизировать основную идею. В самом деле, как в век нанотехнологий можно прочесть «Лоэнгрин», неужели взаправду решиться тянуть по сцене картонную ладью со златовласым тенором и лебедем из папье-маше? Как всерьёз убедить публику, что незнакомец из прекрасного далека не может остаться с земными людьми лишь по той причине, что его вынуждают назвать своё благородное имя? Как передать на сцене наивно-романтический и в то же время монументальный дух вагнеровского шедевра из разряда оперных мастодонтов, не насмешив? По Олдену, «Лоэнгрин», один из самых мрачных немецких опусов, это рассказ не об идеальном рыцаре и прекрасной даме, но о беде общества, отказывающемся от достойного лидера и предпочитающего бесперспективную, но привычную и уютную косность.

Примечательно, что за дирижёрский пульт в оркестре встает как раз новый лидер – Алехо Перес, новый главный дирижёр и музыкальный руководитель театра. «Свежая кровь» чувствуется сразу: оркестранты включаются моментально, без раскочки, реагируя на движения рук маэстро упругим, наполненным звуком.

Стоит сразу сказать добрые слова и о хоре, последние несколько сезонов явно улучшившем качество звучания под руководством хормейстера Яна Швайгера.

К сожалению, в день премьеры не смог петь из-за проблем со связками исполнитель роли короля Генриха, бас Торстен Грюмбел. Пришлось использовать старый форс-мажорный

приём: прилетевший в Бельгию прямо в день спектакля немецкий бас Виллем Швингхаммер блистательно влился в ансамбль, мощно и эмоционально спел всю партию, стоя сбоку сцены за поупитром, а мизансцены провёл Грюмбел, в costume и гриме.

Действие, по предписанию либретто происходящее в десятом веке в Антверпене, на берегу Шельды (Схелде – в правильном произношении), в декоре Пола Штайнберга сценически разворачивается на небольшой площади мрачного города, явно послевоенного, с руинами строений и рупорами громкоговорителей на столбе. Можно понимать покосившиеся дома как последствия войны, а можно и как животрепещущие проблемы с вертикалью власти. Король Генрих в данном случае – король номинальный, почти карточный, недаром трон его – заурядный дешёвый стул, который он сам для себя вытягивает из горы подобных, и корона у него просто из золотой бумаги. Никто не выказывает ему особого почтения, только Герольд, явно бывший служака, скрипя протезом, приносит ему потасканную пурпурную мантию. Толпой горожан, классическими «низами», которые не хотели», манипулирует Фридрих фон Тельрамунд, прирождённый оратор-пропагандист, и его жена Ортруда – до карикатурности типичная партдама со строгой пергидрольной укладкой. Эльзу эта пара держит в подзелье, и суд над нею, по голословному обвинению в убийстве младшего брата Готфрида, происходит тут же, когда, весь в белом, но босиком – в знак близости к народу? – является Лоэнгрин (а легко можно было бы написать – Ланцелот). В поединке Лоэнгрин с Тельрамундом первый побеждает, разумеется, силой духа, не прикасаясь к оружию, и лицо посрамленного Тельрамунда человек из толпы мажет чем-то белым. Это был один из завуалированных посылов режиссёра публике. Возможно, он хотел сказать, что, потерпев поражение от длани посланника светлых сил, тёмные силы сохраняют на себе след этого удара, и у них, таким образом, есть шанс «высветлиться» под всё пятно. Но попытка пропадает втуне: Тельрамунд носит на себе белую отметину до конца спектакля, но светлее от этого не становится.

Во втором действии атмосфера сгущается. Дома выглядят совсем уж Чернобыльской зоной, но реквизита на сцене прибыло: позади кафедры, с которой продолжает выступать неистовый Тельрамунд, высится монумент с лебедем, стилистически смыкающийся с изображением орла в атрибутике нацистской Германии. Так, реакционная сторона, не примыкая к светлой по убеждениям, уверенно использует её символику для нужд собственной пропаганды, словно говорит нам режиссёр.

Третий акт, предваряемый знаменитой интродукцией, наконец, привносит толику света в мрачный колорит. На сцене белое брачное ложе Эльзы и Лоэнгрин, а на стене над ним – огромная картина «Прибытие Лоэнгрин в Антверпен» кисти Аугуста фон Хекела, в действительности являющаяся частью росписи замка Нойшванштайн. Это – новая ирония режиссёра и художника-декоратора: низвести пышное панно из замка Людвига Баварского до уровня китчевого прикроватного коврика «с лебедями». Эльза задаёт Лоэнгину роковой вопрос о его имени и происхождении, врывается Тельрамунд, которого Лоэнгрин на сей раз убивает. Сцена признания Лоэнгрин выносится на площадь, шокирующим образом украшенную множеством красночёрных флагов всё с тем же лебедем и заполненную готовым к походу войском, в латах и с копьями, но в характерно-узнаваемых пехотных касках. Слова Лоэнгрин разрушают власть тьмы, чуть было не наступившую флаги падают ряд за рядом, и в конце концов именно из-под одного из них, с помятым свастикаподобным лебедем, выбирается на свет мальчик – брат Эльзы Готфрид, бывший заколдованный лебедь Лоэнгрин, остающийся с людьми взамен него, ушедшего в Грааль.

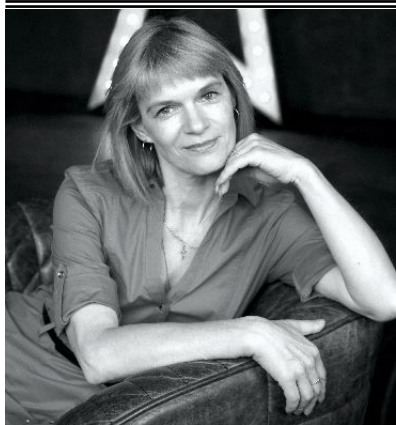
Вся постановка отмечена ясной логикой, и нельзя не признать за ней своеобразной красоты. В чём же ирония, спросите вы. Тонкая усмешка постановщика являлась в разных эпизодах, то показываясь на поверхность, то скрываясь. Чем, как не гротеском, можно объяснить мизансцену поединка Тельрамунда и Лоэнгрин, когда толпа горожан вооружена вполне современным огнестрельным оружием,

но противники сражаются с помощью анахроничного оперного меча? Или сцена, когда служанки готовят Эльзу к венчанию и омывают ей лицо, ноги и руки перед тем, как облачить в белое платье – и используют при этом те же тряпки и ведра, с которыми только что мыли полы? Что это, как не показ грязных сплетен и низких интриг, губящих доверие и чистоту?

Певцы, исполнившие оперу, почти все были на высоте. Жаль, что на сцену не вышел автор светового оформления спектакля Адам Сильверман, а ведь именно в его остроумном решении был дан лебедь Лоэнгрин. Переливами света, пропущенного через особые фильтры, был дан плавный полёт и взмахи крыльев прекрасной птицы – «перистые» промельки и чередования света и тени на сцене украсили оперу дважды. Шквал оваций встретил Виллема Швингхаммера, а неспевший, но сыгравший Генриха Торстен Грюмбел совершил очень театральный, но красивый жест выйдя на поклоны вместе с выручившим его коллегой, снял с головы королевскую корону и протянул ему. Овации и восторженные крики публики достались буквально всем солистам: и Винченцо Нери, спевшему Герольда, и неистовому, страстному, на разрыв игравшему и безупречно певшему Тельрамунда американскому баритону Грэггу Колклоу, и восхитительной шведской певице Ирэн Теорин, обладательнице воистину *вагнеровского* мощного сопрано, исполнительнице зловещей Ортруды, и лиричнейшей, тонкой Лиене Кинча, латвийской певице, спевшей Эльзу. Заметно сдержанными аплодисментами без единого всплеска эмоций был встречен Лоэнгрин – германо-сербский тенор Зоран Тодорович, ведший спектакль без особого накала, а половину третьего акта и вовсе спевший фальцетом. Жаль, что приходится отмечать такие серьезные огрехи именно у исполнителя титульной роли, но это не испортило главного чувства: спектакль состоялся, и его огромный успех ни в малейшей степени не был натянутым.

Майя Шварцман

Фото: Opera Vlaanderen
(Опера Фландрии)

Анна Русских

Родилась в Москве. В 1987 г. окончила Московское хореографическое училище (ныне Московская государственная академия хореографии; педагоги Е. Жечужина, С. Афанасьева) и была принята в балетную труппу Большого театра. В 2000 г. окончила педагогическое отделение балетмейстерского факультета Российской академии театрального искусства (курс Т. Тучиной), получив специальность «педагог-хореограф». В 2003-06 гг. преподавала классический, народно-характерный и историко-бытовой танец в Балетной школе Большого театра в г. Жоинвиле (Бразилия). В настоящее время учусь в магистратуре МГППУ - этническая психология.

«Щелкунчик» в Большом театре

В канун католического Рождества я попала на «Щелкунчика» Большого театра.

Не могу сказать, что мечтала как многие. Да и вообще, кажется, однажды я его из зала все-таки видела. Хоть и было это очень давно.

Но посмотреть спектакль, как это делает зритель, у меня не получилось. Вернее...

Не было у меня всех этих «ахов» и «охов» по поводу спектакля... Не было чуда, сказки, волшебства. Ведь каждого артиста, находящегося на сцене, я знаю. Со многими общаюсь каждый день, с кем-то ходим в один класс. И потом... В «Щелкунчике» из кордебалетных партий перетанцовано практически все. Ну разве что вальс не танцевала, хотя и учила, была в запасе. Дети, родители, снежинки, и оба двойника Маши: и та, которая качается на лодке, и та, которая в конце прыгает на руки к Щелкунчику. Возможно, из-за того, что последние годы в новогодние праздники бывало по 22 «Щелкунчика», он становится чем-то обыденным.

А спектакль... В целом понравился. Но если говорить конкретнее, то ...

Никогда не понимала, как можно не помнить порядок или рисунок танца, где и когда на сцене ты должен находиться. Обратила внимание, что «родители» развелись неправильно, оказались не на тех местах...

Совсем не понравился Щелкунчик-кукла. Тот, который возглавляет солдатиков. Не хватило легкости и высоты прыжка. Да и линии у солдатиков оставляли желать лучшего. Кукла-черт не доделал половины движений, видимо, от волнения перед финальными турами.

Снежинки танцевали ровно, но рассыпались в коде. Особенно во второй – жете делали, кто в лес, кто по дрова. Я по-

нимаю, что обыкновенному зрителю все это не видно. Но у меня не получается по-другому.

Очень понравились китайские куклы, особенно она. Знаю, кто танцевал, но имена специально не называю. Еще испанские, русская и француз. Остальные... ничего особенного...

Вальс кордебалет станцевал хорошо, а вот солисты... Тоже неплохо, но смотрелись странно. Особенно девушки. И проблема не в исполнении, а в росте. Как можно ставить в один состав девушек с разным ростом. Со сцены смотрится это ужасно. Прямо как Дон-Кихоты и Санчо Пансо. И потом... Ну можно, наверное, договориться поднимать ноги на одну высоту. Все-таки солисток в вальсе шесть. А то одна поднимает на 120 градусов, рядом дерет ногу на 180. Понимаю, что все должны на 190, но не у всех есть такие возможности... Мне кажется, что то, как смотрится спектакль со стороны важнее демонстрации собственных данных.

Ну и солисты... Принц тоже был не ах... В финале вариации я так ждала эффектного а la segoe перед коленом, но увы... То ли не получилось, то ли решил не делать. Периодически вообще появлялось ощущение – танцует в пол ноги.

Маша – не справилась с прыжками на пальцах в вариации. Знаю, что непросто, но раз другие делают, значит можно. Да, бывает не получается во время спектакля... Бывает всякое... Видимо мне не повезло...

В общем, все как-то получилось не радостно, и новогоднего настроения поход на самый новогодний балет мне не прибавил.

Может быть есть смысл сходить на «Щелкунчик» в «Стасик» или еще куда...

Думаю... А вдруг там тоже чуда не произойдет...

(фото предоставлены автором)

Бедный Спартак

О чем вы думаете, когда слышите имя Спартак? Если о футбольном клубе, то тогда можете дальше не читать. Если, же перед вами возникает образ вождя восстания рабов и гладиаторов, то, возможно, вам будет интересно. Хотя...

Когда-то, лет тридцать назад, «Государственный академический театр классического балета Наталии Касаткиной и Владимира Василёва» входил в тройку ведущих балетных театров Москвы. Мне очень нравились шедшие в театре «Весна священная», «Сотворение мира», «Натали или швейцарская молочница», где первой исполнительницей заглавной партии стала несравненная Екатерина Максимова.

В театре свой творческий путь начинали такие выдающиеся артисты балета как: Маргарита Перкун-Бебезичи, Ирек Мухамедов, Галина Степаненко, Станислав Исаев, Владимир Маляхов.

В этом театре, у Татьяны Николаевны Попко, я, будучи студенткой ГИТИСа (РАТИ), проходила практику.

Поэтому, когда меня спросили, хочу ли я пойти на спектакль театра, — согласилась не раздумывая. И трех предложенных: «Лебединое», «Жизель», «Спартак», я выбрала последний.

Увиденное, как бы это сказать помягче, меня расстроило. Начиная с хореографии и заканчивая исполнением.

Зная, что основу репертуара составляют собственные постановки Касаткиной и Василёва, я была готова к совершенно новой для меня хореографии известного балета. Ведь балет, идущий в Большом, я знаю практически наизусть. А здесь, кроме оригинальной постановки, зрителю обещали еще и неиспользованные ранее музыкальные фрагменты партитуры и фантастические костюмы Елизаветы Дворкиной.

Да, безусловно, я увидела совершенно другую хореографию. Но уж слишком, на мой взгляд, эта другая хореография пропитана эротикой, слишком много половых танцев. В прямом и переносном смысле.

Но ведь балет «Спартак» не про это... так мне кажется...

Эту эротическую линию поддерживали и костюмы, особенно костюмы девушек: купальники, в которых хоть сейчас можно на пляж.

Причем в купальники были одеты не только куртизанки во главе Эвтибидой, наложницей Красса, но и девушки-легионеры.

Я понимаю, что в театре не хватает артистов мужчин. Но девушки в роли легионеров, с щитами и мечами, выглядят странно. Не менее странным и совершенно непонятным стал выход девушек в белых комбинезонах и с венками на голове в конце первого акта. Первая мысль — при чем тут виллисы. А

Ульяшка спросила: «Кто это и зачем они тут?» Увы, ответить на вопрос я так и не смогла. Самой хотелось бы получить на него ответ.

Конечно, слыша знакомую музыку, я «танцевала» знакомые движения... Мне их очень не хватало. Все-таки знаменитая версия Юрия Григоровича крепко засела в моем сознании...

Динамичный, музыкальный, логически выстроенный... Всего этого мне не хватило в «Спартаке» театра Классического балета.

Возможно нам не повезло... В этот день у Игоря Цыганкова, исполнявшего Спартак, было первое выступление. Его Спартак был робкий и неуверенный в себе. Как такой человек мог поднять восстание понять сложно. Возможно, ему, с его ростом, не хватало пространства. Ведь сцена Кремлевского дворца огромна, а ее зажали декорациями и диагонали прыжков получились кастрированными... А еще мне однозначно не хватало динамики и мощи...

На мой взгляд, в этой роли куда лучше смотрелся бы Николай Чевычелов, танцующий Красса. Великолепные легкие прыжки, харизма, выразительность. За таким не страшно пойти хоть в огонь, хоть в воду. А вот его Красса я скорее сравнила бы с Наполеоном. В первую очередь из-за роста. Хотя возможно это такая режиссерская задумка.

Но на фоне невысокого и худого Красса Марина Ржанникова, танцующая Эвтибиду, выглядела слишком большой, крупной и тяжелой. Ее прыжки совсем не отличались легкостью. Дополнительный объем и без того массивной фигуре добавлял все тот же отдельный блестящий купальник.

Правда 16 фуэте были выполнены великолепно.

Единственным «светлым пятном», лучом света в темном царстве, стала Алиса Воронова — Аврелия. В варианте Большого театра — Фригия. В противовес Эвтибиде — невероятно легкие прыжки, воздушность и хрупкость. На удивление красивым получилось знаменитое прощальное адажио Спартак и Аврелии. Без пошлости и кувыркания по полу.

Я понимаю, что получилось уж очень критично, но, увы... как есть...

Я ни слова не написала о кордебалете... Но, честно говоря, и писать-то нечего, потому что это было неровно и грязно.

После увиденного я шла домой и думала... Что и почему произошло в театре, некогда входившем в тройку лучших балетных театров Москвы. Отсутствие финансирования? Сильного руководителя?

Возможно, и того и другого.

Анна Русских
(фото из свободных источников)

Разговор о балете. «Каменный цветок»

На сцене Большого театра балет «Каменный цветок» не идет с 1994 года. К моему большому сожалению. Я очень любила этот спектакль. Всегда танцевала с большим удовольствием. И не имело значение, что: камни, подружки, русский танец на ярмарке или последнюю сцену спектакля, куда, кстати, я влетела с развальной репетиции. Об этом рассказу. Но сначала немного истории...

Премьера «Каменного цветка» в Большом театре состоялась в 1954 году. Тогда балет, поставленный Леонидом Лавровским, назывался «Сказ о каменном цветке». Либретто для балета написала жена С.С. Прокофьева Мира Мендельсон-Прокофьева. Роль Екатерины исполняла Галина Уланова. Роль Хозяйки Медной горы – Майя Плисецкая.

Спустя три года в Кировском театре состоялась премьера балета «Каменный цветок» в редакции Ю.Н. Григоровича. Спустя еще два года этот спектакль был перенесен на сцену Большого театра.

Главные партии танцевали Екатерина Максимова, Владимир Васильев, Майя Плисецкая.

Екатерина - Е. Максимова, Данила - В. Васильев

Долгие годы второй сценой, где шли балеты Большого театра, был Кремлевский Дворец Съездов (КДС), ныне называемый Государственным Кремлевским Дворцом (ГКД). Спектакли там шли, как правило, в четверг и субботу. Редко в другие дни. Хотя могу и ошибаться. Столько времени прошло.

«Каменный цветок» был одним из спектаклей, идущих в Кремле.

Гримерки артистов располагались на первом и, кажется, четвертом этаже. Точно не помню, так как я сидела в гримерке в фойе около сцены.

Точно так же располагались и мужские гримерки.

С обеих сторон, и с мужской и с женской, в фойе были удобные кресла, стоял телевизор.

Перед началом спектакля, между выходами на сцену и в антрактах артисты сидели здесь в ожидании своей музыки и наблюдали за своими коллегами. По телевизору шла трансляция спектакля.

Помню был случай... Начался спектакль. Прошла первая

картина, начинается вторая. Сцена помолвки Екатерины и Данилы. Танец девушек. Потом танец неженатиков. И вдруг мы понимаем, что нет артиста, танцующего двойку.

Как вышли из положения, сейчас не помню. Кажется, к концу танца он все-таки на сцене появился.

Потом в антракте он рассказал, что сидел смотрел начало балета, ждал своего выхода. Началась вторая картина: станцевали женщины, мужчины начали танцевать. И тут он замечает, что не хватает одного из двойки солистов. Стал вспоминать, кто сегодня должен танцевать. И вдруг до него доходит, что этот второй – он сам!

Я в этом балете больше всего любила танцевать в сцене, которая называлась «Ярмарка». Особенно любила один момент. Надо сказать, что музыка у Прокофьева непростая. Часто встречаются музыкальные фразы с тремя, пятью, семью тактами. В этой ситуации музыку надо либо очень внимательно слушать и слышать, либо читать. Кстати, подобные фразы встречаются у Прокофьева и в других его балетах: в «Ромео и Джульетта», в «Иване Грозном». Так вот... Было в «Ярмарке» одно такое место: когда сначала три такта, потом семь. И такая фраза повторялась дважды...

Почему я его так любила – не знаю... Но любила именно не считать, а воспринимать на слух.

Ярмарка. Сцена из балета

С этим спектаклем связан еще один случай, после которого в моем багаже появилась еще одна «партия» в этом балете. Как-то однажды, кто-то из девочек сломался в середине балета, но, к счастью, у нее оставался лишь последний выход в финале. Не помню, почему, но влетела за нее я. Хотя эту партию я никогда до этого не танцевала и даже в запасе не была. Мне лишь успели на бегу показать порядок, а дальше... Танцевала я с подсказками: куда идти, что делать...

Кстати, после этого финал стал еще одной любимой сценой в балете.

И, знаете, что еще удивительно... Столько лет прошло, а я помню многие куски из этого балета. Заиграй музыка – и я станцую...

Анна Русских

ИЗЯЩЕСТВО И СТАЛЬНОЙ ХАРАКТЕР.

Мифы и факты профессии балерины

Фрагменты интервью Анны Русских для газеты «Солидарность».

Автор материала: Айсин Камиль.

Полная версия: <https://www.solidarnost.org/articles/izyaschestvo-i-stalnoy-harakter.html>

© Центральная профсоюзная газета «Солидарность»

Фото предоставлены Анной Русских

Балерина на сцене выглядит как воплощение женственности. Но в любом театре спектакль – лишь итог многогранной работы. Куда больше времени и усилий уходит на подготовку. Балет, наверное, самое требовательное из сценических искусств: сложно войти в профессию, еще сложнее добиться успеха и практически невозможно посвятить танцу всю жизнь. На вопросы «Солидарности» о жестких требованиях, диете, зарплате, субъективном отношении руководства, ранней пенсии и главных качествах профессии отвечала артистка балета Большого театра Анна Русских.

О ТРУДЕ И ДИЕТЕ

– Анна, в каком возрасте вы пришли в балет?

– Я начала заниматься балетом лет в девять. Перед этим занималась фигурным катанием и художественной гимнастикой. Когда мама привела меня в художественную гимнастику, ей сказали буквально следующее: «Мы берем вашу дочь, но при условии, что вы ее через пару лет не заберете в балет». И это стало для мамы своеобразным толчком – чуть позже она забрала меня в балет. Сначала в подготовительный класс, а потом в десять лет я сдала экзамены и начала учиться в тогда еще Московском академическом хореографическом училище (сейчас – Московская государственная академия хореографии. – К.А.)

– За легкостью, изяществом на сцене стоят годы изнурительного труда. Каков примерный распорядок дня в Большом?

– В театре обычный распорядок таков: в 10 или в 11 начина-ется класс. Основной рабочий день начинается в 11, но можно приходить на час раньше, чем я и пользовалась. Потом перерыв. В 12:20 начинаются утренние репетиции, идут два часа, потом, в зависимости от того, есть вечером спектакль или нет, приходишь или в 6 или к 7 на спектакль или на вечернюю репетицию. Спектакль длится в зависимости от постановки, а вечерняя репетиция до двадцати минут десятого. Если репетиция идет с перерывом, то она заканчивается позже. Работают в театре шесть дней в неделю, выходной – понедельник.

– Нередко говорят о подковерной игре среди артистов, борющихся за партии, – от использования административного ресурса, стучания кулаками по столу до булавок в костюмах. Вы сталкивались с подобным?

– Когда пришла в театр, с булавками в костюме и стеклом в туфлях я не сталкивалась. Такое у меня однажды было в училище. Я пришла на экзамен и обнаружила, что у меня пропал купальник, а у балетных туфель подрезаны ленточки. В театре такого не было. Но, естественно, конкуренция есть. Случаи бывали разные. В начале 90-х годов в театр пришли молодые артисты, а у нас тогда шел детский балет «Чиполлино» – замечательный спектакль, и понятно, что партии там были соответствующие: фрукты, овощи. И девочки пришли к начальству и сказали: «Мы восемь лет учились не для того, чтобы танцевать эти партии». А что касается того, кто какую партию будет танцевать, во многих организациях без блата и протектирования никуда, и балет не исключение.

– Насколько серьезны требования по росту и весу в балете, как это решается на практике?

– В школе это жестче контролировалось. Была примерно такая формула: рост минус вес должен давать 120 как минимум. Но есть нюансы: у кого-то кость тяжелее, а кто-то тонкокостный и легче, что тоже надо учитывать. У нас в классе была довольно полная девочка, но мальчики любили с ней стоять «на дуэте», потому что с ней было легко. В школе нас контролировали: мерили, взвешивали. В театре это больше отдается на откуп визуальной эстетике. С приходом нового руководства стали смотреть даже на форму мальчиков, чтоб и мальчики были худые. Эстетика тела меняется.

– Существует стереотип о якобы скудном рационе артистов балета, дабы поддерживать фигуру. Ясно, что с балетными

нагрузками на одном яблочке далеко не уедешь. Как питаются балерины?

— Однажды на работе я даже провела опрос среди девочек по этому поводу. Вы знаете, это зависит от генетики: кто-то расположен к полноте и вынужден следить за своей формой, а кто-то наоборот; это индивидуально. У меня был период, когда я очень поправилась — наверное, это было возрастное — и вынуждена была контролировать свой вес. А было время, когда моя диета включала на завтрак мороженое, на обед торт с мороженым, а на ужин просто торт. И при этом была в хорошей форме. Но артистам в любом случае надо есть мясо — без этого никуда, это силы, энергия. А диеты чисто индивидуальные. У нас в буфете есть и булочки, и пирожные, и мясо, и салаты. Каждый артист выбирает рацион под себя, но яблочко в день — это, разумеется, неправда.

О ПЛЮСАХ И МИНУСАХ

— Складывается впечатление, что кроме тех немногих артистов балета, кто является «лицом» профессии, медийными персонами, для всех остальных балет формирует отдельный, замкнутый и в чем-то оторванный от реальности мир. Это так?

— Это зависит от человека, я думаю. Есть свои минусы. Скажем, когда у всех «нормальных людей» выходные в субботу и воскресенье — у нас репетиции и спектакли. Общаться в привычном кругу друзей и знакомых — не балетных людей — сложно. Но мне удавалось совмещать. Я ходила в драматические театры, на выставки, в музеи. Меня многое интересовало, и я старалась удовлетворять свои интересы.

— Часто ли бывает так, что семьи возникают «за кулисами»?

— Можно сказать, что да, часто. И так же часто распадаются. Но, думаю, так везде. С одной стороны, это легко, а с другой — проводить вместе практически 24 часа в сутки — это не для всех.

— Что вы больше всего любите в профессии?

— С годами произошло некоторое переосмысление. Мама меня отдала в эту профессию потому, что я по улицам не ходила, а танцевала. С тех пор как начала ходить, едва слышала музыку — сразу начинала танцевать. Но сугубо балетных воспоминаний из детства у меня нет — я занималась и фигурным катанием, и художественной гимнастикой. А сейчас, наверное, люблю ощущение выхода на сцену и возможности танцевать то, что нравится, в свое удовольствие. Но ко мне это пришло не вдруг. У меня была травма, потом я была в декрете, и, когда вернулась в театр после большого перерыва, возможность выходить и танцевать то, что тебе нравится, и получать от этого удовольствие для меня стала очень важна.

— И наоборот — что ненавидите или считаете очень несправедливым?

— Субъективное отношение руководства. Не лично ко мне, а к артистам. Это такая профессия, когда могут не поставить в какие-то партии и спектакли только по причине нелюбви со стороны руководства. Или могут ответить: «Постановщик тебя не видит в этой партии». Если руководитель снял тебя со спектакля, ничего с этим не поделаешь. И не важно, пусть ты танцуешь в сто раз лучше, чем кто-то другой, но за того попросили, заплатили или у него хорошие отношения с руководством. Считаю несправедливым субъективное оценивание тебя как личности и как артиста только одним человеком.

О ЗАРПЛАТЕ И ПЕНСИИ

— Если не говорить о ведущих артистах, таких как Вишнева, Образцова или Крысанова, каков примерный заработок балерины?

— Поскольку сейчас у нас исключительно капиталистический подход, то заработок зависит от того, сколько ты танцуешь спектаклей. Официальная ставка артиста балета высшей категории примерно 8700 рублей. Пару лет назад была 8050, а в прошлом

году нам подняли зарплату в два этапа, кажется, на 673 рубля. К этому добавляется президентский грант — еще примерно 23 тысячи рублей. Есть надбавки за выслугу — если ты танцуешь в театре больше 15 лет. Причем эти проценты надбавки идут не от суммы ставки и гранта, а только от ставки. Есть так называемый переменный грант, как он рассчитывается, я не знаю. Получается в среднем 35 — 40 тыс. Остальные деньги — это гонорары от станцеванных спектаклей. Если мало танцуешь — то и зарплата будет маленькая. В среднем артист получает где-то от сорока до восьмидесяти тысяч.

— И это, конечно, зависит еще от той партии, которую танцует артист?

— Безусловно. Каждая партия имеет свою стоимость.

— Правду ли говорят, что мужчина в балете получает больше, чем женщина, — как более редкий кадр?

— Нет, это тоже миф. У мужчин заработок тоже зависит от спектаклей и партий. И если одна и та же партия есть у мужчин и у женщин — например, в «Лебедином озере» есть вальс, где танцуют и мужчины, и женщины, — у тех и других партия стоит одинаково.

— Наверное, в вашей профессии часты профессиональные заболевания и травмы. Есть ли регулярные медосмотры, отпуска, санатории и прочее — в общем, забота о здоровье кадров?

— У нас в Большом театре есть массажисты. Они работают непосредственно в театре, и можно договориться, записаться — это бесплатно. Есть высококвалифицированные хирурги в нашей театральной поликлинике. Есть страховка, нас всех официально страхуют от травм и прочего. У меня была травма в 2000 году, и операцию мне делали по страховке, я оплачивала только инструменты, так как они не входили в страховку. Раз в год мы должны проходить медосмотр. Женщин года три назад освободили от этого, видимо, решив, что женщины и так его проходят, как более ответственные. Для мужчин ежегодный осмотр остался обязательным; буквально на днях повесили списки, кто в какие дни медосмотр проходит.

— В Серебряном бору в Москве, насколько я помню, есть дом отдыха Большого театра?

— Да, это бывший дом известной артистки Антонины Неждановой. Артисты раньше бронировали путевки, выезжали туда на воскресенье-понедельник, собирались компаниями. Не знаю, популярно ли это сейчас — я сама там была последний раз лет двадцать назад. Еще у театра есть санаторий в Анапе. Но, как я понимаю, артисты балета очень редко этим пользуются, предпочитают сами куда-то за границу выбраться.

— Что делают балерины на пенсии, которая наступает значительно раньше, чем у людей других профессий?

— Кто что. Чаще всего преподают, причем не только в балетных школах, но и у фигуристов, у синхронисток. Педагог-хореограф востребован, но это при условии, что есть второе образование. Кто-то идет учиться, например на журфак МГУ или в МГИМО.

Кто-то открывает свой бизнес – связанный с балетом или нет. Были те, кто открывал рестораны, кто-то открывал риелторские агентства. Находят себя в разных специальностях.

О ПРОФСОЮЗЕ И ПРОФЕССИИ

– *Состоите ли вы в профсоюзе?*

– Да, я состою в профсоюзе, являюсь представителем коллектива балета. В Большом театре первичка очень активна. У нас довольно сильный профсоюз, который отстаивает интересы артистов. Уже лет десять существует коллективный договор между театром и артистами – не только балета: артисты оперы, хор, оркестр. Конечно, это было сделано не без активного участия профсоюза.

– *Ваши коллеги участвуют в деятельности профсоюза? Или есть он – хорошо, нет – ну и ладно?*

– Для большинства так: есть профсоюз – хорошо. Новогодние подарки, для детей бесплатные билеты на новогодние представления, возможность поехать отдохнуть со скидкой в санаторий. Профсоюз пытается что-то делать, но в связи с тем, что в театре введена контрактная система, очень многие боятся говорить открыто о проблемах. Я сама с этим сталкивалась: в гримерке обсуждается, что опять задержали на репетиции, опять вызывают в одиннадцать, опять переработки. И я говорю, что готова пойти в профсоюз и поднять этот вопрос, но нужны заявления. Без бумажки ничего сделать нельзя. А писать все боятся. Потому что понимают: если имя всплывет, то велик шанс, что руководство тебя снимет с партии, не поставит в спектакль – и останешься без денег.

– *Самые главные качества, которыми должна обладать балерина?*

– Не хочется банальностей, но получается так: трудолюбие, выносливость, целеустремленность. Для меня всегда еще была важна эрудированность, разносторонность интересов. Я считаю, что вообще любой человек, в том числе артист балета, должен быть разносторонне развит.

– *Если бы вы выбирали профессию сейчас – выбрали бы снова эту?*

– Не знаю... За меня этот выбор в свое время сделала мама, и я несколько об этом не жалею, потому что занималась тем, что мне нравилось. Если бы была возможность выбирать, наверное, снова пошла бы в балет. Но несмотря на то, что я много лет жизни отдала этой профессии, я всегда старалась заниматься чем-то другим, что мне тоже было интересно. Я не была заиклена на балете, хотя, возможно, поэтому и не стала ведущей солисткой. На это, наверное, есть и объективные, и субъективные причины. Но скажу еще раз: никогда специально не задумывалась над этим, но полагаю, что снова выбрала бы балет.

– *Какие у вас увлечения помимо балета?*

– Много чем занималась, по правде говоря. Увлекалась всегда чисто женскими домашними хобби: люблю вязать, шить, готовить. Люблю рисовать. Было время, когда активно занималась горными лыжами. До сих пор занимаюсь плаванием. Когда-то давно дружила с ребятами из МЧС, из поисково-спасательных отрядов, сейчас они по-другому называются. Иногда жила у них на базе. Ездил со спасателями на вызовы. Понедельник у меня выходной, и я приезжала на базу в воскресенье, ночевала там. Если в дежурной бригаде спасателей не хватало человека, а ребята уезжали на выезд, могла сесть на базовую станцию, чтобы принимать вызовы и согласовывать действия.

О РОЛЯХ И МЕЧТЕ

– *Ваша первая роль?*

– Первая репетиция, когда я только пришла в театр, – это был балет «Ангара» Юрия Григоровича на музыку Андрея Эшпая. Этот балет долго не шел в Большом, и его восстанавливали в репертуаре. А первый спектакль, в котором я вышла на сцену, – «Дон Кихот». Помоему, я танцевала польку – это танец подруг тореадоров в первом акте, а во втором акте – в сцене сна Дон Кихота. – Любимая роль? – Я не могу сказать, что у меня была какая-то любимая роль. Я очень люблю балет «Иван Грозный». Там я танцевала в партии народа. Вообще люблю балеты Григоровича. Но сказать, что была одна какая-то любимая роль, не могу. Очень люблю балет «Анюта» Владимира Васильева на музыку Гаврилина.

– *Роль-мечта? Если оставить все ограничения, именно мечта?*

– Я бы с удовольствием станцевала главную партию в балете «Анюта». У меня даже было такое предложение – уже не помню, почему не получилось тогда. Но было очень жалко. Позже, в 2001 году, я ездила в Краснодар и переносила этот балет на сцену Краснодарского музыкального театра. Однако мне не везет с этим балетом – он так и не вышел там на сцену.

– *У вас есть дети?*

– Да. Дочери одиннадцать лет.

– *Значит, теперь уже можно точно сказать, выбрала ли она профессию артиста балета?*

– Да, конечно. Балериной она не будет однозначно: раньше в балет шли с десяти лет, сейчас с одиннадцати. Ей уже одиннадцать, и она учится в простой школе в пятом классе. Я из тех мам, которые адекватно относятся к данным и возможностям своего ребенка. Когда она была маленькая, ей нравилось танцевать, но еще нравилось петь, изображать что-то, играть с воображаемыми предметами – то, что изучается в театральных вузах. Когда я ей предложила пойти по моим стопам, она сказала: «Нет». Ведь данные еще надо развивать. Что-то у нее было, скажем, легкий прыжок и вращение, но не было подъема, шага, выворотности – и не было желания это развивать. Настаивать я не стала, потому что понимаю, что этим надо гореть, это надо хотеть, понимать, ради чего ты все это делаешь. Не захотела – и не захотела. Значит, буду помогать ей в чем-то другом.

– *Совет для девочек, мечтающих о балете, и их мам?*

– В первую очередь мой совет адресован родителям – трезво оценивать возможности своего ребенка. Это очень важно. Если ребенок хочет, а у него не хватает каких-то данных, но вы готовы преодолевать, перешагивать через трудности, – тогда идите, и идите до конца. Но если вы понимаете, что у ребенка данных нет или они минимальны – в этом случае надо поддержать ребенка и найти смысл в других вещах. И помните, что жизнь не ограничивается одним балетом. Очень хорошо помню фразу одного из своих педагогов: ты не стала ведущей балериной, но зато в твоей жизни было столько всего интересного, что все это окупает. И я согласна с этим.

Куклы Елены Смирновой

Елена Смирнова родилась в 1972 г. в Германии, в г. Магдебурге, в семье военнослужащих. В прошлом сама служила в армии, была телефонистом.

Уже 20лет работает в индустрии красоты парикмахером-стилистом. Живёт в Санкт-Петербурге.

С детства проявляла особый интерес к куклам... Всегда хотела научиться их делать. И вот три года назад, попала на выставку «авторской куклы», где познакомилась с преподавателем Еленой и начала учиться этому захватывающему делу.

«Сейчас мои куклы рождаются одна за другой... Очень люблю этот процесс, он дарит мне радость и состояние счастья!!!»

Куклы делаются в смешанной технике, глина запекаемая и самозатвердевающая... На проволоочном каркасе.. Волосы из шерсти козы, кожаная обувь, деревянная подставка. Используются акриловые краски.

Изготавливаются куклы на заказ, на продажу и в подарок родным и друзьям.

«Интеллигент. New-York». Учредители: Сергей Пашков, Сергей Малашко.
Главный редактор выпуска: Юлия Рудомазина. Зам. главного редактора: Вячеслав Барыбов.
Технический редактор: Сергей Пашков.

Редакционный совет: Светлана Савицкая (Россия), Наталья Крофтс (Австралия), Наталья Гордеева (США), Анна Русских (Россия).

Художественный редактор: Екатерина Асмус.

Художник: Маргарита Рогозик. Верстка: Юлия Рудомазина.

E-mail: provint.pashckov@yandex.ru. web@intelligent-press.ru redactor@intelligent-press.ru

Сайт: www.intelligent-press.ru.

На обложке: Марк Шагал «Триумф музыки», 1967

Картины на цветной вкладке: Анели Дочева (Болгария)

На задней стороне обложки: Куклы Елены Смирновой (Санкт-Петербург)

